

Правительство
Москвы

Правительство Москвы
Комитет по культуре города Москвы
Московский институт
социально-культурных программ

Российская Академия наук
Институт социально-политических исследований

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ
НАУК

ПОИСК

Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура

Выпуск № 1 (14)

Москва, 2007

УДК 008
ББК 71
П71

Научный редактор — доктор социологических наук В.К. Сергеев

Ответственный за выпуск — В.Г. Донской

ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура // Научный сборник. — М.: Серебряные нити, 2007. — Вып. 1 (14). — 152 с.

Научный сборник рассчитан на работников культуры, искусства, науки, образования, студентов и аспирантов гуманитарных вузов, всех, кто в той или иной степени участвует в процессах организации, планирования, законодательства в социально-культурной сфере.

© Московский институт социально-культурных программ, 2007
© ИПЦ «Социум», 2007

Глобализация и её возможные негативные последствия

*КРЫЛОВА Ирина Анатольевна,
ведущий научный сотрудник
Института философии РАН,
доктор философских наук*

Феномен глобализации, понятой как процесс становления единого, взаимосвязанного мира, в последние десятилетия стал предметом пристального внимания специалистов различного профиля, в первую очередь политологов, социологов и философов. Другое дело, что воспринимают и оценивают его по-разному, вплоть до взаимоисключающих характеристик и выводов.

В настоящее время имеющаяся литература по глобализации насчитывает тысячи монографий, коллективных трудов и докладов, материалов бесчисленных конференций и симпозиумов. Более того, существуют целые направления и междисциплинарные центры, где изучается этот феномен.

В то же время отношение к глобализации весьма неоднозначно. Причём в литературе по глобализации представлено широкое и узкое толкование этого понятия.

Некоторые отечественные исследователи неправомерно расширенно понимают «глобализацию», применяя это понятие для описания процессов, которые мало связаны с реальной глобализацией (В.И. Пантин, Э.А. Азроянц, А.П. Назаретян и др.).¹

В отечественной литературе встречается и узкое понимание глобализации. Так, этот термин употребляется для обозначения процесса развития глобальных финансовых рынков, роста ТНК и достижения ими господствующего положения по отношению к национальным экономикам (Н.Н. Моисеев, А.И. Уткин, Дж. Сорос и др.). Академик Н.Н. Моисеев, отмечая, что за последние десятилетия возникло 37 тыс. ТНК, имеющих около 200 тыс. филиалов, которые образуют фактически единую сеть на всей планете, писал: «Локальные, национальные экономики постепенно стали терять потенцию саморазвития. Они стали интегрироваться в единый общепланетарный экономический организм с универсальной системой регулирования... Решающую роль в определении характера дальнейшего развития стали играть транснациональные корпорации (ТНК): произошла транснационализация капитализма»².

По определению А.И.Уткина, глобализация — это «слияние национальных экономик в единую, общемировую систему, основанную на быстром перемещении капитала, новой информационной открытости миру, технологической революции, приверженности развитых индустриальных стран либерализации движения товаров и капитала, коммуникационном сближении, планетарной научной революции; для неё характерны межнациональные движения, новые виды транспорта, телекоммуникационные технологии, интернациональная система образования»³. Термин «глобализация», считает автор, является метафорой, придуманной для выяснения смысла и понимания природы современного капитализма. Глобализация — это в возрастающей степени интенсивная интеграция как рынков товаров и услуг, так и капиталов.⁴ А.И.Уткин пишет о двух глобализациях: «первой» (столетней давности), опорой которой была Британская империя (её промышленная база, финансы и военно-морской флот) и «второй», современной, за которой стоят США.⁵

Надо сказать, что данная точка зрения широко распространена и на Западе. В частности, Дж. Сорос в «Тезисах о глобализации» отмечает: «Я принял довольно узкое определение глобализации: я буду понимать под ней свободное перемещение капитала и растущее подчинение национальных экономик глобальным финансовым рынкам и транснациональным корпорациям... Я утверждаю, что глобализация протекает однобоко»⁶.

Ряд отечественных учёных выступает против этого (В.И. Толстых, В.Б. Кувалдин, В.И. Данилов-Данильян, К.С. Лосев, Э.В. Гирусов, А.С. Кацура и др.), считая, что вне поля зрения остаются другие аспекты современного процесса глобализации.⁷

Кроме того, глобализация понимается, в частности М.Г.Делягиным, как «процесс стремительного формирования единого общемирового финансово-информационного пространства на базе новых, преимущественно компьютерных технологий. В этом её отличие от интеграции, высшей стадией которой она является»⁸. Причём основными атрибутами глобализации, по мнению автора, являются глобальное телевидение, «финансовые цунами» спекулятивных капиталов, сметающие и воздвигающие национальные экономики, первый кризис глобальной экономики в 1997 — 1999 гг., Интернет, виртуальная реальность, интерактивность. Главное же — влияние новых, информационных технологий на общество, а шире — на человечество в целом.

Многие исследователи подчёркивают, что глобализация представляет собой естественное явление, отражающее определённый уро-

вень развития современной цивилизации. Так, А.Н. Чумаков считает, что глобализация — «это многоаспектный естественно-исторический процесс становления в масштабах планеты целостных структур и связей, которые имманентно присущи мировому сообществу людей. Охватывает все его основные сферы и проявляется тем сильнее, чем дальше человек продвигается по пути научно-технического прогресса и социально-экономического развития»⁹.

Считая, что глобализация представляет собой процесс, который не имеет временных ограничений, А.Н. Чумаков выделяет пять этапов его осмысления. Первый этап (вторая половина XVIII — XX века) связан с осмыслением социальной проблематики ставшего целостным мира, который окончательно замкнулся географически, а потом в общих чертах экономически и в значительной мере политически. Второй этап (20-е — 60-е гг. XX века) связан с обсуждением проблем взаимодействия общества и природы, когда мир фактически полностью замкнулся экономически и политически, а также стал замыкаться экологически. Третий этап (конец 60-х до конца 80-х гг.) связан с исследованием глобальных проблем современности, когда мир замкнулся экологически и наметилась тенденция к замыканию информационному. Четвертый этап (конец 90-х гг. по настоящее время) связан с осмыслением глобализации как процесса, когда мир практически замкнулся информационно, а логически его завершением должно стать замыкание цивилизационное. Пятый (гипотетический) этап — это так называемая «постглобализация», когда можно предположить, что мир замкнётся сначала идеологически, затем социокультурно, морально-этически, ментально, наконец, уже окончательно — как единая целостность в форме глобального человечества. В полном же смысле, считает А.Н. Чумаков, мир станет глобальным, когда он замкнётся по всем своим параметрам: географическому, экономическому, политическому, экологическому, информационному, цивилизационному (юридическому), идеологическому, социокультурному, духовному (морально-этическому), ментальному (глобализация сознания), а «глобализация как процесс» исчерпает себя.¹⁰

Некоторые философы, в частности В.И. Толстых, в понимании глобализации в концептуально-философском плане отдают предпочтение идее единства мира, рассматривая её в качестве глубинного принципа построения будущего глобального общества. По мнению В.И. Толстых, глобализация, будучи символом всеобщего в её гуманистическом смысле и толковании, не имеет ничего общего с унификацией, стандартизацией и обезличиванием. Глобализация — это

то, что свойственно и принадлежит всем, не требуя ни от кого отказа от своей индивидуальности и своеобразия. «В отличие от расхожей идеи неизбежности столкновения цивилизаций, — пишет В.И. Толстых, — мы исходим из того, что существующее многообразие культур и цивилизаций есть исторически сложившийся способ существования сожительства людей, народов, наций и стран с природой и друг с другом. Акцент делается на единстве в многообразии. Такой подход и взгляд представляется наиболее плодотворным для осмысления феномена глобализации. Научиться жить самим, давая жить другим, — в этом и заключается основная идея глобализации (в её гуманистическом истолковании)»¹¹. Иначе говоря, эпоха глобального мира — это время и шанс претворить идею глобального всеединства в реальность.

И, наконец, глобализация понимается как универсализация западных неолиберальных ценностей (А.А. Зиновьев, В.А. Самохвалова, В.С. Васильев, А.С. Панарин и др.). В этом случае глобализация оценивается как разрушительная сила, свидетельствующая о рождении некоего глобального «сверхобщества», которое надстраивается над современным социумом и существует за счёт всего остального человечества. Она осуществляется с целью прикрытия процесса новой колонизации мира в интересах представителей «золотого миллиарда» во главе с США. В этом случае речь идёт о «мировой элите», «международной закулисе» и т.п. Так, согласно А.А. Зиновьеву идея «глобального общества» «есть лишь идеологическая замаскированная установка западного мира, возглавляемого США, на покорение всей планеты и на установление своего господства над всем прочим человечеством»¹².

Об этом же пишет и главный редактор научно-философского журнала «Полигнозис» В.И. Самохвалова: «Глобализация осуществляется как хорошо организованная и планомерно развивающаяся игра в одни ворота — в пользу одной страны, стремящейся любым способом к сохранению и упрочению своего статуса»¹³.

По мнению В.С. Васильева, серьёзность нынешнего геополитического момента обусловлена тем, что «впервые со времён падения Римской империи возникает ситуация безальтернативного варианта глобализации, при которой единственным кандидатом на реализацию становится американский проект глобализации, предполагающий американизированные формы цивилизационного прогресса человечества»¹⁴.

Наиболее ярко эта точка зрения представлена в работах известного российского социального философа и политолога А.С. Панари-

на, который полностью отрицал объективный характер процессов глобализации¹⁵, утверждая, что «воспеваемый либеральными адептами открытого общества глобальный мир стал на глазах превращаться в систему глобального геноцида»¹⁶.

Глобализация как идея глобального использования всем человечеством того, что создано локально, возможно, продуктивна, если, конечно, под человечеством не подразумеваются ТНК. Глобализация в самом общем виде может быть охарактеризована как совокупность процессов, ведущих к слиянию хозяйств отдельных стран в единое целое. Глобализация имеет объективный характер и отражает естественный процесс эволюции мирового сообщества. «Она порождена тем, — пишет Л.И. Шершнёв, — что преобразующая жизнедеятельность человека в природной, социальной и техногенной средах, вышла за пределы национальных государств и достигла мощности планетарных масштабов. Свидетельством тому являются результаты повсеместной индустриализации, создания сети транснациональных магистралей, развития средств связи, особенно Интернета и электронной почты, существования глобальной рыночной экономики и международного разделения труда, роста инвестиций на финансовых рынках, увеличения взаимозависимости государств и народов»¹⁷. То есть глобализация представляет собой объективную тенденцию, обусловленную достигнутым уровнем экономического и научно-технического развития.

Однако глобализация осуществляется ныне, по существу, по нормам так называемого «золотого миллиарда», усиливая тем самым неустойчивость и нестабильность развития в современном мире.

Объективный характер глобализации отнюдь не означает, что возможен лишь один-единственный вариант её конкретного осуществления, а именно, вариант, предлагаемый сегодня всем странам мира Соединёнными Штатами Америки, которые стремятся к «мировому лидерству» в новом столетии. Данный вариант «перехода мира к глобальной экономике, — по мнению Р. Фарамазяна и В. Борисова, — предусматривает повсеместное утверждение принципов ультралиберализации и безраздельного произвола ТНК под флагом свободы и рыночных отношений. Между тем и мировая экономика, и мировая политика приносят всё более свидетельств того, что американская модель глобализации не обеспечивает решения проблем, стоящих перед человечеством. Зато она в состоянии породить и уже порождает острейшие противоречия»¹⁸. К наиболее серьёзным последствиям глобализации «по-американски» следует отнести стремительное нарастание в последние десятилетия экономического и социального неравенства.

Таким образом, в нынешних формах глобализация фактически способствует росту неустойчивости в мире, являясь препятствием на пути решения глобальных проблем, от которых зависит само существование современной цивилизации. Более того, глобализация может привести к значительным ценностно-мировоззренческим сдвигам: переосмыслению статуса национальных государств в мире, норм международного права, содержания демократии, будущего культурных традиций и т.д.

Парадоксально, но некоторые известные учёные считают глобализацию и современную модель цивилизационного развития во главе с США наиболее приемлемой и жизнеспособной. Так, известный кардиохирург Н.М.Амосов считает, что великая держава в мире ныне «только одна — США и это нормально. Я сторонник однополярного мира. Это наиболее биологичная, т.е. жизнеспособная система»¹⁹. «Восстановление «двуполярной или многополярной схемы мироустройства, — по мнению Н.М. Амосова, — поведёт лишь к дальнейшему напряжению...»²⁰.

Между тем глобализация в новом столетии влечёт за собой негативные последствия. Более того, она чревата новыми катаклизмами и представляет опасность для мира в целом, для слаборазвитых стран и непосредственно — для самих ведущих государств, принадлежащих к так называемому «золотому миллиарду».

Об этом можно заключить, по крайней мере, как считал А.С. Панарин, по трём основаниям.

Первое связано с так называемыми экологическими «пределами роста», а именно, с экологической «перегрузкой планеты», что требует смены самой парадигмы развития современной технической цивилизации и форм её отношения с природой.

Второе связано с опасными тенденциями нравственного вырождения, которое проявляется как в катастрофическом ухудшении моральной статистики, касающейся массового поведения, так и в существенном ухудшении принимаемых современными элитами решений — политических, экономических, административно-управленческих, в результате чего возникает необходимость смены социокультурной парадигмы, формирующей нравственный и поведенческий код современного человечества.

Третье связано с процессом углубления социального неравенства между передовыми и слаборазвитыми странами. «Сегодня мы стоим перед угрозой раскола человеческого рода на приспособленную культурную расу («золотой миллиард») и неприспособленную, к которой, как оказалось, — писал А.С.Панарин, — принадлежит боль-

шинство населения планеты. Этот раскол уже действует и ведёт от отношений солидарности и доверия к безжалостному социал-дарвинистскому отбору, войне всех против всех. На такой основе человечество долго не продержится»²¹. Отсюда закономерно следует вывод о необходимости смены самой парадигмы отношений между Западом и Востоком, Севером и Югом, Морем и Континентом, ведущими и отсталыми странами.

Глобализация как «вестернизация американского типа» опасна и для самих передовых стран. Во-первых, она ведёт к универсализации ценности техногенной цивилизации, которая вносила и продолжает вносить основной вклад в разрушение естественных основ существования человечества. В то же время допустимый уровень воздействия на биосферу человек превысил, по оценке, в частности, В.И. Данилова-Данильяна, примерно десятикратно.²² То есть человечество впервые в своей истории перешагнуло порог самовоспроизводимых возможностей биосферы, которая находится в состоянии кризиса, угрожающего перерасти уже в первые десятилетия нового столетия в общепланетарную экологическую катастрофу.

Во-вторых, глобализация ускоряет темпы общественного развития, способствуя тем самым распространению «болезней» западного мира по всей планете. «Новый миропорядок» предполагает переход мирового сообщества к «новой глобальной цивилизации» с единым центром — Америкой, где жизнь будет построена по единым меркам: рыночная экономика, либерально-демократические институты, коммерциализированная культура и т.д. В этом и заключается «глобализация».²³ Речь идёт фактически о распространении в мире евро-американской модели развития. Вместе с тем ещё на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в 1992 г. в Рио-де-Жанейро было указано, что модель развития, которую использует десяток западных стран, и идея «американского мира», направленная на безудержный рост и максимальное потребление природных ресурсов планеты, полностью исчерпали себя в конце XX века и ведут человечество к катастрофе.

В-третьих, в том случае, если остальная часть мира вынуждена будет согласиться на предлагаемую «американскую модель» развития, то это лишь ускорит приближение экологической катастрофы на планете. Катастрофа, к которой мировое сообщество медленно приближается, по словам немецкого философа В.Хесле, «давно бы уже наступила, если бы жители планеты потребляли столько же энергии, сколько жители развитых стран Запада, а в атмосферу выбрасывалось столько же вредных веществ. Вряд ли кто ныне решится спо-

речь о том, что западные индустриальные общества таким образом далее развиваться не могут. Иначе мы провалимся в бездну»²⁴.

Представители Римского клуба считают, что «без значительных изменений в ценностных ориентациях, сфере потребления, стиле жизни развитых стран вряд ли будет достигнута мировая стабильность, в том числе между богатыми странами и людьми»²⁵. Глобализация в её нынешнем варианте направлена фактически на сохранение статус-кво, то есть существующего баланса бедных и богатых стран.

«Золотой миллиард» пытается диктовать условия жизни большинству человечества, то есть остальным пяти миллиардам. Поэтому глобализация несёт особую угрозу для слаборазвитых стран, поскольку проблему выбора за другие народы, независимо от их исторического прошлого, природных ресурсов и интеллектуального потенциала, решает рынок и для каждой отдельно взятой страны, так как делает национальную экономику открытой, что объективно ведёт к размыванию регулирующих функций национального государства.

Развитые страны под влиянием США стремятся глобализировать не только мировую экономику, но и ценностные отношения, не считаясь с унификацией культур, с теми конкретными культурными реалиями, в которых живут народы России, Индии, Китая, Ирана и т.д., что приводит к игнорированию конкретной ткани социокультурной жизни других народов — их истории, религии, традиции, морали. По мнению А.С. Панарина, «глобальное открытое общество означает беспрепятственный естественный рыночный отбор, при котором не народы сами по себе, а безликий механизм рынка определяет, кому хозяйничать на тех или иных территориях, кто обладает правом иметь собственную обрабатывающую и сопутствующую ей интеллектуально-образовательную инфраструктуру, а кто не имеет и должен понизить качество своего человеческого фактора до роли мировой обслуги или даже вообще сузить объём человеческой массы, ибо рынок её не терпит»²⁶. То есть рыночные отношения выполняют по сути дела роль дарвиновского естественного отбора, и согласно этой логике в условиях глобализации должны выжить только сильнейшие, то есть наиболее «приспособленные». А часть «неприспособленных», неконкурентоспособных народов должна просто уйти с исторической арены, что будет содействовать решению ряда глобальных проблем, с которыми столкнулась современная цивилизация.

Чтобы обеспечить дальнейшее благополучие стран «золотого миллиарда» и продлить существование «общества потребления», архи-

текторы «нового мирового порядка» призывают бедные страны (являющиеся по существу объектом неокOLONиальной эксплуатации) во имя некоего глобального процветания «отказаться» от «суверенитета» (считая это понятие устаревшим) и права использовать принадлежащие им естественные ресурсы в интересах собственного развития. Для сохранения достигнутого благосостояния и социальной стабильности Запад «вынуждается» на то, чтобы установить «новый мировой порядок».

Фактически «золотой миллиард» во главе с США стремится решить свои социальные, экономические, экологические проблемы не за счёт кардинальных изменений собственной стратегии в области экономики, социальной сферы и экологии, а за счёт стран, оставшихся за бортом так называемой «глобальной цивилизации», и в первую очередь России. В XXI веке в условиях глобализации нашей стране уготоваана участь «экологической колонии», что предполагает: вывоз природных ресурсов; захоронение наиболее токсичных и радиоактивных отходов; вынос наиболее «грязных» в экологическом отношении отраслей промышленности, а также устаревших технологий; экспорт антиэкологичных товаров, представляющих опасность здоровью и жизни людей, а также природной среде обитания. В итоге речь идёт об отказе России от «суверенитета» и права использовать природные ресурсы в интересах собственного развития.

И эта угроза вполне реальна. В России фактически с 1991 г. в результате сложения неблагоприятных экологических и социально-экономических факторов наблюдается устойчивая тенденция депопуляции и стремительного вымирания населения. Исследования показывают, что оно будет и дальше продолжать сокращаться в XXI веке. «При сохранении нынешних тенденций к 2050 г. население России сократится до 90-100 млн. человек, к концу века — более чем в два раза — до 70 млн., а ещё через 100 лет, к началу XXIII века, — до 30 млн. Какова в этом сухом остатке будет доля русского или хотя бы славянского населения, не решается сказать никто».²⁷ Всё это свидетельствует не только о катастрофической демографической ситуации в России, но и о вымирании государствообразующего этноса — русских.

Неудивительно, что глобализация как стремление навязать миру западные нормы и образцы и перевести планету на западную систему отсчёта вызывает такое серьёзное противодействие во всех странах мира, что проявляет себя, в частности, в движении антиглобалистов. Глобализация фактически навязывает представителям разных этносов и культур единые западные шаблоны и образцы, свободный мировой обмен товарами и услугами, наталкиваясь на культурную

автономию и суверенность различных народов и этносов. Речь идёт не об органичном, свободном и взаимозаинтересованном сближении партнёров, а о «насилии вестернизацией», которая воспринимается как искусственный процесс, в результате стимулируя антиглобализм.²⁸ Поэтому антиглобалисты воспринимают глобализацию лишь как негативное явление, с которым необходимо бороться.²⁹ И эти процессы в мире будут нарастать, угрожая новыми потрясениями в XXI столетии.

¹ См.: Пантин В.И. Циклы и волны глобальной истории: Глобализация в историческом измерении. — М. 2003; Аэроянц Э.А. Глобализация: катастрофа или путь к развитию? // Современные тенденции мирового развития и политические амбиции. — М.: Новый век, 2002; Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории (синергетика — психология — прогнозирование). — М., 2004.

² Моисеев Н.Н. Агония России: Есть ли у неё будущее? // Попытка системного анализа проблемы выбора. — М., 1996. — С.10.

³ Уткин А.И. Глобализация // Глобалистика / Энциклопедия. — М.: Радуга, 2003. — С.181.

⁴ Уткин А.И. Глобализация: Процесс и осмысление. — М.: Логос, 2001. — С. 9.

⁵ Там же. — С.14, 35.

⁶ Сорос Дж. О глобализации. — М., 2002. — С. 7; Он же. Заметки о глобализации. — М., 2002.

⁷ См.: Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития. — М., 2003. — С.362.

⁸ Делягин М.Г. Глобализация // Глобалистика / Энциклопедия. — С.185.

⁹ Чумаков А.Н. Глобализация: Контуры целостного мира. — М.: Проспект, 2002. — С.368.

¹⁰ Чумаков А.Н. Глобализация: Контуры целостного мира. — С.369.

¹¹ Толстых В.И. Феномен глобализации // Глобалистика / Энциклопедия. — С.88.

¹² Зиновьев А.А. Глобальное сверхобщество и Россия. — Минск, М., 2000. — С.68.

¹³ Самохвалова В.И. Метафизика глобализации: От утопии к антиутопии // Мат-лы междисциплинарного семинара Клуба учёных «Глобальный мир». Вып.11(23). — М.: Ин-т микроэкономики, 2002. — С. 10.

¹⁴ Васильев В.С. Древний Рим и Палестина: Имперские прообразы современной глобализации // Мат-лы междисциплинарного семинара Клуба учёных «Глобальный мир». Вып. 2(25). — М., Ин-т микроэкономики, 2003. — С. 46.

¹⁵ См.: П а н а р и н А.С. Искушение глобализмом. — М., 2000. — С.5.

¹⁶ П а н а р и н А.С. Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. — М., 1999. — С.54.

¹⁷ Ш е р ш н ё в Л.И. Россия и мир: Движение к новой безопасности в XXI веке // Безопасность. — 2000. — № 1-12. — С.6.

¹⁸ Ф а р а м а з я н Р., Б о р и с о в В. Экономические санкции в системе мер по поддержанию международной стабильности и безопасности // Пути к безопасности. — 2001. — Вып. 1/21. — С.10.

¹⁹ А м о с о в Н.М. О величии страны; дудеть легче, чем построить нормальные дороги / Беседа с корреспондентом О.Мороз // Зелёный мир. — 2005. — № 16 (33).

²⁰ Там же.

²¹ П а н а р и н А.С. Глобализация // Глобалистика / Энциклопедия. — Радуга. — М., 2003. — С.184.

²² См.: Свободное слово // Интеллектуальная хроника. — М.: Прогресс-Традиция, 2002. — С.42.

²³ См.: П о к р о в с к и й Е. Вифлеемские звёзды «глобализации» // Соц. исследования. — 1985. — № 2. — С. 88.

²⁴ Х е с л е В. Философия и экология. — М.: Ками, 1993. — С.17.

²⁵ Римский клуб: 25 лет со дня основания // Вопросы философии. — 1995. — № 3. — С.72.

²⁶ П а н а р и н А.С. Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. — М., 1999. — С.54.

²⁷ К а м а к и н А. Смертельный номер // Итоги. — 2005. — 5 дек. — № 49. — С.32.

²⁸ См.: Ч у б а й с И.Б. Глобализация как этап в трансформации европейской системы ценностей // Глобалистика / Энциклопедия. — С.190.

²⁹ А г и т о н А., А м и н А., Б у з г а л и н А.В. Мир не товар: Что такое глобализация и какова позитивная программа антиглобалистов. — М., 2001.

Духовные риски личности в современном культурном пространстве

*РЕМИЗОВ Вячеслав Александрович,
профессор Академии гражданской защиты
МЧС России, доктор культурологии*

Современная методология исследования культурных процессов в обществе в значительной мере базируется на синергетической эвристике. В соответствии с нею социокультурное пространство как сфера бытия человека, находящаяся в состоянии перманентных изменений и развития, рассматривается в социально-гуманитарном знании как единство «неопределённого многообразия» информационно-коммуникативных взаимодействий, основанного на синтезе трёх модусов бытия: эмпирически-чувственного, рационально-разумного, «сверхрационально-сверхчувственного» (П.А. Сорокин); как целостная система, имеющая «идеально-реальный», «естественно-искусственный», «объективно-интерсубъективный» статус (Ю.М. Резник); как специфическая синкретичность, ибо в реальности социальное и культурное тесно слиты, но не тождественны и не идентичны друг другу (В.Ж. Келле). Вместе с тем стабилизирующие элементы этой «перманентно развивающейся» системы от бифуркации в хаос и деградацию рассматриваются через понятие «параметры порядка». Они играют важную роль при прогнозировании ситуации кризиса культуры, нарастания рисков в той или иной сфере социокультурной практики, конфликтного соотношения современных процессов глобализации и регионализации, а также технологизации культурного пространства и внутренней жизни человека (личности).

Выделяются общие и специальные параметры порядка культуры, которые различаются по объёму и содержанию функций, выполняемых по отношению к системе в целом. Общие параметры определяют базовые условия процессов взаимодействия между любой системой культуры и её окружением (культурный аспект развития — показатель возможности практической мобилизации социокультурных ресурсов в процессе развития социальных систем; культуросообразность — обоснование необходимости культурного измерения всех социальных изменений, существующих на уровне смысла культуры; конфигурация культуры — определённым образом складывающаяся в том или ином обществе совокупность норм, ценностей, идеалов и их проявления на всех уровнях культуры; национально-

культурный менталитет — относительно стабильное образование, определяемое образом жизни многих поколений людей конкретного социума на конкретной территории, придающее функциональной и рациональной деятельности людей в обществе нагруженность культурными смыслами).

Специальные параметры «порядка» связаны с: а) соответствием культурных инноваций запросам общества; б) активным использованием инноваций в культуре основной частью её носителей.¹ При этом динамика культуры, с точки зрения синергетической парадигмы, тесно связана с паттернами самоорганизации и геометрии человеческого поведения, фрактальных рисунков исторических событий; индивидуальных (или социокультурных) ментальных ландшафтов; ситуаций «здесь и теперь» как мест встречи прошлого и будущего и т.д.²

Таким образом, подчеркнута особое значение личностного начала («экзоспиритного фактора») наряду с собственной логикой развития культуры в обществе. Что же в синергетике культурной динамики связывается с «бифуркационными точками»? Одна из них возникает тогда, когда в рамках поколения резко отвергается сумма основных (базовых) ценностей — смыслов культурного бытия людей.³ Именно в этой связи в 90-е годы XX века Д.С.Лихачёв говорил о «мутантированности» общества и культурном хаосе (хотя и придерживался убеждения, что абсолютного хаоса быть не может), а А.С. Ахиезер анализирует понятие «культурный взрыв», «разлом в культуре» и т.д.⁴ Предельно очевидно, что трудно, а вернее, невозможно всё это не называть чрезвычайными ситуациями в культурном развитии (или «факторами риска»).

Исследователи также отмечают особую роль управленческих структур как регулятивных механизмов, позволяющих поддерживать антропосоциокультурные системы в состоянии динамического равновесия (или, наоборот) через так называемый «эффект социокультурной синергии».⁵ Важно также указать, что достижение этого возможно при условии соблюдения принципов: кооперации и взаимоподдержки субъектов социокультурного взаимодействия; свободного развития творческих интенций субъектов деятельности в социально-культурной сфере; критической меры свободы субъектов социокультурного взаимодействия; приоритетной защиты социальных интересов, культурных запросов тех субъектов активности, которые входят в данное сообщество или представляют иное; ответственности тех, кто реализует социокультурную политику на данной территории, обеспечивает условия для поддержания социокультур-

ной безопасности представителей данного сообщества. Несоблюдение большей части этих принципов способно вызвать бифуркационные процессы.⁶

Конечно, «беспорядок», как указывает И. Пригожин, неизбежен всегда при создании нового порядка как цена за эту возможность. Однако «беспорядок» обязан быть «продуман», «просчитан», «учтён».⁷ В противном случае хаос перерастает в культурный коллапс, который уничтожает многое и ведёт к деградационным временам.

Интересно в этой связи отметить, что подобные явления выделял в истории культуры Древней Греции А.Ф. Лосев, описывая случаи, когда в результате опустошительных длительных войн некоторые полисы утрачивали не только свою художественную культуру (мифы, искусство, обрядовые действия), но даже и письменность.⁸

Резюмируя, важно подчеркнуть в контексте смысла содержания, что связи социокультурного порядка устанавливаются как на основе повторяемости внешних природных событий, так и на базе стереотипных ситуаций, устойчивых процессов в обществе (обычаи, традиции, нормы взаимодействия, формы духовной активности людей), глубинных архетипов сознания (этноактивности людей), на этнонациональных паттернах мышления, на установках реагирования и оценочных образцах. В результате упорядочения мир в представлениях личности выступает не как хаотический и враждебный, а наделённый смыслом, в значительной мере созданный ею самой, следовательно, познанный, близкий человеку. В этом и состоит антропологическая сущность социокультурного порядка и организации, без которых общество, культура не могли бы возникнуть, не могут развиваться.⁹ Для личности это имеет особый смысл, ибо, как отмечает американский психолог А.Г. Маслоу, в шкале человеческих потребностей одной из важнейших является «потребность в безопасности, связанная с защитой индивидом своей жизненной среды в физическом и социокультурном смыслах»¹⁰.

Однако синергетический подход продуктивен тем, что с его помощью выделяются и оборотные стороны прогресса, культурного развития. Не случайно Ю.М. Лотман в одной из своих телевизионных лекций по культуре, рассматривая искусство с синергетической позиции, выдвинул тезис об «опасности» его воздействия на социокультурные процессы.

В этом контексте культура способна порождать разного рода риски и деструкции, свидетельствующие о нарушениях баланса единства социального, культурного и природного. Обычно рассматриваются три группы современных рисков: риски «запаздывания»

культурного развития, связанные с нелинейностью распространения социокультурной модели информационного общества, актуализирующие проблему соответствия концентрации информационных возможностей общества наращиванию культурного потенциала; риски утраты этнокультурной идентичности, обостряемые сложностью сценариев глобализационного развития, ведущие к качественному преобразованию системы ценностей и практик культуры; риски превышения объёма и роли информационных потоков, обусловленные развитием техники и технологий, способствующие как увеличению информационных ресурсов, так и росту ограничений в использовании достижений, а также связанные со стихийной самоорганизацией информационного пространства.

Основным маркером хаоса или порядка в подобной социокультурной ситуации выступает мера (или степень) согласованности между элементами системы: социум — культура. Используя физическую типологию процедур теории возмущения¹, можно ввести понятие «перенормируемость» по отношению к социуму и личности со стороны культуры (способность ограничивать число «расходимостей»). Так, к примеру, проповедуемая многими современными писателями, актёрами, режиссёрами допустимость ненормированной лексики (Э. Лимонов, В. Сорокин, В. Пелевин, И. Губерман, пресловутый «Шнур» и др.) оборачивается криминализацией сознания общества, что приводит к терпимости по отношению к преступности, к утрате стыда и совестливости в массовом масштабе, а в итоге к культурному «опущению» и аморализму. Акцентуализация художественных обобщений на «братках» и «бригадах» оборачивается героизацией преступного мира, бандитов, уголовников.

Оправдание в общественном мнении проституции, сексуальной вседозволенности влечёт за собой совращение малолетних, порождает феномен «матерей-отказниц», генерирует разгул среди молодёжи «свободного» сожителства, венерических заболеваний, бесплодия; женского (что хуже всего) морального цинизма и пьянства.

Существенные риски таит в себе современный процесс культурно-духовной глобализации. Социальными проявлениями реакции на него выступают демографический и информационный «взрыв», экологический кризис, культурная экспансия и другие кризисные обострения, чреватые общественными потрясениями.^{1,2}

Представляется, что именно движимые идеей глобализационного сознания США сегодня активно развивают стратегию «демократизации» мирового пространства, в которой нередко попираются права народов на собственное развитие, проявляются элементы не-

уважения к традициям, нравам и обычаям этносов; осуществляется культурно-духовная экспансия «американизма». К чему это может привести, видно на примере Римской империи, шагавшей давным-давно по вновь реставрируемому пути и ступившей, как известно, в пропасть. В своей крайней форме — «здесь и сейчас» — это оборачивается «11 сентябрём» или может обернуться хантингтоновским прогнозом глобальных вооружённых столкновений «западных» и «восточных» цивилизаций. Во всяком случае уже маленькая картинка этой панорамы разыгралась в марте 2004 года в Испании, эхом отзывается в ряде других стран и иллюстрируется на пространствах Ирака. Впрочем, и Россию не минула сия чаша.

Риски (ЧС) как результат культурного развития особенно ярко проявляются на фоне «информационного взрыва». Это выражается прежде всего в увеличивающемся разрыве между объёмом информации в обществе и возможностями отдельно взятого человека в освоении этой информации; в образовании новых информационно-коммуникативных систем, создающих виртуальные реальности, трансформирующих процессы социокультурных взаимодействий (духовно-ментальные коды и языки культуры).

Современный период называют «эпохой техногенной цивилизации», «постиндустриальным обществом», «эрой сетевого интеллекта», «электронно-цифровым обществом», «виртуальным сетевым обществом», «информатизационным обществом» и т.д. Характерными признаками современного развития культуры являются: доступность информации для людей независимо от пространства и времени; производство и функционирование информационных технологий; наличие развитых инфраструктур, обеспечивающих создание необходимых национальных информационных ресурсов; изменение социокультурного пространства за счёт расширения коммуникативной деятельности; формирование информационной среды обитания — «автоматизированной инфосферы», разного рода виртуальных пространств и виртуальных реальностей. В культурологическом плане все вместе — это некий символический универсум, инсценирующий гипотетическую реальность. Она складывается стихийно и спонтанно на основе разноуровневых контактов, осуществляемых людьми через средства массовой коммуникации, электронной техники, телевидения, компьютерной сети «Интернет» и т.д., которые формируют сетевое информационно-коммуникативное пространство.

Следует отметить, что виртуальные миры всегда играли важную роль в жизни человека. Степень «включённости» в пространство традиционных культур, в мифологические, религиозные, эзотерические

миры во многом определяла и, как настойчиво отстаивает свою точку зрения профессор В.А. Разумный, продолжает определять образ жизни людей и направленность их обратных связей с социумом.¹³ Компьютерная виртуальная реальность может выступать в разных ипостасях: и как информационно-коммуникативная среда, и как художественно-эстетическое пространство, и как игровая ситуация, и как сложное психологическое состояние, и как перспективная образовательная или медицинская технология, и, наконец, как квазисоциум — особый тип социокультурного пространства, бытийный модус «homo virtus» — «человека виртуального». Появление такой личности, обладающей способностью динамического перехода из реального мира в другую реальность и обратно, при этом не теряющей связи в социокультурном пространстве, свидетельствует о новом этапе эволюции человека. Она фиксируется и в новом мировоззрении, и в иной психике, и в изменившейся речевой практике (а следовательно, в мыслительной).

В отличие от социокультурной среды квазисоциум предполагает преобразование процессов общения и коммуникации, перенос акцентов с деятельности как целеполагающей активности человека на игровые формы активности, реализацию человека не в объективно обусловленной, а в субъективно воображаемой реальности. С одной стороны, привлекательность виртуальных пространств для «new generation» (нового поколения) заключается в их соответствии новому типу информационной культуры, возможности реализации потребности в освоении и понимании особых форм символического языка и нетрадиционной эстетики визуального ряда, потребности в общении, удовлетворении стремлений к активной игровой и рекреационно-развлекательной деятельности, художественно-творческой самореализации. С другой стороны, не каждый человек в квазисоциуме способен регулировать «норму хаотичности» как показатель параметров порядка в антропосоциокультурных системах.

Общезвестно, что структурирование жизненного мира человека происходит за счёт огромной внутренней работы, но на основе полученного ранее социокультурного опыта, через деятельность, через живое общение. В силу изменения процесса социализации (инкультурации) у «человека виртуального» происходят: деформация культурных смыслов и ценностных ориентиров, способности адекватного восприятия мира; размывание иерархии жизненных ценностей вплоть до утраты смысла жизни; формирование «неполноценной социальности»; возникновение новых установок и зависимостей, подавление эмоциональной и психологической привязанности к соци-

альному миру; снижение уровня самоорганизации, творчества жизни; падение креативности, познавательных возможностей и т.д.

Общество должно осознавать весь спектр опасностей и рисков квазисоциализации. Субъекты культурной политики должны брать на себя ответственность за тиражируемые в информационно-коммуникативных системах антигуманные формы и практики, модели поведения, ибо качественные характеристики искусственных сред «задают» социокультурную программу развития современного человека, когда при виде насилия, например, молодые люди смеются; когда их в восторг приводят реки крови на экране, хруст ломающихся конечностей и челюстей.

Представители этой группы «духовных маргиналов» (*термин Р.В.*) по результатам социометрии не только утрачивают национальный менталитет, но и не знают элементарных родных этнических норм, образцов, фольклорных образов, фонетических конструкций. К слову сказать, не усваивают они и сути иностранного, а только подражают, копируют или поверхностно интерпретируют, слепо следуют моделям поведения, действия, поступка, мышления; иррационализируют свои взаимоотношения.

Разрушается устойчивая и целостная совокупность мыслей, верований, навыков духа, которые изменили внутреннюю картину мира, разрывают единство культурной традиции и этнического сообщества у значительной части молодёжи. Чаще всего в этом сознании укореняются постмодернистские координаты: культурный и социальный плюрализм; отказ от понятия «личность» в пользу понятий «персона», «роль», «маска»; отказ от веры в прогресс в пользу возможности нового варварства; неопределённость, деканонизация, ирония, мутантное изменение жанра, порождение неясных форм, карнавализация, перевод чувств на язык знаков и др.¹⁴

Вся эта размытость, неясность, непрочность мутирует в формы цинизма. Отсюда, в частности, и разгул в языке молодёжи «матерных оборотов», и наличие внутренней смятённости, дальней догадки чего-то ненормального, неверного. Чего только стоит мыслительно-речевой оборот «как бы». Он буквально стал символом-образом наших дней. А ведь по словарю В.И. Даля слово это означает «будто», т.е. кажущееся, нечто неточное, эфемерное, лишённое уверенности, связанное с растерянностью... Сегодня уже входит в оборот новое слово-знак «короче», которое ещё больше подчёркивает непрочность и многозначность нашей реальности.

...Мы сами авторы своих сумерек, и «на зеркало неча пенять...».

¹ См.: Астафьева О.Н. Эвристические возможности синергетики в исследовании современных социокультурных процессов / Автореф. дис. докт. филос. наук. — М., 2002. — С. 26 — 27.

² См.: Князев Е.Н. Синергетический вызов культуре // Синергетическая парадигма: Многообразие поисков и подходов. — М., 2000. — С.248.

³ См., например: Бранский В.П., Пожарский С.Д. Социальная синергетика и акмеология: Теория самоорганизации индивидуума и социума. — СПб., 2001.

⁴ См.: Лихачёв Д.С. Рождение нового через хаос // Полярность в культуре / Приложение к альманаху «Канун». — СПб., 1996. — С.10.

⁵ См.: Синергия культуры // Труды всероссийской конференции. — Саратов, 2002. — С. 352.

⁶ См.: Аванесова Г.А., Астафьева О.Н. Социокультурное развитие российских регионов: механизмы самоорганизации и региональная политика. — М., 2001.

⁷ См.: Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант: Крещение парадокса времени / Пер. с англ. — М., 1994. — С.57.

⁸ См.: Лосев А.Ф. Самое само // Соч. — М., 1999. — С.526 — 565.

⁹ См.: Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. — М., 1997; Флер А.Я. Культурогенез. — М., 1995.

¹⁰ Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики. — М., 1997. — С.102.

¹¹ См.: Буданов В.Г. Синергетика событийного языка в науке и культуре // Синергетика: Труды семинара. Т.3. / Мат-лы «круглого стола» «Самоорганизация и синергетика: идеи, подходы и перспективы». — М., 2000. — С.191 — 192.

¹² В России, например, это вызвало волну этнофобии. Целый ряд социологических центров зафиксировал появление маркера «свои» — «чужие». До 70% в опросах «чужими» называют чеченцев, до 50% — цыган (2002 г.). См.: Независимая газета. — 2003. — 14 октября. — С.11.

¹³ См.: Разумный В.А. Драматизм бытия, или Обретение смысла // Философско-педагогические очерки. — М., 2000. — С. 25.

¹⁴ См.: Козлова Н.Н. Среда человеческого существования в эпоху постмодерна // Высшее образование в России. — 1997. — № 4. — С. 117.

Преступность как антитворчество и духовное неблагополучие

*АФАНАСЬЕВА Ольга Викторовна,
профессор кафедры философии
Московской государственной
юридической академии, доктор
социологических наук, действительный
член Академии социальных наук, технологий
и местного самоуправления*

Проблемы сущности и закономерности творчества человека, как и проблемы его преступности, интересовали человечество всегда. Ведущей тенденцией развития человечества среди основных, как отметил академик В.Л.Иноземцев, проанализировав постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном западном мире, является расширение сферы творческой деятельности человека (с переориентацией его интересов на развитие собственной личности, саморазвитие), «способной изменить социальную структуру в гораздо большей мере, чем десятилетия революционных потрясений»¹.

Вместе с тем уголовная статистика фиксирует устойчивую тенденцию роста преступности в мире, суперактивность и изобретательность которой демонстрируют сегодня буквально чудеса антисоциального творчества. Преступники умело приспосабливают «под себя» многие процессы, состояния и события в обществе: демократию и автократию, революцию и контрреволюцию, войну и мир, катастрофы и гуманитарную помощь пострадавшим, реформы и контрреформы. Преступность динамична, её способности к приспособлению почти безграничны, она постоянно мимикрирует в новые сферы общественных отношений и человеческой деятельности.

Особенно актуальной проблема взаимосвязи творчества личности и преступности становится в кризисные периоды развития общества и государства, в условиях неопределённости и неравновесности, когда *возрастает роль индивидуального поведения личности*, индивидуальной воли, которые могут влиять на судьбы и деятельность многих людей, а невостребованность творческого потенциала граждан может оборачиваться ростом преступности.

Это ярко проявляется в современном российском обществе, *основной проблемой* которого является противоречие между воз-

возможностями и действительностью, между провозглашаемыми ценностями и реальным их воплощением.

Так, с одной стороны, сформировался и развивается мощный негосударственный сектор с различными типами собственности и субъектами экономической деятельности, образуются социальные группы, занятые новыми видами деятельности, связанными с рыночными отношениями; перед человеком открываются возможности выбора социально-политической ориентации, предпочтительной информации, материальных и духовных благ и т.п. Появилась возможность попробовать себя в любом деле, говорить, что хочешь, критиковать без оглядки, думать и поступать, как пожелаешь. *Творчество как выражение свободной деятельности* человека стало важнейшей ценностью в обществе, а стремление иметь интересную, творческую работу и перспективы профессионального роста — одной из важнейших мотиваций в трудовой деятельности молодёжи.²

С другой стороны, «демократизация» общества и «свободное отношение между людьми» проявляются в пренебрежении к созидательной деятельности, в падении нравов, в эпидемии азартных игр, эротическом буме, жестокости, цинизме, стремлении любым путём приобрести частную собственность, в преступности, во взяточничестве и т.д.³ Как показывают социологические опросы, большинство граждан российского государства утрачивают возможности поддерживать прежний достойный уровень жизни и заниматься трудом и творчеством по интересу и призванию. При этом они убеждены, что расхищение общенародной собственности и её перераспределение в пользу небольшой группы власть имущих — несправедливо и что заработать честным трудом состояние, которое есть у некоторых государственных деятелей и так называемых «олигархов» — невозможно.⁴ И, как совершенно точно отмечает известный социолог Ж.Т. Тощенко, «парадокс, но чем чаще звучит слово «свобода», тем тревожнее сжимаются сердца тех, кто хотел бы пользоваться её реальными плодами». В конце 1980-х гг. только *несколько процентов* населения отмечали, что подверглись насилию, столкнулись с угрозами, встречались с попранием своих прав в повседневной жизни. В начале XXI века об этом говорит уже *каждый четвёртый*. Смолкают голоса радетелей гуманности по отношению к преступности. Более того, нарастают тревога и возмущение рядовых граждан, никак не застрахованных от насилия — физического и морального, ведущего к унижению их чести и достоинства.⁵

Как же связаны творчество и преступность личности в обществе?

Есть ли между ними нечто общее, что делает их неисребимыми и постоянными, и в чём различие?

Всё более явной становится потребность выявления чётких отличий творческой деятельности личности в обществе от других форм активности, изобретательности, новаторства, которые ведут к расширению созидательного потенциала общества.

Творчество как конструктивная девиация и саморазвитие

Понятие «творчество» многозначно и используется в разных смыслах.⁶ Наиболее распространённым считается определение творчества как создание «нового», «ранее не бывшего», «оригинального». В таком понимании всё новое, например научная гипотеза или открытие новой закономерности, техническое изобретение или выявление практической значимости той или иной идеи, картина или музыкальное произведение, расследованное преступление, — результаты творческой деятельности человека.

Но всегда ли новое свидетельствует о творчестве? Можно ли назвать подлинно творческой деятельностью такую, в результате которой производят новую, но не качественную продукцию или новое средство уничтожения человечества, разрабатывают и осуществляют антинародные проекты (поворот северных рек, о «бесперспективных» деревнях и др.), создают новые ядохимикаты, отравляющие живое? А новая деталь, сделанная рабочим на конвейере, — это результат его творческой деятельности или рутинной, но добросовестной работы? Как оценить деятельность государственного служащего, который заботится о реализации личных или ведомственных интересов, но не интересов государства и тем более граждан? Или, наконец, что представляет собой деятельность преступника, вора, придумывающего хитроумный способ проникновения в помещение или карман государства? Считать ли творческой деятельностью «предпринимателя», торгующего перекупленным товаром?

Как отмечал русский философ Б.П.Вышеславцев, творчество — не обязательно «доброе». Есть и «злое», которое всё же есть творчество, а не «работа», ибо имеет все его признаки: свободу, личную инициативу, умение, изобретение (такому творчеству Макиавелли учит своего «Князя»). Поэтому говорят — «творить зло», а не «работать зло». Можно возразить, что *злое творчество* не есть настоящее творчество, ибо оно *в сущности есть разрушение*. Но эта сущность (как всякая сущность) часто не видна: то или иное деяние может дол-

гое время казаться величественным созиданием, как, например, Вавилонская башня или тоталитарное государство Гитлера.⁷

Необходимо заметить, что сущность «доброго творчества» так же может быть видна не сразу. Из истории науки, философии, искусства и техники можно привести множество примеров, которые демонстрируют, что даже гениальные творения не понимались и не признавались современниками, а их творцы объявлялись сумасшедшими, умирали в нищете и забыты. Они расшатывали стереотипы, бросали дерзкий вызов системе, традициям, технологиям. Часто творческая личность — трагическая личность, которая, как правило, не имеет возможности удовлетворить при жизни потребность в признании и достижении, поскольку она, как правило, самокритична, недовольна собою и не принимает снисхождения, одобрения извне (как известно, Л.Н.Толстой и Н.В.Гоголь были близки к полному отречению от собственного творчества, Ф.М.Достоевский всегда был не удовлетворён материально и духовно, так как нужда заставляла его печатать несовершенные, на его взгляд, произведения).

Но «великое видится на расстоянии», и рано или поздно великие творения признаются потомками, а гении посмертно удостоиваются всяческих почестей. И, наоборот, то, что казалось созиданием, оказывается разрушением, т.е. «злым» творчеством. Благие цели и средства могут оборачиваться результатами, приносящими людям зло, смерть, разрушение. Атомная энергия может использоваться для строительства атомных электростанций, а может — для создания атомных бомб. Скальпель может быть использован во благо больного, а может принести смерть. Когда разрабатывали проект о «перспективных деревнях», то цель была якобы благая — приблизить жизнь сельского жителя к городским условиям. Но обернулся этот проект резким сокращением российских деревень, подрывом отечественного сельского хозяйства. Применение родостимуляции обусловлена, казалось бы, благой целью — облегчить участь рожениц, но оборачивается она, как утверждают сегодня врачи-невропатологи, ростом больных детей с диагнозом ДЦП. А сколько изобреталось социальных программ типа «500 дней», с помощью которых хотели реформировать социализм в демократическое общество с «человеческим лицом»! Но результаты данных благих целей точно отражены в ставшем популярном афоризме: «Хотели, как лучше, а получилось, как всегда».

По Далю, творить — это давать бытие, сотворять, созидать, создавать, производить. Созидать — значит создавать, давать что-то

друг другу. «Труженичать» — посвящать себя труду или работе на общую пользу.⁸ Труд как творчество, как вид самостоятельности, — это уже не «труд» в классическом смысле слова (как затрата усилий); он является фактором становления и развития личности человека.⁹ В этом смысле творчество является антиподом стереотипных, стандартизированных действий личности.

Всякое творчество есть инновационная или новаторская деятельность. Но не всякую инновационную деятельность можно назвать творчеством.

Инновация рассматривается социологами как одна из форм девиантного поведения человека в обществе.¹⁰ По Мертону, девиация происходит в результате разрыва между целями человека и социально одобряемыми средствами их осуществления в обществе. Когда люди ставят перед собой цель, которую нельзя достичь с помощью социально одобряемых средств, они прибегают к незаконным средствам. По мертоновской классификации *конформизм* предполагает согласие с целями общества и применением законных способов их достижения¹¹; *инновация* подразумевает признание целей, но отрицание социально одобряемых средств их достижения; *ритуализм* связан с отрицанием целей и признанием социально одобряемых средств (например, в деятельности бюрократа); *ретреатизм*, или бегство от действительности, имеет место тогда, когда человек одновременно отвергает и социально одобряемые цели, и средства их достижения; *бунт* предполагает отрицание целей и средств, но взамен предлагает новые цели и новые средства.

Например, благой целью человека может быть достижение личного успеха, реализация своих творческих возможностей. Но одни будут стремиться к цели, прилагая усилия к образованию и самообразованию, проявляя инициативу и изобретая новые формы достижения успеха, а другие, усвоив данную ценность, могут использовать новые, но не законные средства достижения богатства — встать на путь воровства, грабежа, обмана, рэкета, шантажа, вымогательства и т.п. Инновация как изобретение новых средств, способов достижения социально одобряемых целей, может превратиться в «новаторскую истерию», привести к «новаторскому неврозу», быть бесполезным и даже вредным занятием (как, например, перманентные реформы в российском образовании).

Всякое творчество нечто разрушает, ибо оно ставит новое на место отжившего старого — например, новый закон отменяет старый. Но опять-таки неверно: *не всякое разрушение является творчеством*.

Сравним два высказывания: а) «Такая разрушительная инициатива, требующая искусства и умения, иногда смело высказывает свою нигилистическую сущность, так, например, Пётр Верховенский (главный «Бес» Достоевского) говорит: я знаю, что теперь нужно прежде всего уметь разрушать, и в этом вся моя задача; ни о каких будущих благах я и не думаю»¹²;

б) «Всякий, кто будет пользоваться швейной машинкой, мельницей, путями сообщения, если даже прошли тысячи лет, не перестанет чувствовать изобретателя и благодарить его творчество. Благодетяния истинного гения вечны, они никогда не исчезают, а сыпятся непрерывным потоком, как из рога изобилия. В то же время они материальны, они составляют чистое золото, драгоценные камни, хлеб, одежду, всякие удобства и т.д... Вследствие чего и является улучшение жизни и устранение нужды... Разница только в том, что рабочий, земледelec полезен, пока жив. Его труд смертен и сравнительно невелик по количеству. А гений живёт и после смерти: иной 100 лет, иной тысячу, а некоторые из них миллионы лет и даже бесконечность веков»¹³.

Творения (будь то открытие, изобретение, сделанные отдельным индивидом, новое решение старой проблемы и т.п.) улучшают жизнь людям, а «злое» творчество лишает человека и человечества будущего. Деструкция, *деструктивная деятельность* — разновидности социальной деятельности, следствием которой являются разрушение чего-либо в сферах естественной, социальной и духовной жизни. Но деструкция не есть сугубо негативный процесс, она может выступать как полное уничтожение, а может — как продуктивное «расчищение» места для новой жизни, новых явлений. Разрушение и созидание — две стороны процесса развития. Об этом писали ещё немецкие философы (Г. Гегель, К. Маркс и другие), говоря об отрицании как об уничтожении и отрицании отрицания — как о разрушении старого и возникновении нового с сохранением преемственной связи между ними. «Социальная система, оказавшаяся в кризисно-катастрофическом состоянии, — пишет современный социолог В.А.Бачини, — начинает как бы сбивать запреты, прежние границы, становится открытой, и в бурно протекающем процессе разрушения и взаимообмена начинают возникать такие новые комбинации, которые никогда не образовались бы в периоды стабильности. Открывается социальное пространство свободы, рассматриваемое некоторыми социальными субъектами как время вседозволенности и безнаказанности, а другими — как время безграничных творческих возможнос-

тей. Индивиды же, пережившие эпоху тотальной социальной деструкции, вынуждены производить в своём сознании радикальную переоценку ценностей, активизирующую их духовные искания. «Трагедии, пережитые ими, печальные судьбы множества распавшихся на их глазах общественных форм заставляют их направлять свои усилия в сферы поиска новых путей, их возрождения. А это требует установления обновлённых ценностных ориентиров и смысловых координат, отвечающих требованиям времени».¹⁴

Таким образом, инновационная деятельность сама по себе не благо, она является формой проявления человеческой активности. Но она может быть как положительной, так и отрицательной направленности — *конструктивной и деструктивной*. *Деструктивные инновации* не имеют будущего, уничтожают обычаи, традиции, сложившиеся ценности, нормы. *Конструктивные инновации* имеют сверхнормативный характер и выступают в формах инновационных инициатив, проявлений самоотверженности, подвижничества и даже святости, подерживая, укрепляя и развивая социальные явления.

Творчество — это конструктивная девиация, созидание, способствующее саморазвитию личности и общества (основанное на разрушении старого и преемственной с ним связи).¹⁵ Творчество — уникальный (в силу уникальности творца и переживаемого им момента жизни) и в то же время универсальный феномен жизни (как акт житнетворчества человека, коллектива, общества), критерием которого является создание нового, «ранее не бывшего», способствующее улучшению жизни человека, развитию и совершенствованию его и всего человечества.

В творчестве не только создаётся нечто новое, но раскрываются потенциальные возможности, духовный мир человека, его «сущностные силы» (способности, потребности, мировоззрение, знания, умения, социальные чувства и т.д.). Тем самым творчество выступает как мера реализации и развития сущности человека в процессе его социальной деятельности, «как мера человека», как выражение его духовности. *В высшем смысле творчество является только «добрым» творчеством, созиданием, результаты которого имеют ценность для человека и человечества.*

От чего же зависит выбор той или иной формы поведения человека: законопослушного или девиантного (или делинквентного), конструктивного или деструктивного? Как взаимосвязаны эти формы его деятельности? Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Творчество и преступность как взаимосвязанные формы социальной девиации

Общепризнанным является убеждение, что *преступниками не рождаются, преступниками становятся*. Утверждая так, криминологи и философы обращают обычно внимание на социальные факторы, причины преступного поведения личности в обществе (причинные комплексы преступности).¹⁶

В то же время в отношении гениальности утверждается прямо противоположное суждение: *гениями рождаются*. Хотя и в развитии гениев роль социальных факторов велика. Советский генетик В.П. Эфроимсон, исследуя биосоциальные механизмы и факторы интеллектуальной активности, пришёл к выводу, что *гениальность — сверхвысокая, сверхотдачная творческая умственная активность личности — определяется сложным взаимодействием наследственности и социальных факторов развития личности*. Частота рождения гениев в разные времена у разных народов — величина почти одинаковая, но только *тысячная часть потенциальных гениев достигает уровня «развившегося» гения или таланта. Ещё меньше доля «реализовавшихся» гениев*.¹⁷ Значит, реализация гения также зависит от общества: воспитания, обучения, социального спроса, понимания, поддержки творца и т.д. Как показывает история науки и искусства, таланты и гении появляются не случайно, а в силу исторической необходимости, когда в обществе возникает потребность в том или ином открытии, созревают условия для их признания и понимания.

А если в обществе нет потребности в том или ином открытии, идее, в теории или изобретении, которые разработаны творцом? Например, в советское время не поощрялась коммерческая деятельность, а дефицит товаров способствовал созданию их и распространению (путём спекуляции) незаконно. Возможно, это было одной из причин рождения в СССР теневой экономики.

Сегодня мы также можем наблюдать различного рода отклонения от законов и социальных норм в сфере современного бизнеса. По данным исследования «Новое поколение предпринимателей и менеджеров» путём анкетирования слушателей программ МВА, обучающихся в Академии народного хозяйства при Правительстве РФ без отрыва от основной работы (наиболее социально продвинутой и перспективной части российского делового сообщества), «более двух третей занятых в бизнесе мужчин и женщин вынуждены время от времени искать пути обхождения юридических норм»¹⁸. Отмечая поме-

хи развитию бизнеса, опрошенные указали важнейшие: расхождение реальных правил игры в сфере бизнеса с действующими законами и нормами; чрезмерное налоговое бремя; коррупция и поборы чиновников и др. Получается, что действующие законы и нормы не только сдерживают творческую активность людей, но и превращают творческую деятельность в полукриминальную и криминальную.

Если стремление граждан к добросовестному труду и творчеству в государстве не поддерживается и ограничивается государственными институтами, то она неминуемо проявляется в отклонениях от существующих норм, законов, в различных формах девиантной и даже делинквентной (преступной) деятельности. Особую остро антисоциальную активность личность приобретает в ситуации, когда общество навязывает индивидам общие символы достижения успеха (богатство, «красивая жизнь» и т.п.), не предоставляя возможности овладеть этими ценностями законным путём. Об этом говорят, в частности, результаты социологического исследования «Проституция: причины, отношение к легализации. Меры предупреждения», проведённого в г. Саратове с января по май 2004 г.: невзирая на заведомую безнравственность занятия проституцией, более 32% опрошенных выразили желание зарабатывать деньги подобным образом; в обоснование своей позиции респонденты называли социально одобряемые ценности, ради достижения которых приемлем указанный способ приобретения необходимых материальных средств (получение образования, оказание помощи близким, покупка жилья и т.д.).¹⁹ Получается, как в девиантной инновации: *цели — социально одобряемые, а средства — нет.*

В настоящее время в российском обществе могут быть объяснены и оправданы такие формы девиантного поведения, которые получили название «ретретизм», наиболее ярким проявлением чего являются маргиналы: бродяги, пропойцы, душевнобольные, наркоманы и т.п. Резкая смена общепризнанных ценностей, неумение приспособиться к изменившимся условиям жизни (и некоторые другие причины личностного и социального характера) выбивают из разряда конформистов целые слои населения. То же можно сказать и о бунте и бегстве от действительности (когда отвергаются и социально одобряемые цели, и средства их достижения): не все граждане воспринимают систему рыночных отношений, вытесняющую социалистическую собственность, как законную и справедливую. Но, имея возможности бунтовать открыто, граждане «бунтуют» тихо, уходя в себя, от себя (отсюда пьянство, наркомания, суициды).²⁰

Мы уже отмечали, что девиантная деятельность определяется социологами и криминологами как такие действия и поступки, которые связаны с отклонением от общепринятых культурных образцов и моральных норм, но не причиняют большого вреда окружающим (как, например, в случаях нарушений элементарных поведенческих стандартов, норм этикета и т.п.) либо направлены своим деструктивным потенциалом против самих субъектов девиаций.²¹

Что касается преступности, то она выступает как деятельность человека, нарушающая правовые нормы, причиняющая вред отдельным гражданам, обществу, государству и оцениваемая действующим законодательством в качестве *делинквентной* деятельности. Эти нарушения, или деликты, в своём большинстве направлены на социокультурное пространство, окружающее правонарушителя. Если у индивида имеются злые помыслы, асоциальные намерения, нигилистические убеждения, но они не проявились во внешних действиях, опасных для окружающих, его нельзя преследовать средствами действующего законодательства (за «мыслепреступление» не судят). Вред, нанесённый государству, организации, лицу, служит необходимым основанием для определения *степени общественной опасности деликта и меры ответственности* его виновника.

Однако существуют большие трудности при определении преступного и не преступного поведения, девиантного и недевиантного, что обуславливается многими факторами: неопределённостью и противоречивостью общезначимых норм, стандартов поведения и ожиданий, их изменчивостью, плюрализмом ценностей в обществе и т.п. На противоречивость и относительность социальных ожиданий, «шаблонов поведения», норм, ценностей, оценок обращал внимание ещё социолог П. Сорокин, говоря, что нельзя представлять дело таким образом, что на одной стороне стоит преступник, а на другой — всё общество, которое оскорбляется его преступлением. Социальная действительность более сложна и такой простой картины не даёт. В каждом обществе уголовные нормы защищают не всех его членов, а только определённую часть, или, иначе говоря, в каждом обществе шаблоны поведения у различных его частей различны.²² Существует внешняя однозначность преступления и наказания, подвига и награды: как по составу, так и по характеру актов и их направлению преступление и подвиг ничем не отличаются от наказания и награды. *Различие же их заключается не в материальном характере актов, а в их нравственно-психологической оценке:* «преступление всегда морально отрицательно, наказание может и не быть таким, оно, с точки

зрения карающего индивида, есть всегда воздаяние и воздаяние законное»²³. Большинство преступлений есть просто конфликты разнородных шаблонов поведения, а не столкновение «абсолютной несправедливости» с «абсолютной правдой». «Если в современном обществе мы примем шаблоны буржуа, то с точки зрения его шаблонов акты забастовки, саботажа, «экспроприации экспроприаторов» и т.п. будут преступлением и наказание покажется справедливым, должным, законным и т.д. Если же встанем на точку зрения рабочих, то акты наказания превратятся в «преступление» и правовая психика потребует, в свою очередь, их наказания... Наказание революционера, вполне законное с точки зрения официальных шаблонов поведения, есть преступление с точки зрения революционера и его единомышленников».²⁴ Поскольку общество не однородно, а преступник составляет только часть данного общества, следовательно, преступление оскорбляет уже сознание не всего общества, а только его части, исключая всех тех, кто имеет шаблоны, тождественные с шаблонами преступника. Отсюда ясно, что абсолютная точка зрения, устанавливающая какие-то «извечные» пределы между преступным и непроступным, ошибочна. Извечны (в логическом смысле) только сами формальные понятия преступного и антипреступного. А каким содержанием они будут наполнены у того или иного индивида, у той или иной социальной группы и чьё содержание будет «лучше», «выше», «чище», здесь абсолютных критериев нет и не может быть. Как и везде в области знания, в социальных науках должна быть принята точка зрения относительности и *конкретности* (добавлено мною. — О.А.). Если преступление вообще — зло, то, с учётом сказанного, такое же зло и наказание. Нет акта, который по своей природе был бы преступлением или услугой, ибо всякий акт является тем или другим для кого-нибудь в силу определённых и ограниченных условий (характера шаблонов).²⁵

Более того, сами социальные нормы, определяющие в конкретном обществе исторически сложившуюся «меру допустимого поведения», могут либо соответствовать законам общественного развития, либо отражать их недостаточно адекватно, либо находиться с ними в противоречии, будучи продуктом искажённого отражения объективных закономерностей. И тогда социальная «норма» оказывается сама «анормальной». Именно поэтому «девиантное поведение может быть позитивным, ломающим устаревшие нормы и объективно способствующим прогрессу (социальное творчество), и негативным, объективно препятствующим развитию или существованию»²⁶.

Сегодня совершенно ясно, что между преступным миром и официально признаваемым и одобряемым государством гражданским российским обществом нет чёткой и жёсткой границы: преступность пронизывает различные легальные отношения, имея собственные легальные юридические лица, считается с потребностями и интересами разных социальных групп населения, пытаясь привлечь их на свою сторону и иметь резерв пополнения своих рядов. При этом различные физические и юридические лица приглашаются к сотрудничеству на нерегулярной или даже разовой основе, используются «втёмную», причём они полагают, что оказывают услуги «милейшим» людям и не ведают либо не желают знать об их принадлежности к криминальным структурам или зависимости от них (как сказала жена одного из известных эстрадных певцов: «Для кого-то Тайванчик — мафия, а для меня — просто друг»).

Организованная преступность в современной России представляет собой альтернативное общество со своей экономикой, социальной и духовной сферами, своими системами управления, безопасности, формирования молодого поколения, судами, своей внутренней и внешней политикой. Это особый мир, и немалая часть его представителей бывает социализирована именно в рамках его норм, традиций, ценностей, стереотипов поведения, находящихся в системе специфических социальных связей внутри указанного мира, а также и внешнего. Лидеры организованной преступности сейчас уже занимают вполне «респектабельное» положение в «большом обществе» и проявляют немалую заботу о создании внешне добропорядочного облика как своего, так и своих соучастников.

Таким образом, творчество и преступность связаны, как сообщающиеся сосуды, как диалектические противоположности. В романе О. Форш «Одетые камнем» один из героев говорит, что убивший в себе художника становится злодеем. Но, наверное, не только художника. Как справедливо заметил В. Ротенберг, «человек, угасивший в себе творческую искру, легко может стать злодеем, ибо потребность в поиске, подобно запруженному ручью, находит себе другое русло и заодно способна размывать моральные ценности. Неправильно ориентированный поиск — страшная разрушительная сила, ибо тесно связана с потребностью в самосохранении»²⁷.

Можно предположить, что наши соотечественники с высоким уровнем интеллекта, не имеющие легальной возможности повысить свой социально-экономический статус в России, в поисках самоактуализации будут стремиться реализовать свой потенциал одним из

следующих способов: уезжая за рубеж (сегодня уже наблюдается большая «утечка мозгов»); обходя существующие в России законы путём противоправной, криминальной деятельности (например, уход от уплаты налогов) или уходя в маргинальные слои российского общества.

Всё это ведёт в конечном счёте к нестабильности в обществе, ибо накопление лиц с высоким интеллектуальным потенциалом в преступных и маргинальных слоях общества может служить одной из причин его социально-политического переустройства, поскольку интеллектуалы, не удовлетворённые своим социальным положением, могут стремиться к его изменению.²⁸

Но чтобы понять внутренний, сокровенный смысл творчества и преступности, различных форм девиации, необходимо, очевидно, заглянуть в душу человека, рассмотреть духовные истоки различных форм поведения человека.

Духовно-нравственный смысл творчества и преступности

Всем известно суждение великого А.С. Пушкина, что «гений и злодейство — две вещи несовместные». Сегодня, правда, и это утверждение подвергается сомнению. Например, в предисловии к роману П. Зюскинда «Парфюмер» отмечается, что история жизни парфюмера Жан-Батиста Гренуя опровергает кажущийся неопровержимым пушкинский афоризм: гениальность парфюмера (проявляющаяся в его феноменальной способности улавливать и воссоздавать запахи, способные внушать людям любовь) вполне сочетается со злодейством (убийством молодых девушек, запахи которых воссоздавал парфюмер).

Мы показали, что различия в деструктивной и конструктивной девиации лежат в противоположной направленности деятельности человека (в разрушении, отсутствии пользы и будущего, с одной стороны, и в созидании, пользе и жизни — с другой) и их нравственной оценке согласно социальным ожиданиям в обществе, государстве. Но что заставляет человека поступать именно так, как он поступает? Почему из гениальных детей часто вырастают не только «нереализовавшиеся» гении, но и преступные личности? Почему вполне добропорядочные граждане могут становиться жестокими преступниками?

При анализе деяний человека необходимо принимать во внимание не только психическую, но и духовную его сущность.²⁹ В личности всякого человека есть конструктивные и деструктивные предпо-

сылки поведения, определяемые как его индивидуальным развитием (основанным на биопсихологической природе человека), так и условиями формирования в семье, воспитания, образования (т.е. условиями социальной среды). Как конструктивные, так и деструктивные основания криминального поведения (агрессивность, экспансия и страх) присущи, хотя и в разной степени, всем без исключения субъектам человеческой жизнедеятельности (законопослушным и преступным, здоровым и больным).³⁰ В частности, Л.В. Кондратюк описывает серию социально-психологических экспериментов С. Малграма, проведённых в 1974 г. (Йельский университет), который пытался выяснить, сколько страданий готовы причинять обыкновенные люди совершенно невиновным другим людям. В ходе опытов было установлено, что человек готов был причинять другому боль до тех пор, пока его не останавливал экспериментатор. Этот эксперимент показал также, что «субстрат» агрессии как психодуховная готовность человека действовать агрессивно оказался присущим его природе независимо от его типологической характеристики, социального положения, пола, воспитания и т.п.

На противоречивую природу человека и необходимость учитывать духовный³¹ фактор в понимании его поступков обращали и обращают внимание многие философы и учёные. «Дух человека, — писал русский философ И.А. Ильин, — есть личная энергия и притом разумная энергия; разумная не в смысле «сознания» или «рассудочного мышления», а в смысле предметного созерцания, зрячего выбора и действия в силу духовно-достаточного основания»³². С его точки зрения, «в каждом из нас есть две силы, обычно противостоящие друг другу: сила инстинкта и сила духа. Инстинкт, взятый сам по себе и не обузданный духом, — есть волк в человеке: он хищен, коварен и жесток. Но он хитрее и изворотливее волка. Человек голого инстинкта не ведаёт ни веры, ни совести, ни жалости, ни чести; он посмеивается над честностью, презирает доброту, не верит ни в какие принципы. Для него всё хорошо, что ему выгодно... Бездуховному инстинкту противостоит дух в человеке, начало сердца, разумной воли, ответственного предстояния и совести»³³.

«Вне духовного содержания, — писал М.К. Мамардашвили, — любое дело — это полдела. Не представляю себе философию без рыцарской чести и человеческого достоинства. Всё остальное — слова»³⁴. «Наука, исследующая разум и оставляющая за рамками дух, — вторит ему психолог В.П. Зинченко, — не имеет шансов разобраться и в разуме», «психологи должны не только признать наличие духов-

ности, но и понять её как поиск, как работу, как практическую деятельность, как опыт, посредством которых субъект осуществляет в самом себе преобразования, необходимые для саморазвития, самосовершенствования, внутреннего роста, достижения истины»³⁵. Бездуховность, или греховность, человека является лишь одним из проявлений его онтического несовершенства, находится в оппозиции к бытию, его трансцендирующей конструктивной силе, овладение которой является лишь возможностью, а не действительностью.³⁶

По мнению доктора медицинских наук, председателя Ассоциации независимых учёных «Россия XX — XXI» И.А.Гундарова, *духовность* — это деятельность сознания человека, направленная на поиск смысла жизни и своего места в ней, на определение критериев добра и зла для оценки событий людей и руководства к действию. Её характер формируется под влиянием внутренних и внешних условий. К *внутренним условиям* относятся: этнический архетип, национальные традиции, генетические особенности личности и др.; к *внешним*: образование, воспитание, идеологические установки, культурное развитие, социально-экономические отношения, материальное благосостояние.³⁷ В отличие от душевности, зачатки которой имеются в психике высших животных (любовь к потомству, привязанность к месту проживания, ощущение принадлежности к коллективу (стае) и др.), *духовность* есть высочайшая социальная ценность, существо которой раскрывается в стремлении человека к самоутверждению, в красоте поступков, служении людям, саморазвитии и самосовершенствовании личности и её поведения. Различие между душевностью и духовностью наглядно проявляется в раздвоенности людей, которые в отношении «своих» могут быть добрыми, отзывчивыми, душевными (например, любить своих детей, верить в Бога, слушать классическую музыку, коллекционировать картины, заниматься благотворительностью и т.п.), а в отношении «чужих» — жестокими, беспощадными, непримиримыми. Казалось бы, у них нет психических отклонений, но в духовном плане — это тяжелобольные люди.

Антидуховное (негативно духовное) — всё то, что деформирует, дезорганизует, дегуманизирует условия и факторы саморазвития и развития человека и его сообщества. К основным индикаторам антидуховности (негативной духовности), доступным для международной сравнительной оценки, относятся самоубийства и убийства. Первые отражают безысходность, потерю смысла жизни, вторые — агрессивность, озлобленность. Суммарную величину духовного неблагополучия характеризует общая преступность. Люди, лишённые

общих духовных ориентиров, перестают ощущать поддержку друг друга, переходят в «тревожное», часто девиантное состояние, что оборачивается негативной демографической тенденцией, ростом преступности, словом, распадом общественного организма.

Именно *духовное неблагополучие* (рост озлобленности, ощущение несправедливости, потеря смысла жизни, гнев, тоска, безысходность и т.п.), по мнению И.А. Гундарова, явилось главной причиной не только роста преступности, но и демографической катастрофы в России. Дополнительно действуют локальные обстоятельства (генетические, социальные, экономические и др.), которые «заставляют» одних людей совершать преступления, самоубийства, а других становиться больными.³⁸

О значении негативного эмоционального состояния общества, влияющего на духовно-нравственное и физиологическое здоровье людей, пишет философ-психолог Е. Ершова-Бабенко. Говоря о главных причинах уменьшения населения Украины (за последние 12 лет, по некоторым данным, население страны сократилось с 52 млн. до 32 млн. человек), она отмечает, что эту ситуацию нельзя объяснить ухудшением материальных, экологических условий жизни. Главная причина демографического кризиса — во внутриличностной информационно-эмоциональной нагрузке на организм человека.³⁹

Конечно, грань между духовностью и бездуховностью, *между созиданием и разрушением, творчеством и антитворчеством, творчеством и преступностью* — тонка, но она **есть**, и это важно понимать не только философу, но и юристу, политику, воину. Чтобы осуществить совершенное в искусстве и культуре, гений должен понять смысл Вселенной, «врасти в ткань Божьего мира, срастись с идеями Бога, скрытыми и явленными в природе и человеке — стать их живым орудием. Достигнув этого — как совершит он злодейство? — писал И.Ильин. — Своим земным естеством, страстным и грешным — он может быть, и даже наверное, останется доступным греху и соблазну; но грех есть *слабость в добре*, а злодейство есть *сила во зле*». В минуты «прекращающегося созерцания» гений может оказаться страстным человеком и недостаточно сильным в добре и чистоте («...и Пушкин, — отмечает И. Ильин, — как, может быть, ни один гений на земле, знал это за собою). Но *сильным во зле он оказаться не может. ...Гений владеет живым Богом; он не может стать гнездом дьявола...*»⁴⁰. Поэтому нельзя уравнивать по значимости деяния, которые могут быть оценены как творчество и злодейство, Георгия Победоносца и Змея Горыныча, воина-защитника Отечества и террориста.

Злодей или преступник не способен к духовному созерцанию, не может быть *сильным в добре, он может лишь быть сильным во зле, превращаясь в дьявола.*

Таким образом, если, с точки зрения материального характера, творчество и преступность — диалектически взаимосвязанные процессы, две стороны инновационной девиантной деятельности, то в духовном плане — это прямо противоположные процессы. В основе творчества лежит позитивно духовное, созидательное, доброе, что способствует развитию и совершенствованию. В основе антитворчества — антидуховное, негативно духовное, всё то, что деформирует, уничтожает, дегуманизирует, дезорганизует, разрушает условия и факторы саморазвития и развития человека и его сообщества.

Творчество — путь созидания, совершенствования, жизни во имя человека и общества. Преступность — путь разрушения, деградации, сопровождаемый ненавистью, смертью, несчастьем.

Преступная (криминальная) среда формирует идеологию с широким набором своих нравственных, «правовых», эстетических и даже философских идей; культивирует систему «духовных ценностей преступного мира; романтизирует мафиозные и коррумпированные отношения, делает образ мафии и коррупции привычным атрибутом общества; увеличивает сферу потребителей мафиозных благ (наркотики, азартные игры, проституция, дефицитные товары, ростовщичество и т.п.); формирует модели контркультурного поведения молодёжи в процессе её социализации, культивирует насилие, жестокость, агрессивность, половые извращения и т.п. Широко распространенные в общественном сознании (и внедряемые с помощью средств массовой информации) лозунги криминальной идеологии о «полезности мафии», «коррупции как спонсоре приватизации», «честных «ворах в законе», заботящихся о малоимущих гражданах, «выживает сильнейший», «человек человеку — волк», «для достижения богатства хороши любые средства», «теневая экономика — главный ресурс реформы» и т.п., способствуют распространению девиантной и делинквентной деятельности и парализуют все конструктивные начинания политиков в экономической, социальной и духовной сферах. Более того, бессилие власти в борьбе с преступностью создаёт в сознании граждан государства образ власти как власти коррумпированной.⁴¹

Поскольку же стремление к новому, к реализации своих творческих возможностей — важнейшая черта не только отдельной личности (в том числе и преступной), но и общества в целом, с ними невоз-

можно бороться насильственными способами. Гораздо важнее направить эти стремления на путь созидания и вытеснения (сокращения) *сферы влияния деструктивной (и делинквентной) деятельности*. Чёткое осознание сущности творчества как созидательной и развивающей деятельности поможет наметить основные пути профилактики антисоциального (делинквентного) поведения на основе реализации и востребованности творческого потенциала личности.

Сокращение сферы делинквентной деятельности человека в российском обществе должно быть составной частью идеологии возрождения российской государственности. Переключить энергию разрушения на созидание — важнейшая государственная задача.⁴² Главными средствами для достижения этой цели являются: укрепление авторитета в государстве деятельности правоохранительных и административных органов; совершенствование законов и норм в сфере бизнеса, науки, образования, расширяющих сферу созидательной и творческой деятельности человека; формирование в общественном сознании психологической нетерпимости, брезгливости и безразличия к субкультуре преступников и девиантов; формирование установки на созидание в процессе обучения, воспитания молодого поколения и др.⁴³

Особое внимание следует обратить на укрепление духовно-нравственного состояния личности и общества, а также на первостепенную ответственность средств массовой информации в этом процессе. Политика «хлеба и зрелищ», осуществляемая большинством российских СМИ, культивирование негативной информации (с одной стороны, убийства, кровь, погони, обман, мошенничество, предательство..., с другой — пошлые «окна» или «дома», хохмачество, в котором обязательно присутствует издевательство над прошлым и настоящим, тиражирование глупых, примитивных шуток и т.п.) разрушают психику человека, снижают творческий потенциал граждан, способствуют их духовно-душевной деградации. Конечно, нельзя забывать прошлое, ни одного из тех уроков, которые послала нам история. Но постоянное самокопание в дурном прошлом страны будит в душах людей чувства обиды, зависти, вражды, мстительности, ненависти и злобы; подрывает в душе чувства собственного достоинства, уважения и доверия людей друг к другу. Невозможно нормально жить, созидать и творить в *обстановке тревоги*, страха, негативных переживаний.

Для добросовестного труда и творчества необходимы как минимум стабильность и уверенность в будущем. Нужно понимать, помнить и

хранить всё, что было в нашем прошлом священного, доброго, созидательного. «Россия спасётся творчеством, — говорил И.А.Ильин, — обновлённой религиозной верой, новым пониманием человека, новым политическим строительством, новыми социальными идеями... Мы должны готовить *не реставрацию, а новую Россию*»⁴⁴.

Россия за тысячелетия своего существования доказала талантливость и силу своих народов, необычайную продуктивность их интеллектуального потенциала, смелость и решительность как в области мысли, философии, науки, так и на поле брани, дала миру образцы высокой духовной культуры, нравственности, просветительства, образованности народа. И в этом — залог оптимизма и веры в её будущее.

---

¹ И н о з е м ц е в В.Л. За пределами экономического общества. — М., 1998. — С. 162.

² Например, результаты всероссийского социологического мониторинга (с 1990 по 1999 гг.), проведённого Центром социологии молодежи ИСПИ РАН, показали, что в основе духовного развития молодёжи (как и всего общества) существует противоречие между ценностями, характерными для современного общества (профессионализм, деньги, предприимчивость, индивидуализм и др.), и традиционными ценностями, достаточно прочно укоренившимися в историческом сознании людей (общая культура, полезные связи, честность, принципиальность, положение родителей, принадлежность к властным структурам и др.) — См.: Ч у п р о в В.И., З у б о к Ю.А. Молодёжь в общественном воспроизводстве: Проблемы и перспективы. — М., 2000. — С. 33 — 48.

³ См.: Х р е н о в Н.А. «Человек играющий» в русской культуре. — СПб.: Алетейя, 2005. — С.8.

⁴ Три четверти (74, 9%) опрошенного населения (включая пенсионеров) и почти две трети (59,2%) работающего (при значительной доле затруднившихся ответить) считают, что их социальное положение не соответствует личным достижениям в образовании и профессиональной подготовке. Причём вертикальная мобильность для них многие годы остаётся заблокированной. В то же время другие, не отличающиеся личными достижениями в области образования и профессиональной подготовки, достигли многого в статусном положении, определяемом не столько талантами, сколько умением «делать деньги» любыми средствами. Такой ход событий обуславливает широкое распространение в массовом сознании чувства несправедливости, препятствует социальной интеграции, обесценивает важнейшие для развития общества интересы получения образования и высокой квалификации по нужным обществу, но не престижным профессиям. — См.: Б о й -

ков В.Э. Интересы в социальном управлении // Социология власти. — 2006. — № 2. — С.14 — 15.

⁵ См.: Т о щ е н к о Ж.Т. Парадоксальный человек. — М.: Гардарики, 2001. С. 366.

⁶ Творчество рассматривается как: а) всеобщая форма развития, имманентно присущая всем уровням иерархии бытия и способствующая самосохранению и воспроизведению сущего посредством качественных трансформаций их структуры, перехода от хаоса к порядку; б) форма трудовой активности человека, создание любого нового продукта (знания, материальной или духовной ценности); в) поиск ценностно-смыслового нестандартного отношения человека к действительности; г) новаторство, изобретательство, решение технических задач, направленных на совершенствование технико-производственных отношений; д) как важнейший фактор процесса реализации способностей, мотивов, внутренних установок личности и др.

⁷ В ы ш е с л а в ц е в Б.П. Кризис индустриальной культуры. — Нью-Йорк: Изд.им. Чехова, 1953. — С.339.

⁸ Д а л ь В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. — СПб., М., 1998. — С. 394 — 395; 437.

⁹ Всякое творчество предполагает труд, затраты энергии человека. В каждом виде труда, будь то труд оружейного мастера, часовщика, следователя, есть доля творчества, требующего знаний, высокой квалификации, индивидуального подхода, а может быть, и искусства. По мере повышения квалификации труда доля творчества возрастает. Это легко заметить, если сравнить массовый подённый труд рабочего на заводе и труд инженера-изобретателя, швеи-мотористки, портного и модельера, мелкого чиновника или руководителя организации.

¹⁰ Рассматривая различные формы и причины девиантного поведения человека в обществе (биологические, психологические, социологические, культурологические, конфликтологические), социологи признают наиболее удачной классификацию девиантных поступков, предложенную американским социологом Р.Мертонем. — См. подробнее: С м е л з е р Нейл. Социология / Пер. с англ. — М.: Феникс, 1994. — С.239, 241.

¹¹ Конформизм человека может быть обусловлен подчинением обычаям, условностям, чувством долга или подчинением авторитету (приспособлением к тому, чего от него ждут); помогает ему убежать от одиночества, непонятности, самостоятельности, ответственности и т.п. Но если бы конформизм преобладал в жизнедеятельности человека, то, очевидно, он никогда бы не создал ничего нового, не сотворил бы ничего. Творец всегда преодолевает сопротивление необходимости (будь то физическая, биологическая, психологическая или духовная необходимость).

¹² Вышелавцев Б.П. Кризис индустриальной культуры. — С.340.

¹³ Циолковский К.Э. Гений среди людей. — М.: Мысль, 2002. — С.298 — 299.

¹⁴ Бачини В.А. Социология / Энциклопедический словарь. — СПб.: Изд. Михайлова В.А., 2005. — С. 51 — 52.

¹⁵ См. подробнее: Афанасьева О.В. Творчество личности как саморазвитие. — М.: Луч, 1998. — С. 15 — 34.

¹⁶ См.: Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Причины преступности в России: Криминологический анализ. — М.: Норма, 2006 .

¹⁷ Эфроимсон В.П. Генетика гениальности: Биосоциальные механизмы и факторы наивысшей интеллектуальной активности. — М., 2002.

¹⁸ Заславская Т.Н. Авангард российского делового сообщества: Гендерный аспект (статья вторая) // Социс. — 2006. — № 5. — С.12.

¹⁹ См.: Алхаджиева И.С. Общественное мнение о проституции и мерах по её предупреждению (региональное исследование) // Социс. — 2006. — № 5. — С. 85.

²⁰ К девиантологическим факторам современной России относятся: развал экономики и производства, депрофессионализация и деквалификация большинства трудоспособного населения, люмпенизация и маргинализация последнего, резкая социальная дифференциация и поляризация; отсутствие «среднего класса» — социальной базы стабильности; утрата смысла жизни и бесперспективность осуществляемых либеральных реформ; множественные межэтнические конфликты с человеческими жертвами; расширение сферы деятельности организованной преступности и др.

²¹ См.: Бачини В.А. Социология. — С.47.

²² Например, в 20-е годы XX века идеалом женщины была независимая, курящая, разбитная девица, ныне всё более — домовитая и семейная. В советское время в обществе однозначно осуждались проституция, гомосексуализм и т.п. Сейчас же, как показывают социологические опросы, множество девиц мечтает о профессии валютной проститутки, а гомосексуальные наклонности не осуждаются и даже поощряются (создаются клубы подобного рода «меньшинств», чуть ли не всем обществом обсуждается, позволить им провести шествие по улицам Москвы или не позволить, и т.п.).

²³ Сорokin Питирим. Преступление и кара. — СПб.: Изд. Русского христианского гуманитарного ин-та, 1999. — С.152.

²⁴ Там же. — С.152 — 153.

²⁵ См.: там же. — С.154 — 155.

²⁶ Глинский Я.И. Девиантология: Социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». — СПб.: Юридический центр-Пресс, 2004. — С. 408.

²⁷ Ротенберг В. «Образ Я» и поведение. МАХАНАИМ. — Иерусалим, 2000. — С. 57 — 62. Цит. по: Кипнис Михаил. Тренинг креативности. — М.: Ось-89, 2005. — С. 24.

²⁸ См.: Кочетков В.В. Социологическое исследование социально-экономического статуса саратовской интеллигенции // Социальный статус и имидж гуманитарной интеллигенции. — М.: РГСУ, 2001. — С. 259 — 260.

²⁹ См.: Франкл В. Человек в поисках смысла. — М.: Прогресс, 1980. — С. 245 — 246.

³⁰ См.: Кондратьев Л.В. Антропология преступления (микрокриминология). — М.: Норма, 2001. — С.85, 83 — 84.

³¹ Духовность — более широкое понятие, чем религиозность. Она может быть и светской.

³² Ильин И.А. О грядущей России / Избранные статьи. — М., 1993. — С. 80 — 81.

³³ Там же. — С.31.

³⁴ Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. — М., 1990. — С.199.

³⁵ Зинченко В.П. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. — М., 1997. — С.102.

³⁶ См.: Кондратьев Л.В. Антропология преступления (микрокриминология). — М.: Норма, 2001. — С.71.

³⁷ См.: Гундаров И.А. Пробуждение: Пути преодоления демографической катастрофы в России. — М.: Беловодье, 2001.— С. 21.

³⁸ В России за 12 лет (1992 — 2001 гг.) смертность населения не по старости достигла около 5 млн. человек. Изучая динамику нравственного и физического благополучия общества на материале российской статистики за 53 года (с 1947 по 2000 гг.) И.А. Гундаров показал, что существует тесное совпадение между такими явлениями, как преступность и смертность населения страны (степень сцепленности обеих траекторий достигает 85%). Всякое повышение (снижение) преступности сопровождается повышением (снижением) смертности. Но ни одно явление не может быть причиной другого. Скрытым «агентом», «серым кардиналом» предрасположенности людей к преступлениям, убийствам, самоубийствам и болезням, вероятнее всего, выступает *нравственно-эмоциональное состояние общества*. — См.: Гундаров И.А. Пробуждение: Пути преодоления демографической катастрофы в России. — М.: Беловодье, 2001.— С. 21.

³⁹ См.: Ершов а-Бабенко И.В. Психосинергетические стратегии человеческой деятельности (концептуальная модель). — М.: NOVA KNYHA, 2005. — С. 245.

⁴⁰ Ильин И.А. Одинокий художник.— М.: Искусство, 1993. — С. 102.

⁴¹ Всё это ведёт к доминированию в обществе типов личности, по терминологии Эриха Фромма, непродуктивной ориентации (эксплуататорской, накопительской, рыночной), к распространению сферы влияния уголовных элементов, сращиванию их с управленцами, хозяйственными и государственными структурами.

⁴² По мнению многих зарубежных учёных, эффективность творческой деятельности человека в обществе и государстве служит своеобразным критерием потенциальной экономической, политической и военной мощи государства. «...Творческая деятельность оказывает огромное влияние не только на научный прогресс, но и на всё общество в целом, а те государства, которые сумеют лучше всего опознать творческие личности, развивая их и создавая для них самые благоприятные условия, будут иметь большие преимущества». — См.: T a y l o r C.W. The Minnesota studies of creative thinking // Widening horizons in creativity / Ed. C.W. Taylor. — N.-Y., 1964. — P. 2.

⁴³ О профилактике девиантных проявлений см. также: Г л и н с к и й Я.И. Девиантология: Социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». — С. 455 — 465.

⁴⁴ И л ь и н И.А. За национальную идею: Манифест русского движения // Слово. — 1991. — № 8. — С.84.

Место гражданской инициативы в социально-культурной и гуманитарной политике

*Гуляев Михаил Евгеньевич,
руководитель Регионального
общественного движения «Крымский мост»*

Одним из необходимых условий построения сильного государства является существование зрелого гражданского общества. Грамотное, цивилизованное взаимодействие государства с общественными организациями, опора власти на гражданскую инициативу поддерживают конкурентоспособность на мировой арене многих современных стран.

Общественные организации, выражающие и представляющие идеи и настроения граждан России, способны оказать государству существенную поддержку в решении не только традиционных для себя «внутренних» задач, но и стать проводником государственных интересов за пределами России. Неоднократно в последнее время на самом высоком уровне звучала мысль о том, что важнейшим социальным, культурным и гуманитарным ресурсом России является русское население ближнего и дальнего зарубежья, наши «зарубежные соотечественники». Особенно это касается традиционно, исторически «русских» областей стран СНГ, в частности Крыма.

Одним из примеров роли общественных организаций в поддержке социально-культурных и гуманитарных связей России с русским населением Крыма является деятельность Регионального общественного движения «Крымский мост».

Это движение поддержки русской культуры в Крыму возникло в 2002 году как инициатива группы граждан России. Его целями являются укрепление культурных и гуманитарных связей между населением России и Крыма, моральная поддержка русскоязычного населения Крыма, воспитание молодого поколения россиян в духе патриотизма, традиционализма, уважения к родной истории и культуре. Содержание его деятельности — реализация взаимосвязанных социокультурных проектов и программ, в первую очередь в Москве и Севастополе, а также в Санкт-Петербурге, Керчи, Евпатории и других городах России и Крыма.

Первым проектом движения стало создание совместно с Нацио-

нальным заповедником «Херсонес Таврический» археологической экспедиции в балке Бермана (г. Севастополь). За 4 сезона работы экспедиция, в которую вошли москвичи, севастопольцы, петербуржцы и жители других городов России, стала одной из лучших крымских археологических экспедиций. Убедительную и результативную работу участники проекта сочетают с деятельностью в других проектах движения. Для участников экспедиции организуются экскурсии по историческим и природным памятникам Крыма, встречи с другими российскими и украинскими археологическими экспедициями, местными жителями. Подобное общение (вариант «народной дипломатии») вызывает большой взаимный интерес, способствует укреплению взаимопонимания между россиянами и крымчанами.

В последние годы вокруг Берманской экспедиции сформировался своеобразный «Клуб российских археологических экспедиций в Крыму». Была оказана физическая, организационная и техническая помощь нескольким экспедициям: Крымской экспедиции ГИМ, Восточно-Крымской экспедиции ИА РАН, Порфмийской экспедиции ИИМК РАН. Сформирован своеобразный «информационный банк», собран интересный материал по истории и современному положению всех российских и большинству иностранных археологических экспедиций в Крыму.

Следующим проектом археологической деятельности движения является организационная поддержка им конференции «Боспорский феномен», проводимой Государственным Эрмитажем, ИИМК РАН и ГМИР (Санкт-Петербург). За время существования проекта состоялось 3 конференции, которые являются крупнейшим в СНГ крымским археологическим форумом.

Другое направление деятельности движения — музыкальное. Его содержанием являются организация и проведение фестивалей неофолк-музыки «Археология», а также издание и распространение одноимённых музыкальных альбомов, поддержка музыкантов и коллективов, основу творчества которых составляет традиционная, фольклорная (в первую очередь славянская) музыкальная культура.

Всего движением было проведено 5 фестивалей «Археология» в Москве, 1 — в Санкт-Петербурге и 3 — в Севастополе, общее количество участников их составило около 40 музыкальных коллективов и исполнителей, а зрителей — около 10 тыс. Выпущено 6 сборников (на CD) неофолк-музыки общим тиражом 7 тыс. экз. Неким промежуточным этапом стало проведение в Москве и Севастополе летом 2005 года фестиваля «Фолк-рок-форум», равного которому по мас-

штабам в этом музыкальном «формате» никогда ранее не проводилось.

Эта деятельность обусловлена тремя причинами.

Во-первых, во всём мире с недавнего времени растёт интерес к народной музыкальной традиции. По мнению социологов и искусствоведов, это обуславливается засильем безликой американизированной поп-культуры и как следствие пресыщением и отторжением её у значительного количества меломанов, поисками ей более интеллектуальной и национально окрашенной альтернативы. К счастью, эта тенденция дошла и до России — сначала в виде «кельтомании», сегодня же всё большее внимание молодёжи привлекают музыканты, работающие с «родным» фольклором — восточно- и южнославянским, карело-финским, сибирским.

Во-вторых, трудно переоценить значение фолк-музыки для традиционалистского, исторического и патриотического воспитания молодёжи. Фолк-музыка является своеобразным «кодом», носителем традиционных народных ценностей — любви к своей земле, языку, истории, культуре. Она исподволь, ненавязчиво внушает молодому слушателю эти ценности, приучает помнить о своих корнях и критически относиться к навязываемым «новым ценностям» транснациональной культуры, а также более внимательно и терпимо — к традициям и культуре других народов.

В-третьих, фолк-музыка является своеобразным «международным языком», средством коммуникации между молодёжью разных стран, социальных групп, разных увлечений. Постоянными участниками проекта являются члены ролевых, военно-исторических и реконструкторских клубов Москвы, Санкт-Петербурга, Харькова, Симферополя, Минска. На фестиваль в Севастополе послушать московские фолк-группы специально приезжали жители из всех уголков Украины, Беларуси, слушатели из Америки, Германии, Израиля.

В ближайшее время движение планирует проведение музыкальных акций в Рязани, Нижнем Новгороде, Минске, Одессе, Харькове.

Особо необходимо рассказать о «локальных», разовых проектах движения. Их также можно назвать «пилотными», так как, будучи реализованными в качестве эксперимента, при необходимой поддержке они имеют все шансы стать регулярными «большими» проектами.

На первом месте среди них стоит акция «Поклон кораблям Великой Победы», проведённая движением совместно с Подводным клубом ветеранов флота (г. Севастополь) и Российской федерацией дайвинга 5 — 9 мая. Целью акции было почтить память и отдать почести

морьякам-черноморцам, погибшим в годы Великой Отечественной войны.

Несмотря на меняющиеся идеологические приоритеты, чувства благодарности, гордости и скорби испытывают в этот день большинство людей различных возрастов во всех странах, которые были в прошлом частями Советского Союза. Несколько десятилетий существует традиция посещать в День Победы могилы советских воинов и жертв Великой войны. Могилами моряков в годы войны становились их боевые корабли. Под волнами Чёрного моря, на дне до сих пор лежат корабли, которые давали свой последний бой, обороняя Одессу и Севастополь, высаживая десанты в Керчи и Евпатории. Многие из таких кораблей и подводных лодок были обнаружены аквалангистами-любителями. Сейчас ведётся работа по восстановлению обстоятельств гибели кораблей и судьбы их экипажей.

Для проведения акции был зафрахтован специально оборудованный корабль, который прошёл по маршруту Новороссийск — Керчь — Феодосия — Севастополь. В районах указанных городов происходили погружения на затонувшие во время войны советские военные корабли и подводные лодки. Во время погружений аквалангистами на кораблях были установлены венки, кресты и памятные знаки. На палубе корабля, перевозящего аквалангистов, были отслужены панихиды по погибшим морьякам. Всего было проведено 10 погружений на объекты, находящиеся на глубине до 50 метров. В Севастополе в Летнем театре на Приморском бульваре 9 мая был проведён концерт-митинг, в котором приняли участие аквалангисты, военные моряки, ветераны Великой Отечественной войны. Участники акции получили приветственные письма от Комитета по делам ветеранов Государственной Думы РФ, командования Черноморского флота РФ, ветеранских организаций Москвы, Новороссийска, Керчи, Севастополя. Акция широко освещалась в СМИ (сюжеты на телеканале «Россия», радио «Маяк», статьи в центральной и региональной прессе).

По следам работы в Крыму энтузиастами движения были созданы документальные видеофильмы «Проект «Археология» в Херсонесе — 2003 и 2004». Эти фильмы в увлекательной форме рассказывают о деятельности движения, отражая её основную форму и содержание, повествуют об интересных событиях, связанных с историей и культурой Крыма, об актуальных проблемах и современной социокультурной ситуации в Крыму. Общий тираж выпущенных на DVD видеофильмов составил 500 экз.

Весной 2005 года в Москве движением была организована фото-

выставка «Крым. Фолк. Археология». Участие в ней приняли 12 талантливых молодых фотохудожников, увлечённых Крымом, историей и традиционной музыкальной культурой. Фотовыставку посетили более 600 человек. Подобные проекты позволяют не только привлечь дополнительное внимание к деятельности движения, но и расширить рамки этой деятельности, вовлечь в его орбиту новых молодых и талантливых людей, неравнодушных к родной истории и культуре.

Эта «открытость» для людей, готовность принять и поддержать новые идеи и инициативы, работающие на развитие и распространение русской культуры, на воспитание у молодёжи национального самосознания, и является отличительной особенностью и самой сильной стороной движения «Крымский мост».

Самоопределение современной России: между обществом потребления и национальной самобытностью

*СИЛАНТЬЕВА Маргарита Вениаминовна,
профессор, доцент кафедры философии
Московской государственной
академии славянской культуры,
доктор философских наук*

Проблема самоопределения России стала сегодня на повестку дня с особой остротой, поскольку касается весьма болезненного поля. Речь идет о возможности выживания нашего народа, о сохранении его культурной и политической самостоятельности. Под напором глобализма (а точнее, рынка, который прикрывается его терминологией) с особенной ясностью обозначился вопрос: кто мы?

Наивно полагать, что вопрос этот — удел отсталых народов, стоящих на обочине «магистрального развития современной цивилизации» (которое до сих пор, несмотря ни на какую борьбу с евро- и прочими «центризмами», обычно связывают с техногенным «западно-атлантическим» вектором цивилизационного развития). В действительности этот вопрос вполне серьезно задают себе те же американцы, например С. Хантингтон, автор книги с характерным названием «Кто мы?».

Было бы уместно напомнить, что во второй половине XX века под влиянием сложных и противоречивых процессов развития общества, буквально тектонических сдвигов в социальной структуре, экономике, экологии, в культуре, наконец, «запустился» миграционный процесс глобального масштаба, новое «великое переселение народов». Недаром миграция была недавно названа в ряду общемировых проблем современности.

Известно: нынешняя глобализация — далеко не первая в истории человечества. Одной из самых изученных её предшественниц стала, с лёгкой руки историков XIX века, глобализация постримского эллинистического периода. Периода, совпавшего (между прочим) с распространением христианства в мировом масштабе. Основой этой глобализации была, как и положено, унификация различных культур на основе «общего знаменателя». В определённый период этими ценностями стали ценности христианства. «Переносили» их латин-

ский либо греческий языки — языки развитых культур (хотя и утративших к тому времени свою пассионарность).

Аналогия между эллинизмом и нашим временем напрашивается сама собой, и она обыгрывается историками и философами уже как минимум два века. Главная черта, роднящая эти, казалось бы, очень разные периоды — тотальный релятивизм. Он проявляется прежде всего как относительность познавательной и ценностной базы.

Было бы неверно рассматривать подобную относительность исключительно в качестве показателя «тогдашнего» состояния умов, как некую ментальность — так она видится нам из нашего «сегодня». Она опирается на вполне реальное явление, причём отнюдь не абстрактного характера, а именно, на миграционные процессы, охватившие эллинистический мир. Поэтому необходимость признания равноценности различных культур на бытовом уровне можно трактовать как условие выживания дискретно дифференцированной поздней римской культуры, в рамках которой под одной крышей были вынуждены жить (и уживаться) очень разные локальные культурные типы.

То же самое можно наблюдать сегодня. Относительность ценностей, пропагандируемая таким философским направлением, как постмодернизм, — это отнюдь не умозрительная конструкция, а один из возможных откликов на требование времени. Времени, когда представители разных культур — традиций, вероисповеданий, обычаев, идеологий и т.д. — также вынуждены жить вместе, в рамках соседских отношений, будучи гражданами одного государства.

Как им ужиться друг с другом? Как не уничтожить — физически и морально — соседа, который покушается на твою «культурную матрицу», разрушая традиционный уклад жизни, «развращая» у тебя на глазах твоих собственных детей? Причём очевидно, что идентификационная агрессия в данном случае взаимна и исходит, как правило, от традиционалистски ориентированного «ядра» культур (религиозный фундаментализм в рамках любой деноминации). Фундаментализм в данном случае представляет собой (если воспользоваться понятием, позаимствованным у постпозитивистской гносеологии) «охранительный пояс» локальной культуры; тогда как её «культурная периферия» всегда маргинальна и, следовательно, открыта контактам и влияниям.

Можно ли в случае реального «конфликта ценностей» избежать радикализма, не допустить взаимного истребления людей по религиозным, этническим и другим идейным (ценностным, идентификационным) основаниям? Ведь нарастающая поляризация разных этнических групп по религиозно-идеологическому признаку на тер-

ритории одного сообщества чревата не только «войной всех против всех», но и — в наш ядерный (химический, биологический и проч.) век — возможностью самоистребления всего человечества.

В избранной нами аналогии важно отметить ещё и то, что закат Римской империи, растянувшись на столетия, не был «технологическим закатом». Так, в странах Средиземноморья (например, в той же Черногории) жители до сих пор продолжают пользоваться римским водопроводом, который функционирует без капитального ремонта почти 2 тыс. лет. Этот пример стоит вспомнить, когда нам говорят о неизбежности гибели «технологически отсталых» культур и неотвратимости процветания технологически развитых (например такой, как американская). Культуры (по крайней мере, иногда) уходят со сцены мировой истории совсем не потому, что их технологии недостаточно развиты или у них нет «запаса прочности», а потому, что исчерпан «запас прочности» души данной культуры. При этом «переплавке» эллинистической глобализации подверглись (в разной мере, но подверглись!) и сам «Рим», и его культурные «оппоненты».

В современной редакции душа народа обозначается понятием «национальная идея». И будет правильно сказать, что национальная идея всё чаще подвергается тотальной и целенаправленной деструкции. Этот процесс затронул Россию и Америку ничуть не меньше, чем, например, Францию. Недаром так много интеллектуальных сил брошено в Европе на исследование феномена «метисизации».

Но что такое «метисизация»? Только ли это последовательное размывание самобытных «старых» культур за счёт «новых», сравнительно молодых? Что может противостоять такому «размыванию», каковы перспективы данного столкновения «традиций и инноваций» и какими могут быть стратегии, определяющие судьбу конкретно нашей, русской культуры?

Национальная идея — это, можно сказать, квинтэссенция души народа; то, благодаря чему эта душа приобретает определённую форму. Культура в качестве способа самоорганизации общества предполагает, как известно, установление рамок, уяснение пределов, обозначение границ и демаркаций. И есть обоснованное предположение, что удержание души народа (как и человека) в этих границах — условие жизнеспособности и человека, и общества. Недаром древние греки так не любили хаоса и даже боялись его. Неопределённость — не только смерть абстрактной отчётливости. Это ещё и смерть «выделенного целого», его растворение в небытии.

Стоит отметить, что именно в русской философии XIX — начала XX веков (а вовсе не в современном французском постмодернизме)

родилась идея «обернуться назад» — попытаться вернуться в состояние хаоса, к «корням» язычества, чтобы «дать шанс» христианской культуре России и Европы «обновиться», как бы заново родившись. Среди тех, кто рассматривал подобный шанс, имена великих русских мыслителей — таких как В.В. Розанов, А. Белый, Н.К. Рерих и др. Примечателен ответ, который дал в своё время Н.А. Бердяев, комментируя попытки подобного рода: вернуться в *до-христианское* состояние после Христа нельзя. Этим он отсек идею креативности хаоса как «перетворения» христианства на основе нового рецидива язычества. «Прививка» язычества как духовной неопределённости больше не даст, по мнению Бердяева, жизнеспособного побега. Это — сухая ветвь культуры.

Хаосу противостоит космос, неопределённости — определённость. Говоря языком социальной философии, деструктивным унификационным процессам противостоит движение культур к самоопределению.

Вопрос может быть поставлен и так: всегда ли глобализация (а точнее, «метисизация») губельна для культуры? Если опираться на приведённый в начале нашего рассуждения пример, следует ответить «нет».

Разумеется, в «котле» эллинизма в некотором смысле «погибла» самобытность вест-готтов и вандалов, саксов, англов и бриттов; а также самих римлян. Однако можно ли с уверенностью утверждать, что культура средневековой Европы — результат гибели Рима?

И можно ли утверждать, что судьба вест-готтов ждёт все современные локальные культуры, «отставшие» от самой технологически развитой — американской?

Рискну даже выразиться жёстче: а потеряет ли что-нибудь человечество, если (представим) мы, русские, уйдём с исторической сцены? При всём непотребном радикализме этот вопрос имеет право быть поставленным. Обоснованный ответ на него должен радикальным образом определить аксиологическую базу этнонациональной и конфессиональной стратегии сегодняшней России как жизнеспособную — либо искусственно созданную модель социального планирования.

И здесь нас, по понятным причинам, интересует не столько «всемирно-исторический» масштаб глобализации, сколько то, что делается у нас дома.

В России сегодня можно, по нашему мнению, выделить две основные тенденции, связанные с реакцией на агрессивную идентификационную ситуацию.

Первая представляет собой попытку русских удержать национальную специфику, сохраняя баланс «общечеловеческого» и «национального» в рамках своей исторически сложившейся общности — того культурно-исторического типа, который спаян общностью языка, нормативных ценностей, территории, характера и многого другого. Русских — значит, всех, кто говорит и думает по-русски, то есть разделяет принадлежность к русской культуре и её основным ценностям. Напомним, что именно такое определение «русскости» дано в «Слове о Законе и Благодати» Илариона). Обидное для «националов», это определение раскрывает суть русскости как принадлежность православию. Последнее особенно важно, поскольку наша культурная матрица складывалась в эпоху глобальной христианизации как «по определению» полиэтническая. «Русский» — стало быть, православный, причём не только по закону, но и по благодати. А это значит, что ценности православия не всегда даны как единство закона и благодати. По благодати, в неведении закона, они могут при определённых условиях проводиться в жизнь представителями других «религиозных ориентаций».

Стоит вспомнить, что отчётливое осознание проблемы национальной самобытности России в нашей культуре никогда не исчезало. Говоря об относительно недавнем периоде, можно вспомнить не только А.С. Хомякова и К.Н. Леонтьева, но и Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.С. Солженицына, других великих деятелей русской культуры XIX и XX веков, выразивших в своём творчестве реальность феномена русской культуры. Что может быть самобытнее музыкального мышления М.П. Мусоргского или И. Стравинского, использовавших фольклорные мотивы в оригинальной симфонической обработке? Здесь реальность единства общего и особенного в рамках самобытной национальной культуры выражена предельно ясно и отчётливо.

Вторая тенденция, свойственная реакции современной русской культуры на идентификационную агрессию, — поддаться ей. Назовем её тенденцией унификации и подчеркнём её связь с процессами стандартизации сознания и поведения, которых требует расширяющийся мировой рынок. Но что конкретно означает такая стандартизация для нашего народа?

Во-первых, это стандартизация языка.

Во многих регионах мира (даже таких технически отсталых, как, например, Абхазия) модным языком общения (особенно в молодёжной среде) становится «компьютерный американский». Это, по существу, язык «базовых» (т.е. простейших, примитивных, потребнос-

тей-команд). Подобная мода имеет буквально стратегическое значение. Скажем, в Абхазии, чьё население сегодня насчитывает примерно 100 тыс. носителей древнего абхазского языка, переход молодёжи к бытовому использованию «компьютерного американского» означает полное вымирание родного языка на протяжении ближайшего времени — за 2-3 поколения. Не меньшая опасность видится и для русской культуры.

Во-вторых, стандартизация языка не была бы так страшна, если бы не влекла за собой с неотвратимостью изменения в сознании представителей нашей культуры. Эти изменения — не что иное, как «реструктуризация» основных ценностей. За этим благообразным научным понятием на самом деле скрывается страшная вещь. Стремительно изменяется матрица дифференциации сознания, принятая до последнего времени в русской культуре. Мутирует, если можно так выразиться, «нарезка понятий» в головах наших детей. Они начинают говорить на другом языке, и назвать этот язык «русским» можно лишь, имея большую долю воображения. Это «чёрное дело» культурной стандартизации сознания осуществляется (прежде всего) через средства массовой информации. Но не только через них! Нельзя забывать об изменениях в сфере образования, которые произошли за последние 20 лет. Например, директор вполне «хорошей» средней школы, знающий предметник, честный, порядочный человек и неплохой организатор, совершенно серьёзно объясняет представителям православно ориентированного вуза (которых она пригласила в гости к учащимся в связи с необходимостью «профориентации»), что через неделю с подобной миссией в их школе выступит маг-астролог. Мотивация вполне философская: детям ведь нужно разнообразие, нужен выбор!

Действительно, в наш век плюрализма, т.е. всеобщей релятивизации, очень легко согласиться с теми, кто считает, что истины нет. Понятно, что такой подход стимулирует духовную «всеядность» и нравственный беспредел: если истины нет, тогда действительно «всё позволено». Общество плюрализма, таким образом, проявляет себя как общество гедонизма.

Однако нельзя забывать и то, что гедонизм ещё в Древней Греции был осмыслен как крайне ограниченный и гибельный для человека выбор социопсихологической стратегии; а релятивизм не обязательно сводится к «голому» отрицанию истины. Ещё софист Протагор учил, что полнота истины — удел божества, а человек должен помнить о своей ограниченности. Это значит: понимать, что истина существует, но не путать с истиной самого себя и уважать мнение других как возможно даже более близкое к ней, чем твоё собственное.

Возвращаясь к вопросу о «праве» нашей культуры на жизнь, отметим, что средневековая христианская культура повышала собственнo культурный — антиэнтропийный — потенциал по сравнению с «размытой» ею античностью. Тогда как современный гедонизм — в идеальном образе «общества потребления» — такой потенциал понижает. Строго говоря, призрак гибели христианских культур маячит уже в пораженческой идее противостоять «евроцентризму» под лозунгом нарастающей толерантности (всё тот же всеядный релятивизм, равносильный самоубийству).

Более того. Право культуры на жизнь не декларируется, а берётся. Для того, чтобы быть, мы не должны логически обосновывать жизнеспособность своей культуры. Мы должны её сохранять и поддерживать. Это, если угодно, наша историческая миссия, миссия противодействия хаосу на уровне личном и общественном. Идея не нова, хотя нельзя не заметить, что в последние годы ответственность за её выполнение неизмеримо возросла. Обычная функция трансляции культурной традиции превратилась в трагический конфликт прошлого и будущего, чью «распавшуюся связь» может (и обязано) восстановить настоящее. То есть то, что есть подлинного в настоящем времени.

Россия сегодня стоит перед двумя крайностями: отказаться от самоопределения в пользу унификационных программ рыночного гедонизма (и погибнуть) или пойти по пути расширения «охранительного пояса» национально-религиозного фундаментализма (и тоже в некотором смысле погибнуть — уйти в себя, коллапсируя в изоляционизме).

Думается, однако, что этот выбор нам навязан теми, кто прекрасно понимает невозможность изоляционизма как реальной национальной стратегии. Следовательно, выбор — фикция, его по существу нет?

Но вопрос может быть поставлен и совершенно иначе: как Россия сегодня может и должна осуществить новый культурный синтез на основе своей культурной матрицы? Каковы условия, необходимые для осуществления такого синтеза, что могло бы ему способствовать (и, следовательно, должно найти обеспеченную поддержку), а что будет мешать (и, соответственно, должно быть пресечено)?

Отвечая на данный вопрос, можно предложить несколько важных, на наш взгляд, положений:

1. Русское государство сегодня должно волевым образом положить конец идеологическому «беспределу». Это не значит, что «зажмут рот» свободной прессе. Но это значит, что экономически невыгодным и цензурно невозможным должно быть производство и

продажа детской порнографии, сатанинских изданий и т.п. Государство может устоять только там, где есть пределы. Его обязанность поддерживать своим авторитетом и силой некоторую их часть;

2. Русский человек сегодня должен дать бой политике геноцида, создавшей за последние 100 лет несколько «демографических ниш» (а проще говоря, поставивших наш многомиллионный народ на грань биологического выживания);

3. Не всё можно (и нужно) возложить на государство. «Центр тяжести» культурного процесса всегда находится в недрах личного существования каждого человека, «всего народа», как выражался Л. Толстой. Это значит, что ни цензура, ни образование, ни здравоохранение, ни даже экономику нельзя в нынешних условиях передоверить государству. Если мы хотим, чтобы наши дети были русскими, мы должны сами их этому учить. Это наш долг.

Важнейший принцип, который может дать правильный импульс нашему дальнейшему движению — это принцип «свободы для». То есть такой свободы, которая, преодолевая хаос «свободы от», формируется в определённости личной позиции человека. Беречь ростки подлинной свободы — свободы по благодати, которой не чужд закон, — это настоящая задача, настоящее самоопределение. И настоящее уважение к другим культурам, которое возможно только как следствие уважения своей собственной.

Реалии духовной культуры России начала XXI века в условиях глобализации

*ГЛАГОЛЕВ Владимир Сергеевич,
профессор кафедры философии
Московской государственной
академии славянской культуры,
доктор философских наук*

Духовная культура страны — сложное и многомерное явление. В неё входят прежде всего пережитый исторический опыт поколений, та незримая, но живая пульсирующая связь, которая тянется из глубины веков и согревает душу, окрыляет мысль и укрепляет волю нынешнего поколения. Богатейшее духовное наследие России даёт множество импульсов этой связи, обеспечивает богатство и широту понимания исторического прошлого своего народа, ответственность нынешнего поколения за полученное им наследство не только перед прошедшими, но и перед будущими поколениями.

«Не стоит село без праведников» — говорит русская пословица. Так и русская духовная культура держится на подвижнических усилиях праведников прошлого, настоящего и будущего. Тип таких праведников олицетворял своей жизнью и трудом А.Ф. Лосев.

Философские искания, эстетические воплощения, религиозные прозрения, нравственные требования и усилия воли и разума в соединении этих аспектов напряжённейшего творчества в целостные системы понимания бытия и ощущения Бога — всё это было, есть и будет в той богатейшей сокровищнице духовного опыта, который реализовал себя в русской культуре. В ней сама ответственность и честность личности, ощущающей и воспринимающей себя выразителем того неизмеримо большего, что зовётся Божиим промыслом, призванием и смыслом жизни. В ней трепет сердца, откликающихся в унисон на горе и беды человеческие и мучительные жаждущих достижения гармонии, пусть даже ценой собственной жизни и покаленной судьбы. В ней неустанная жажда знания, обретения света истины, которым необходимо поделиться с единоверцами и жителями земли. В ней, наконец, мудрость понимания неизбежного, готовность принять его и смириться с ним. И одновременно — неистовая воля сопротивления всему пошлому, мелкому, суетному, подлому, что опутывает человека, как тина застойных вод, сковывает его мысль, разум, лишает сил, разменивая незаурядные душев-

ные возможности на пустоту, призраки и бессмысленную погоню за земным богатством и успехом как мерилom высшего счастья.

Духовная культура в наши дни жива для большого числа наших современников лишь тогда, когда сохраняется её устойчивое восприятие нынешними поколениями. Когда в её освоении и воспроизводстве участвуют библиотеки, школы, музеи, университеты, филармонии, художественные галереи. Когда она является ценностью семьи и в основах своих передаётся детям от родителей. Именно так сохраняется духовная культура на «растленном Западе», ставшем расхожей темой разнообразных обличений, функция которых нередко сводится к тому, чтобы увести внимание от происходящего дома, в России.

Условия XXI века властно диктуют одно непреложное требование: устойчивость сохранения и воспроизводства духовной культуры страны можно обеспечить лишь на основе продуманной и планомерной политики развития социальной культуры.

Нет сомнения, что когда вместо современного здания социальной культуры предстаёт ностальгия по потёмкинским деревням советской эпохи, говорить о социальной культуре, по крайней мере, преждевременно. Но можно ли ожидать завершения иной модели социальной культуры, альтернативной советской, в ходе новаций и трансформаций последних 15-ти лет? Иными словами, удастся ли наличными силами сегодняшнего дня выстроить российское здание социальной культуры — здание целостное, имеющее свои общающиеся уровни, сегментированные специализированные участки, налаженную прямую и обратную связь между ними? Здание, ориентированное на то, чтобы обеспечить освоение богатств прежней духовной культуры и непрерывное пополнение их ценностями, насущно необходимыми стране, чтобы вписаться в условия глобализации?

Нельзя отрицать роль советского образования и науки в определённой степени приобщения к современной культуре почти 300 млн. людей на территориях бывшего Союза: начиная с ликвидации неграмотности и бесплатного среднего и высшего образования до минимальных (особенно по сегодняшним меркам), но твёрдых социальных гарантий ряду социальных слоёв советского общества. Да и за последние 15 лет кое-что, конечно, сделано для налаживания коммуникаций с глобализирующимся миром. Например, массовое изучение английского языка средним классом общества, освоение Интернета, отказ от глушения западных радио и телепередач, обретение спутниковых тарелок теми семьями и учреждениями, которым по карману доступ к интернациональным СМИ, относительная упрощённость туристических выездов за границу на сезонную работу и т.д. Ушёл в прошлое (надеемся, навсегда) суеверный страх перед машинопис-

ными копиями и ксероксом как подрывными инструментами основ государства, столь живой среди советского чиновничества ещё совсем недавно.

Но является ли всё это шагами, направленными на строительство собственного, российского, здания социальной культуры? Или же перечисленные факторы вместе с американизированным «новоязом» и подражанием, как правило, третьесортным порождениям западной моды размывают собственно отечественные духовные ценности и открывают тем самым дорогу ценностям иным, вненациональным для России? Ответ однозначен. И соответственно возникает вопрос о путях и средствах возведения такого здания. Без него не обошлись ни Франция, ни Великобритания, ни США, ни Италия и Япония, раньше нас приобщившиеся к процессам глобализации и дальше пошедшие в направлении реализации её объективных требований.

Между тем социальная культура не складывается на пустом месте. Она — порождение и целенаправленно выращиваемый продукт культуры вообще. Однако бюджетные ассигнования на культуру в 2006 году составили, по утверждению председателя Комитета по культуре Государственной Думы РФ И. Кобзона, менее 1,5 % от общей суммы расходов. Хотя в абсолютном отношении предусмотрен определённый рост (+ 9,3 %), он в 3 раза ниже роста общегосударственных расходов, более чем в 2 раза ниже роста расходов на национальную безопасность и правоохранительную деятельность, на оборону. Таким образом, «фактически сохраняется остаточный принцип финансирования культуры как неосновного, второстепенного направления развития» («Литературная газета» от 21 марта 2006 г. №10 (6061).

Там, где нет культуры, может быть лишь бескультурье. Волна его заметна во всех сферах жизни общества — от коридоров власти до стиля вождения автомобилей, от манеры общения подростков до ничтожного общественного значения цены человеческой жизни, от состояния домов для престарелых до равнодушного отношения общественности к наличию в России более 3 млн. беспризорных детей.

Как следствие торжествующего бескультурья идёт волна преступности, алкоголизма, наркомании, проституции, социальных болезней (ВИЧ, сифилис и другие опасные инфекции). Растёт число бомжей и профессиональных попрошаек. Не говоря уже о тех, кто протягивает руку, чтобы не умереть с голоду.

В результате, вместо того чтобы строить целостное здание социальной культуры, государство создаёт систему оперативных средств противодействия вопиющим проявлениям и последствиям бескультурья — исправительные учреждения, лечебницы для наркоманов, бесчисленные посты охраны, антитеррористические и другие сило-

вые формирования. Считается, что на эти цели уходят средства, сопоставимые с одной третью государственного бюджета. Причём большую часть их выплачивает государство. Но отличие этих средств от культуры состоит прежде всего в том, что они требуют ежегодных и, как показывает практика, регулярно возрастающих денежных вливаний. Культура же на определённой (правда, достаточно высокой) стадии развития начинает работать на самоорганизацию и самовоспроизводство при наличии достаточно больших отрядов энтузиастов (добровольцев — на Западе), способных поддерживать её личным вкладом.

Можно ли возрождать и расширенно воспроизводить духовную культуру Отечества при сохранении отмеченной диспропорции финансовой политики? И дело не только в финансах. «Утечка мозгов» происходит не из США и не из Японии (по крайней мере, в размерах, сопоставимых с российскими). И масштабы подобной утечки из стран ЕЭС также не идут ни в какое сравнение с масштабами таковой из России.

Перед нашей страной стоит задача достаточно дорогостоящей профессиональной организации системы и деятельности культуры как неперемennого условия её устойчивого воспроизводства на фоне конкурентных процессов, вызванных и поощряемых глобализацией. Устоять в этой конкуренции Россия может, лишь высокопрофессионально отстаивая как свои исторические ценности, так и несомненные достижения творческих людей страны в наши дни.

Отсюда — ряд вопросов к коммерциализации образования в России. Обеспечит ли установка «Всё на продажу!» устойчивые позиции страны в отстаивании национальных приоритетов, самобытность и самоидентификацию на базе действительных достижений собственной культуры? Иначе коммерциализация образования будет способствовать размыванию собственного «золотого запаса» ценностей, их деформированию под чужие для России стандарты, требования и установки. Только развитие более эффективной (чем в других странах) системы образования может дать нашей стране какие-то устойчивые шансы на духовную конкурентоспособность.

Сказанное относится и к науке: вместе с образованием она является для страны одним из немногих возобновляемых ресурсов. Продавать научные проекты и законченные разработки, может быть, и труднее (и в каждом случае дешевле), чем десятилетиями гнать по трубам нефть и газ за рубеж. Но, во-первых, относительная конкурентоспособность российской нефти не включает тяжести национальных расходов, вложенных в разведку и строительство нефте- и газодобывающих сооружений, в газопроводы, нефтепроводы и

подъездные пути, сооружённые старшим поколением среди живых и уже ушедшими из жизни их предшественниками. Кроме того, растраживание невозобновляемых ресурсов — преступление, особо циничное в силу своей беспредельной аморальности. Практика безоглядной эксплуатации Трубы — это сокращение возможностей как полноценного, так и просто витального существования у последующих поколений. И этому преступлению нет оправдания перед безответными, ещё не родившимися младенцами, как и нет оправдания убийствам беззащитных. Отсюда — проблема важнейшего нравственного критерия отечественной духовной культуры. Ведь поколения образованных и душой просвещённых русских людей звали к Свету своих современников и потомков. Но в земной жизни непрерывное условие для того, чтобы увидеть Свет, предполагает, во-первых, простое телесное существование на земле и, во-вторых, соединение его с основами (как минимум) образования и культуры.

Поэтому является столь актуальным лозунг «сбережения народа» в качестве исходного принципа всех последующих нравственных, образовательных, правовых, эстетических и религиозных усилий.

Лозунг этот был выдвинут, как известно, ещё екатерининским вельможей А.И. Шуваловым. В 1990-х гг. значение политики «сбережения народа» обозначил в качестве приоритетного для России А.И. Солженицын. В 2006 году идея сбережения стала стартовым компонентом программы преодоления депопуляции России, предложенной президентом В.В. Путиным в его послании к Федеральному Собранию РФ.

Нельзя не видеть, что с позиций духовной культуры данное направление политики предполагает систему последовательных государственно-общественных усилий: рождение детей и их выхаживание; наличие благоприятных условий в семьях и детских дошкольных учреждениях для осуществления начальной социализации; обучение и воспитание в школах по программам, обеспечивающим опережающие возможности российского школьного образования по сравнению с программами российских конкурентов; образование в колледжах и университетах, открывающее свободное владение фундаментальными и прикладными знаниями и творческое использование последних достижений научно-технического прогресса в интересах благосостояния и процветания российского общества, укрепления авторитета российского государства на международной арене.

Лишь тогда, когда Россия в торговле с Западом перейдёт с доминирования сырья на доминирование продуктов и товаров высоких технологий, можно будет говорить всерьёз о полноценном участии

страны в глобализационных процессах и разнообразных формах научной и технической интеграции. Пока это условие не достигнуто, объективные позиции России будут находиться в основном в периферийных зонах глобализации.

Духовную культуру России отличало богатство интеллектуальных и эмоциональных проявлений. В ней много чутких предвидений, сбывающихся пророчеств, образно и логически обоснованных доказательств будущих трагедий человечества и трезвая оценка путей, ведущих к ним. Вместе с тем российская духовная культура породила разнообразные социальные и социально-религиозные фантазии, проявила незаурядное упорство в подменах утопиями реалистического анализа действительности.

Как по своим формам, так и по исторически сложившемуся содержанию духовная культура России содержит множество течений, внутренне связанных между собою и вместе с тем отрицающих друг друга по исходным принципам и системам аргументации. В этом её богатство, но лишь для творческого, не догматического ума и воображения, которые принимают за всю полноту истины отдельные идеи и положения конкретной философской, нравственной или религиозной системы. И в преодолении догматизма, в утверждении призмы реалистического анализа России прошлого и настоящего — одна из неперемненных предпосылок успешного диалога России с современными глобализационными моделями, проектами и идеологиями.

Реализма требует и то печальное обстоятельство, что наследницей русской духовной культуры является страна, население которой составляет ныне половину населения бывшего Советского Союза. Реалистически взвешенно приходится оценивать не просто факт сокращения территории, но и ампутационное разрушение хозяйственных, научных, технических, культурных, семейных и дружеских связей. Поэтому в мир глобализации Россия вступает ослабленной.

Магический кристалл духовной культуры, созданный нашими предками и доверенный нам как эстафета, связующая поколения, в состоянии содействовать решению непростых задач российского соучастия в глобализационных процессах. Но лишь в том случае, если общая культура российского населения будет возрождаться, а не продолжать деградировать в ближайшее десятилетие. Если это не большое время (по-видимому, ещё отпущенное нам историей) не будет использовано для действительного возрождения российского образования и науки, конкуренты оставят нашей стране третье-сортное место в той новой системе международных отношений, которая формируется благодаря глобализации.

Социально-политический статус личности россиянина

*ЧЕРНАВИН Юрий Александрович,
ректор Национального института
имени Екатерины Великой, профессор,
доктор философских наук*

При анализе политической реальности основное внимание уделяется, как правило, деятельности институциональных, организованных её субъектов, составляющих политическую систему общества, — государственных органов, политических партий, общественно-политических движений. Считается, что именно в рамках подобной целостности прежде всего проходит политическая жизнь и осуществляется политическая власть. Однако на современном этапе общественного развития подобный институционально-организационный подход к проблеме политики представляется явно недостаточным. Его следует дополнить подходом личностным, предполагающим рассмотрение статуса личности в политической системе общества и связанным с её духовной жизнью.

Невозможно представить себе функционирование политических структур общества вне личности. Индивиды «наполняют» собой, своей энергией, волей, интересами, мотивами, установками политические организации и институты. В конечном счёте развитие общества, история в целом есть итог и процесс деятельности конкретных людей. В связи с этим выделение и решение проблемы статуса личности в политике поможет, с одной стороны, глубже проникнуть в законы функционирования всей политико-управленческой системы общества, с другой — уяснить процессы политизации или деполитизации индивида, выработки либо усвоения им политических ценностей, приобщения к политической деятельности.

Рассмотрение статуса личности, в том числе её социально-политического статуса, требует особого методологического основания. Таковым основанием выступает понимание социального статуса личности как её места в системе социальных отношений, социальной структуре общества.

Социальные отношения интегральны. Их содержание составляют те стороны общественных отношений, которые обращены непосредственно к человеку, характеризуют место индивидов в обществе с точки зрения их социального равенства и неравенства. Это отноше-

ния социально-экономические, социально-культурные, социально-политические. Комплексный характер социальных отношений находит своё отражение в структуре социального статуса личности, складывающегося как совокупность соответствующих подстатусов (статусов): социально-экономического, социально-культурного, социально-политического.

Каждый индивид объективно включён в политическую систему общества. В то же время, удовлетворяя или недостаточно удовлетворяя свои потребности и интересы, он субъективно стремится прямо или косвенно приобщиться к управлению общественными процессами, устанавливает для этого связи с политическими институтами общества. Характер и совокупность подобных взаимосвязей объективного и субъективного плана и определяют социально-политический статус личности.

Власть либо защищает интересы граждан или их определённой части, либо ограничивает, подавляет их. В свою очередь граждане поддерживают власть либо оказывают ей активное или пассивное сопротивление. Возможна также ситуация безразличного, индифферентного отношения к политическим институтам масс, разуверившихся в способности власти управлять обществом. В этих и других подобного рода действиях и отношениях проявляется характер социально-политического статуса социальных групп и отдельных личностей. Например, в современной политической жизни нашего общества налицо сложная картина переплетений интересов различных групп и слоёв и их включённости во властные структуры: тех, чьи жизненные интересы были ущемлены властью в предшествующий период истории; лиц, чьи интересы тем или иным образом блокируются в современной социально-политической ситуации; тех, кому политическая конъюнктура открывает «зелёный свет» в достижении своих социальных целей. В результате такой разнонаправленности установлений возникают и развиваются социально-политические отношения как сотрудничества, консенсуса, так и конфликта, борьбы.

Идентификация социально-политического статуса личности в качестве одной из сторон социального статуса позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, следует подчеркнуть тесную взаимосвязь социально-экономического, социально-культурного и социально-политического статусов индивида. Высокие показатели социально-экономического статуса личности скорее всего будут способствовать достижению ею высоких показателей социально-политического. И наоборот. А высокие показатели социально-культурного статуса явятся неременным условием, своеобразным

фундаментом подобного взаимовлияния социально-экономического и социально-политического. Недостаточные показатели социально-экономического и социально-культурного статусов могут стать серьёзным препятствием для данной личности в достижении высокого социально-политического статуса.

Во-вторых, среди трёх составляющих социального статуса личности один может быть доминирующим, оставляя два других на социальной и психологической периферии. К примеру, у крупного бизнесмена ведущим может быть социально-экономический статус, у депутата или лидера политической партии — социально-политический. Иерархия статусов может меняться в зависимости от сложившихся конкретных условий деятельности личности. Кроме того, не всегда тот статус, который в качестве главного выделяет общество в данной личности, совпадает с тем статусом, какой выделяет в себе в качестве такового сам индивид. На этой почве возникает немало драматических противоречий внутреннего мира личности, неадекватно представляющей своё место в обществе, общественном мнении. Так, предприниматель может надеяться, что главное в его социальном статусе — социально-экономическая составляющая, имущественное, материальное положение. Но в общественном мнении решающее значение может приобрести уровень его образования, культуры. Высококвалифицированный специалист — представитель национальных меньшинств — будет надеяться, что окружающие в первую очередь оценят его профессионализм, но при решении определённого круга проблем (например, кадрового продвижения) внимание может быть обращено на национальность человека, придав данной социальной характеристике политическое измерение.

В-третьих, рассогласование социально-экономического, социально-культурного, социально-политического статусов личности, деформация их иерархии чревата негативными последствиями не только для самого индивида, но и общества. В стабильном, социально сбалансированном обществе разные измерения положения личности в социальной системе взаимосвязаны. Изменяя показатели одного из них, человек соответственно меняет характеристики и другого. Американский учёный С. Липсет в связи с этим отмечает: «Человек, восходящий на другую ступень социальной иерархии, как правило, меняет круг друзей, присоединяется к новым организациям, меняет место жительства. Иногда он изменяет даже свою религиозную принадлежность и имя. Очень часто претерпевают изменения его политические взгляды»¹. Степень согласованности статусов выражает социальную определённую личность и является важнейшим фактором стабильности общества в целом.

Структурные элементы социально-политического статуса личности — это социально-политическое положение, позиция (ориентация) и престиж.

Социально-политическое положение определяется сложившейся системой политических отношений, в которую включён субъект. Эти отношения имеют объективный характер и складываются на продолжительный период времени в ходе совместной практически-политической деятельности людей. Социально-политическое положение личности можно выяснить, опираясь на ряд объективных показателей: характер включения индивида в управление общественными процессами, механизм связи с политическими институтами общества, социально-политическую роль в обществе, политические права и обязанности, степень политического влияния, уровень авторитета.

Социально-политическая позиция (ориентация) — субъективная сторона статуса. Под ней понимается внутреннее определение, осознание, оценка личностью своего социально-политического положения. Будучи включённым в ту или иную политическую систему, организацию, человек интегрирует в себе политически значимые черты данного общества (сообщества). Таким образом социально-политический статус становится элементом структуры личности, частью её духовного мира.

Формирование социально-политической позиции — процесс противоречивый. С одной стороны, общее социально-политическое положение большей части общества предопределяет появление совпадающих ценностных ориентаций и установок. С другой — одно и то же социально-политическое положение по-разному воспринимается, переживается, оценивается разными людьми. Этим объясняется различие в позициях, порой существующее у людей, обладающих одинаковыми социально-политическими показателями. Здесь сказывается многое: духовность личности, её мировоззренческие установки, многообразные влияния со стороны иных социальных групп и политических организаций, социально-психологические особенности личности и т.д.

Социально-политический престиж также принадлежит субъективной стороне статуса. Это тоже оценка положения личности в политической системе, но даваемая уже общественным мнением. Она имеет сравнительный характер и, если высока, наделяет соответствующее явление особой привлекательностью, вызывает у людей стремление приобщиться к нему. Это один из действенных регуляторов поведения.

Оценки социально-политической престижности даются, во-первых, на основании понимания социальной и политической значимости данного вида деятельности; во-вторых, на основании определённой системы ценностей, установок, идеалов, сложившейся в обществе. Кроме того, на их формирование влияет многообразная совокупность факторов как формальных, так и неформальных. Сюда относятся официальная позиция государства и проводимая им на деле политика, целенаправленная деятельность различных политических и социальных сил, награды, премии, звания, а также уважение в обществе, признание авторитета и др. Санкции, воздействующие на динамику социально-политических престижных оценок, могут иметь и негативную направленность, снижающую их уровень. В обществе складывается иерархия социально-политического престижа.

Каким образом определить уровень социально-политического статуса личности (высокого, среднего, низкого)? Политическая система организуется и функционирует в обществе на 3-х взаимодействующих и взаимосвязанных уровнях. На макроуровне концентрируются усилия и отношения высших центральных политических институтов, высших государственных органов, руководящих органов политических партий. Мезоуровень образует деятельность аппаратов и учреждений так называемого среднего звена, а также административных органов власти регионального, областного, районного масштабов.

На политических макро- и мезоуровнях находятся представители тех социальных групп, которые вне политики просто не существуют. Политики-профессионалы, специалисты, работающие в законодательных, исполнительных, судебных государственных органах разных уровней, партийные функционеры — это представители социальных слоев, «наполняющих» институты и организации политической системы общества. Микроуровень составляют политическая деятельность и отношения между людьми, гражданами как первичными субъектами, образующими общую ткань политики.

Политические права и обязанности, механизм участия в управлении делами общества, социально-политическая роль личности, закреплённые Конституцией страны, её законами применительно к каждому гражданину, образуют соответствующий социально-политический статус личности, отвечающий микроуровню политической системы. Это первичный уровень социально-политического положения и статуса в целом. Человек, не имеющий гражданства, лишённый политических прав и обязанностей, не обладает социально-политическим статусом применительно к данной политической

системе. Он сохраняет социально-политические статусные показатели, соотнесённые с международным правом.

Личностям, включённым в политическую систему на её мезо- и макроуровнях, общество, политическая система делегируют более высокие права и обязанности, усиливающие их политическое влияние. Меняется механизм включённости данного индивида в политические образования, растёт его социально-политическая роль. Взросшие по политической вертикали показатели определяют социально-политическое положение данной личности и в целом её статус как средний либо высокий.

Своеобразие социально-политического положения личности, обладающей средним или высоким статусом, предопределяет неизбежность политической окраски её менталитета, социально-политической позиции. В данном случае речь идёт о более рельефной политической выраженности позиции в сравнении с позицией людей, деятельность которых прямо не сопряжена с политикой. В структуре духовности «государственных», «политических» индивидов значительное место занимают политические ценности и убеждения. А нерасчленённость интеллектуально-рационального и чувственно-эмоционального компонентов сознания предопределяет острое восприятие и переживание политических знаний, принципов, ритуалов, традиций, эталонов и норм поведения. Эти компоненты присутствуют в социально-политической позиции людей с высоким, средним статусом как лично значимые, оцениваются как высшие, как идеалы. Это ценностно-ориентированный тип вовлечённости личности в политику.² Если подобного не происходит, если доминирует инструментальный, «службистский» тип функционирования личности в политике, связанный с обыкновенной службой в бюрократических институтах партийно-государственной власти, то социально-политическая позиция человека не соответствует высоким показателям его социально-политического положения. Это указывает на противоречие между структурными составляющими статуса, его деформацию, которая резко снижает эффективность политической системы общества.

Безусловно, инструментальный, «службистский» тип социально-политической вовлечённости отнюдь не является исключительной особенностью бюрократических, в частности тоталитарных, режимов. В обществах с развитой представительной демократией он сосуществует с ценностно-ориентированным типом, зачастую даже в психологии одних и тех же людей. Но в психологическом плане эти типы различаются. Речь идёт прежде всего о характере личностной

мотивации. Отличие инструментальной вовлечённости от ценностно-ориентированной состоит в том, что ценностный уровень мотивации играет в ней подчинённую, второстепенную роль. Человек не стремится интериоризировать основные политические ценности системы, сосредоточившись лишь на выполнении предписанных пирамидой власти служебных обязанностей. При этом, как правило, недостаточное внутреннее усвоение политических ценностей негативно сказывается и на профессионально-служебной деятельности, на выполнении соответствующей данному статусу социально-политической роли. Как представляется, именно инструментальная модель, господствующая в среде современного российского чиновничества в ущерб ценностно-мотивированной, выступает одним из оснований коррупции, с которой так безуспешно пытается бороться власть.

В целом характеристики социально-политического статуса личности, его «наполнение» во многом зависят от типа общества, сложившейся в нём политической системы, но в решающей степени — от взаимоотношений человека с государством. Эта связь интериоризируется и воплощается не только в социально-политической позиции, но и в целом в качествах духовного облика, мировосприятия каждого индивида. Это качество В.С. Барулин называет сопричастностью человека государственности.³ Взаимоотношения человека с государством в большей степени, нежели с иными компонентами политической системы, характеризуют социально-политический статус личности.

Отношение человека к государству во многом зависит от отношения государства к нему, которое при всём многообразии оттенков может быть сведено к двум полюсам: защите и подавлению личности.⁴ Защиту, обеспечение государством социально-политического положения личности можно дифференцировать следующим образом:

а). Защита социально-политического статуса личности в международном плане, когда граждане государства оказываются за пределами своей страны. В этой ситуации человек особенно остро чувствует отдельность, отстранённость от привычной социальной и политической среды. Поддержание его статуса, соответствующая защита со стороны государства в случае её необходимости обостряет сопричастность личности государственности, наполняет социально-политическую позицию установками и мотивами, поддерживающими существующий политический порядок. Подобная деятельность российского государства, в течение последних полутора десятков лет не особенно обременявшего себя заботой о собственных гражданах,

оказавшихся на чужбине в беде, только в недавнее время приобретает рельефный характер;

б). Защита, гарантирование личности её социально-политического статуса с точки зрения внутренних отношений. В данном случае речь идёт о защите от экстремизма, терроризма, национализма, оккупации и т.п. Кроме того, государство способно и должно защищать социально-политический статус своего гражданина от самого себя. В повседневной жизни человек взаимодействует с нижними этажами государственной машины, зачастую сталкиваясь здесь с равнодушием, обманом, халатностью и т.д. Мезо- и макроуровни государственной власти, отстранённые от контактов с отдельными индивидами, представляются человеку механизмами защиты его от произвола чиновничьих низов. Иллюзия о том, что высшие эшелоны государственной власти заинтересованы в обеспечении социально-политического статуса личности, всегда была и остаётся весьма живучей. На деле защита социально-статусных характеристик зависит не столько от уровня государственных образований, сколько от характера политического строя и режима. Иными словами, человека защищает реальная демократия. При наличии и защиты, и демократии социально-политическая позиция личности приобретает государственную направленность. Более того, у человека складывается ощущение социальной, духовной комфортности, устойчивости в современном мире. Растёт социально-политический престиж государства.

Государство всегда, в том числе и в современном обществе, воспринимается не только как институт защиты, но и как институт подчинения, давления на человека. Объективные основы подобного восприятия, конечно, существуют. Государство регулирует отношения между людьми с различными, подчас противоположными интересами и устремлениями и порой должно опираться на силу (прежде всего силу закона) в поддержании сложившейся иерархии социально-политических статусов. На практике сложились различные формы и степени государственного давления, ограничения социально-политических статусных показателей личности. Во-первых, это прямой запрет. Речь идёт, к примеру, об ограничениях передвижений между странами, ограничениях в праве проживания в отдельных районах, городах, отстранении от участия в выборах, запретах на профессию, препятствиях при получении гражданства и т.п. В известных условиях подобные действия государства могут быть оправданными, но в целом они воспринимаются человеком как ущемление его социально-статусного положения, изменяют качество сопричастности госу-

дарству. Во-вторых, государство способно выступать как угроза обществу и гражданину. Подобная социально-политическая роль государства проявляется, как правило, в тоталитарно-репрессивных режимах. Эти режимы не просто ограничивают те или иные социально-политические показатели статуса личности, но путём прямого насилия парализуют её социальное развитие.

Деформация социально-политического статуса приводит к соответствующей реакции, которая воплощается в адекватной наполненности социально-политической позиции индивида. Данная позиция в одном случае может быть связанной с социальным страхом, понижающим всё общество; в другом — с социальной апатией, полным безразличием по отношению к политическим вопросам; в третьем — с социальным конформизмом, стремлением приспособиться к режиму, жить по двойному социально-политическому, духовному стандарту. Наконец, в четвёртом — социально-политическая позиция человека проявляется в стремлении активно противостоять государству, в деятельности по реализации данной позиции. Социально-политический престиж государства в глазах личности и соответствующий престиж личности в глазах государства ничтожен.

Итак, сопричастность личности государству, в существенной степени характеризует её социально-политический статус, наполняют позицию человека самыми противоречивыми установками и ценностями. Здесь могут сочетаться (иногда даже одновременно) мотивы, связанные как с ролью государства-защитника, так и с ролью государства-насильника. Причём такое противоречивое единство обусловлено объективными причинами и вполне закономерно.

В России роль значимости государства для человека, как представляется, гораздо выше, нежели, к примеру, в Европе. Во-первых, российское государство возникло как фактор сдерживания внешней агрессии, обеспечения выживания этноса. Вследствие этого, во-вторых, в нашей стране складывается соответствующий духовный тип. Россия вобрала в себя огромное культурное и религиозное многообразие народов. Их духовность, ценности в течение веков так и не были способны к синтезу. Если основой формирования западноевропейской культуры стала протестантская и католическая религия, то православие выступило важнейшим фактором становления российской цивилизации, но не её основой. Такой основой явилась государственность с характерной для России приверженностью монархизму и имперской политике. Причём и первое, и второе связано с авторитарным стилем в политическом управлении.

Культурные коды и характеристики, коренящиеся в глубинных сло-

ях духовной культуры нации и составляющие её первообразы, архетипы, оказывают впоследствии длительное воздействие на общественную практику. Какие бы то ни было преобразования в экономической, политической, духовной, социальной сферах не могут проводиться посредством разрушения или тотальной смены традиционной культуры, а только на основе её сохранения и преумножения. Это не означает, что авторитаризм, имеющий глубокие исторические и культурные корни, должен найти своё обязательное продолжение в современной российской политике, воплощение в характеристиках социально-политического статуса личности. Однако трансформация общества на путях его демократизации должна учитывать специфику и традиции нашей истории, политики, духовности, вырабатывать специфические способы демократизации страны, построения взаимоотношений между человеком и государством.

---

¹ Lipset S. and Bendix R. Social mobility in Industrial Society. — University of California Press, 1967. — P. 6.

² См.: Д и л и г е н с к и й Г.Г. Социально-психологическая психология. — М.: Наука, 1994. — С.228 — 230.

³ См.: Б а р у л и н В.С. Социально-философская антропология. — М.: Онега, 1994. — С.199.

⁴ См.: там же. — С. 202 — 204.

Политическая стабильность российского общества: состояние, специфика, управление

*КСЕНОФОНТОВ Владимир Владимирович,
старший научный сотрудник ИСПИ РАН,
кандидат философских наук*

Политическая стабильность общества, функционирующего и развивающегося в условиях современных противоречивых мировых процессов, представляет особый теоретический и практический интерес. Дело в том, что общественная система в целях сохранения социальной идентичности и упрочения своих позиций в международном сообществе призвана своевременно и адекватно реализовывать изменения, продиктованные историческими условиями.

Данное положение в ходе развития российского общества требует учёта по крайней мере двух обстоятельств. Одно из них связано с застоем, в котором пребывало советское государство, что обусловило необходимость движения в обществе разнообразных социально-политических сил, побудило к активной деятельности новые политические течения, объединения и партии. Между тем на деле значительное число из них мало заботилось о достижении подлинного баланса интересов различных социальных групп, что не могло не сказаться на результатах политической стабильности и реформирования общества.

Другое обстоятельство связано с характером проводимого курса реформ в стране, начальный этап которого содержал угрозу привести общественную систему в крайне неустойчивое состояние. При этом реформистский замысел и в ещё большей степени неадекватные методы его реализации способствовали тяжёлому социально-экономическому кризису в конце 90-х годов XX столетия, значительному падению жизненного уровня народа, что до сих пор проявляется в современном состоянии российского общества и негативно сказывается на его политической стабильности.¹

В условиях интенсивно протекающих общественных трансформаций от политической стабильности зависит оптимизация предполагаемых изменений во всех сферах жизни общества. В этой связи приобретают особую актуальность, во-первых, разработка теоретико-методологического инструментария оценки реального состояния политической системы под углом зрения её стабильности и, во-вто-

рых, решение научно-практических задач, связанных с функционированием политической системы и характером её воздействия на общество в интересах обеспечения в нём мира.

Категория «политическая стабильность», несмотря на довольно частое употребление в литературе, не имеет достаточно основательной и разносторонней научной разработки. Более того, в отечественной науке она исследуется сравнительно недавно и пока ещё не вошла в научный оборот в специализированных и энциклопедических трудах. Наиболее развернуто она представлена в работе «Политология. Энциклопедический словарь». В ней политическая стабильность трактуется как «система связей между различными политическими субъектами, для которой характерны определённая целостность и способность эффективно реализовывать возложенные на неё функции (функциональность)»². Отмечая плодотворность постановки самой проблемы и её понимания, целесообразно вместе с тем обратить внимание на следующее. В предложенном взгляде на политическую стабильность не учтена свойственная ей динамичность, отсутствует указание на условия и факторы как объективного, так и субъективного характера, от которых такая стабильность зависит.

Политическая стабильность, с нашей точки зрения, это устойчивое состояние общества как системы на основе комплекса знаний, умений и навыков управлять субъектами власти, позволяющих ей эффективно функционировать и развиваться в течение определённого исторического периода в условиях внутренних и внешних воздействий, сохраняя при этом своё характерное содержание и специфику.

В общетеоретическом плане близким к понятию стабильность выступают такие категории, как неизменность и устойчивость. С их помощью характеризуются некоторые специфические процессы, происходящие в различных сферах общественной жизнедеятельности. Так, неизменность подразумевает собой суть процесса, в котором в пределах определённых временных и пространственных интервалов состояние рассматриваемых объектов остаётся в основном одним и тем же. Устойчивость также характеризует определённые процессы с точки зрения их способности удерживать неизбежные изменения (колебания) в заданных (заранее известных) границах.

Применительно к характеристике состояния устойчивость означает удержание состояния в определённых параметрах, а также способность восстанавливать нарушенное равновесие.

Следует подчеркнуть, что устойчивость сама по себе не содержит

указания на то или иное качество процесса или состояния. Устойчивым может быть и разрушительный процесс, и созидательный.³ Устойчивость не означает обязательно неизменность, хотя и может включать её как частный случай. Чаще устойчивость означает постоянство и предсказуемость изменений. И это сближает данную категорию с содержанием понятия стабильность. Однако стабильность было бы неверным сводить к устойчивости.⁴ Эта категория более сложная; она включает комплексную оценку характера взаимодействия (и возможных последствий) определённой совокупности взаимосвязанных и взаимовлияющих элементов.

В оценке стабильности политической системы важно определить взаимосвязь функционирования системы с её реальными возможностями, формирующими «регулирующий» и «саморегулирующий» потенциалы системы.

Существует несколько различных видов возможностей: 1) экстракционная (извлекающая), т. е. способность системы извлекать (мобилизовывать) материальные и людские ресурсы (финансы, поддержку, привлечение талантов и т.д.); 2) контролирующая, т.е. способность держать под контролем поведение и деятельность различных социальных групп и институтов; 3) дистрибутивная (распределительная), т.е. способность размещать и распределять имеющиеся в обществе ресурсы в соответствии с действительными потребностями; 4) реагирующая, т.е. способность отвечать на многообразные требования (вызовы), идущие от общества в целом или от отдельных групп; 5) коммуникационная, т.е. способность на основе распространения популярных в обществе идей, лозунгов, символов повышать эффективность взаимодействия всех систем и элементов.

Обладающая значительными (масштабными) возможностями система способна не только сохранить стабильность, но и стимулировать необходимые перемены. Равновесие между стабильностью и переменами и является одним из важнейших показателей эффективности политической системы.⁵

Категорию стабильности правомерно применять как характеристику достаточно сложных систем, которые могут сохранять свою идентификацию и функционировать в состоянии находящейся в определённых границах нестабильности. Стабильность всегда связана с внутренней логикой развития системы, с её структурой и порядком взаимодействия составных частей, с параметрами и вектором их совместного движения и контролируемых изменений. Последнее происходит в соответствии с природой (закономерностями) той или иной конкретной системы, т.е. носит «естественный» для неё харак-

тер. При этом различного рода внешние возмущения и воздействия не способны его существенно изменить.

Таким образом, можно сделать вывод, что стабильность как понятие может характеризовать лишь те процессы и явления, которым присущи изменения в соответствии с причинно-следственными закономерностями (как линейного, так и вероятностного свойства).

Это в принципе относится и к политической стабильности. Политическая система, выходящая в процессе своего функционирования за пределы своей идентичности, т.е. вступающая в противоречие с собственной природой, теряет свою стабильность.

Показателем произошедшей дестабилизации является получение таких результатов функционирования политической системы, которые не ожидалось и являются неприемлемыми (нежелательными). При этом следует иметь в виду, что сами по себе оценки стабильности (нестабильности) чаще всего зависят как от наличия соответствующей информации, так и от мировоззренческих и политических позиций участников политических процессов, субъектов политической жизни и деятельности. Поэтому особую важность приобретает разработка специальных процедур (показателей), позволяющих объективно оценить состояние политической системы и степень её стабильности. В исследовании данной проблемы, на наш взгляд, должны быть учтены как минимум три аспекта: первый — системный, включающий закономерности и тенденции развития политической сферы общества, процессов, в ней происходящих в конкретное историческое время; второй — когнитивный, основывающийся на наличии у функционирующего субъекта (или субъектов) необходимой своевременной и достаточно полной информации о событиях, явлениях и процессах, развивающихся на разных уровнях политического управления; третий — функциональный, складывающийся из планов и программ субъектов политического процесса и учитывающий возможные и реальные результаты политической деятельности.

Поскольку содержание функционирования политической системы составляет политическая деятельность, то всегда должны учитываться свойственные ей особенности и сущностные черты.

В их числе следует отметить в первую очередь то, что политическая деятельность имеет ярко выраженную целевую социальную направленность. Каждый из её субъектов (органы государственной власти и управления, политические партии, движения, блоки и т.п.) имеют свои интересы, реализация которых составляет смысл их участия в политической жизни. При этом за каждым из них стоят определённые социальные (социально-демографические, национальные, профессиональные, поселенческие) группы.

Политическая система, способная сбалансировать разные интересы, прививать навыки к сотрудничеству и согласию, координировать и направлять групповую и корпоративную политическую деятельность, может быть отнесена к классу стабильных политических систем.

Политическая деятельность неразрывно связана с проблемой власти и характером её функционирования. В этой связи она может быть поддержана широкими массами и различными объединениями граждан, а может вызывать и неприятие её. В рамках существующей поддержки можно выделить, во-первых, так называемую «специфическую» поддержку. Она опирается на оценку обществом конкретных решений, принимаемых государственными органами, политического курса, проводимого государством, публичных заявлений, конкретных политических действий, личностных качеств политических лидеров. Во-вторых, это «диффузная» поддержка, распространяющаяся прежде всего на политический режим. Она представляет собой своеобразную совокупность положительных оценок и мнений, которая помогает обществу принимать (или как минимум терпеть) действия властных структур в целом. Диффузной поддержке свойствен ряд характерных черт. К их числу можно отнести: продолжительность протекания, тесную связь с процессами социализации и приобретением индивидуумами политического опыта, направленность на оценку политического режима в целом, а не должностных лиц власти.

Важным компонентом диффузной поддержки выступает доверие. Оно возникает в силу удовлетворённости разных групп населения деятельностью прежде всего властных структур, принимающих адекватные социальным ожиданиям разных групп населения решения, оно зависит также от положительной оценки совокупности норм и процедур, которыми руководствуются при этом политические лидеры, иными словами, правилами политической игры, формирующимися в рамках того или иного политического сообщества, политической системы в целом.

Поддержка политического режима осуществляется на двух уровнях: элитном и массовом. Основным фактором элитной поддержки выступает степень социально-экономического развития, которая в конечном счёте определяет объём ресурсов, подлежащих перераспределению между различными объединениями людей, а также конкретного объединения.

Массовая поддержка властей состоит в принятии большинством населения набора ценностей (свобода слова, плюрализм мнений, независимость средств массовой информации и т.д.), на которые имплицитно или эксплицитно опирается конкретная политическая

система, совокупности социальных и политических норм (конституционных, правовых, нравственных и т.д.), определяющих поведение политических лидеров, а также имеющихся структур власти. К числу основных условий, влияющих на массовую поддержку существующего режима, относятся: долговременность и устойчивость демократических преобразований в обществе, степень участия государства в управлении экономикой, социальная защищённость личности, национальное равноправие, темпы роста уровня жизни разных групп населения, гарантии безопасности личности.⁶

В согласии поддерживать государство или в отказе от подобной поддержки выражается отношение различных групп населения прежде всего к политическому режиму, конкретным механизмам функционирования власти.

Политическая поддержка может проявляться в открыто провозглашённых (манифестируемых) или скрытых (латентных) формах. Проводимая в широких масштабах, она способствует сохранению политического режима и его устойчивому функционированию.

Осуществляемая в явных формах, она может быть измерена с помощью социологических методов посредством изучения отношения разных групп населения к конкретным решениям, постановлениям, заявлениям властных структур (правительства, парламента, президента).

Очевидно, что в демократическом обществе должен быть обеспечен определённый баланс между этими видами поддержки. В тоталитарном обществе наиболее характерным является ориентация на обеспечение консолидации политической элиты, от которой зависит в первую очередь устойчивость политического режима. Хотя, конечно, жёсткое противопоставление обоих видов поддержки вряд ли может быть достаточно продуктивным.

Особое значение приобретает политическая поддержка в условиях реформ, когда общество в целом и его политическая система в частности, находясь в переходном состоянии от одного качества к другому, объективно становится на какое-то время более разбалансированной, а значит, и менее стабильной. В этих условиях возникает, как правило, противоречие между социальными ценностями, утверждаемыми (насаждаемыми) властными структурами и социальными ценностями, доминирующими в массовом сознании в силу инерционности последнего или более стойкой приверженности к фундаментальным ценностям.

Углубление этого противоречия, запаздывание с принятием необходимых политических решений могут привести к росту напряжённости и даже конфликту между массами и властями. При этом важно

учитывать, что в массе всегда есть лидирующие группы, т.е. группы, претендующие на более заметную политическую роль, более весомый политический статус.⁷ Эти группы, организационные в партии и движения, могут возглавить оппозиционные, протестные выступления в разных формах. Последние могут быть тем успешнее, чем в большей мере они выражают общенациональные ценности и цели, имманентные обществу социокультуру и менталитет. Этим группам может принадлежать будущее при условии, если им удастся на этой основе мобилизовать массы, вооружив их соответствующими лозунгами и программами, повести за собой. Многое здесь зависит от наличия популярного в народных массах лидера, способного объединить людей и силой своего политического обаяния.

Как показывают данные социологических исследований, ныне действующий политический режим ориентируется главным образом на элитную поддержку, ибо по важнейшим вопросам, связанным с реформированием общества, массовой поддержки нет. Об этом, в частности, говорят результаты социологических исследований.

Нельзя рассматривать как некую постоянную величину поддержку политического режима элитой. Элита не однородна и не монолитна. В ходе реформ различные группы элит оказываются в разном социально-экономическом положении. Так, например, в России в условиях интенсивной оборонной конверсии положение отечественной военно-промышленной элиты (ещё недавно привилегированное) изменилось в худшую для неё сторону. Естественно, можно предположить, что уменьшилась и её поддержка правящего режима.

Ослабление поддержки одной из групп элит приводит к общему ослаблению консолидации элиты, к появлению противоречий в её среде. В этой ситуации её воздействие на процессы реформирования общества будет ослабевать, а часть некогда привилегированной элиты может перейти в оппозицию.

Как показывает опыт реформирования российского общества в целом, элитная поддержка в большей мере ориентирована на исполнительную власть, чем законодательную. Очевидно, это связано с тем, что именно в руках исполнительной власти имеются различные инструменты финансового и материального влияния.⁸ К тому же в российском обществе обнаружился дисбаланс представительной и исполнительной власти в пользу последней. Исполнительная власть действует более решительно и зачастую не оглядываясь на существующие нормы и правила. Её всевластие и бесконтрольность в недалёком прошлом делали возможным прямое (и к тому же недостаточно компетентное) вмешательство в рыночные процессы, что вело, как правило, к негативным экономическим последствиям и усиливало недоверие к властям значи-

тельных масс населения. Различного рода популистские решения быстро обнаруживали свою несостоятельность.

Представляет несомненный практический интерес вопрос об условиях и мотивах массовой поддержки политического режима. В российском обществе в ходе его реформирования значительно вырос интерес различных групп населения к политике прежде всего в связи с наполнением реальным содержанием выборов, бывших в советские времена скорее разновидностью ритуальных действий. Рядовые граждане страны увидели смысл в своём участии в избрании депутатов и главы государства.

К тому же интересующий всегда избирателей вопрос об удовлетворении их материальных потребностей приобрёл определённую актуальность, т.е. появилась возможность публичной оценки через средства массовой информации деятельности того или иного депутата.

Таким образом, в качестве основных мотивов массовой поддержки можно назвать экономический (доминирующий, как правило), собственно политический, связанный с имиджем власти, провозглашаемыми ею целями и программами, возможностями её критики.

В качестве самостоятельного мотива массовой поддержки, как показывают опыт и результаты социологических исследований, может быть и собственно идеологический, т.е. фиксирующий в массовом сознании политическую ориентацию властей по критерию: левые, правые, центристы. Конечно, такое давление не учитывает политических оттенков, но в принципе оно верно.⁹

К идеологическим мотивам относится оценка разными группами населения преимущественной ориентации властных структур на общенациональные или групповые (корпоративные) интересы, их отношения с Западом.

В массовом сознании ныне нередко возникают представления о том, что властям нет дела до рядовых граждан, которым некуда бывает обратиться за защитой своих интересов, что не может не влиять на масштабы и характер политической поддержки. Следует подчеркнуть, что массы в последнее время всё более критично оценивают разрыв между декларируемыми намерениями и их реальным воплощением в жизнь. Рост критичности и требовательность масс свидетельствует также о приобретении ими большего политического опыта, что создаёт определённые предпосылки для реального воздействия на политическую деятельность властей, более жёсткого формулирования требований к ним и использования различных способов и средств отстаивания своих интересов.

Успешный анализ состояния политической стабильности общества возможен при учёте трёх её компонентов. Одним из них является

ся **объективное состояние**. Оно включает всестороннюю характеристику политической власти, эффективность и направленность её функционирования в интересах народа как внутри общества, так и в системе международных отношений. Важными его показателями выступают глубина демократизации политического режима, уровень политической культуры в стране, зрелость элементов гражданского общества, качество взаимодействия политических партий и общественных организаций в интересах широких народных масс, степень реализации прав и свобод личности.

Нарушение такого состояния приводит к резким изменениям в обществе, проявляющимся в политической конфронтации, что реализуется в политической нестабильности, для которой свойственны забастовки, стачки, гражданское неповиновение и насилие вплоть до вооружённого противоборства. Характерным примером является югославский кризис последних лет. Несмотря на то, что война в Боснии была приостановлена посредством стабилизации и легитимации ситуации, достигнутой участниками конфликта в ходе военных действий, провокации вооружённого порядка со стороны албанских сепаратистов негативно воздействуют на политическую обстановку в стране.¹⁰

Другим компонентом политической стабильности выступает **субъективная оценка**. Она выражается во мнениях, взглядах и настроениях политической элиты, партий, движений и организаций, их лидеров на характер и особенности политической стабильности и её противоположности — нестабильности — на определённом этапе развития общества. При этом в оценке всей системы политической стабильности или её отдельных элементов у различных партий, движений и организаций констатирующие идеи могут быть далеко не одинаковыми. Такое различие во взглядах характерно для субъектов, особенно в специфический период становления политической системы государства. Реалии современной политической жизни России свидетельствуют о различии концептуальных взглядов на её состояние таких партий, как, например, КПРФ и СПС.

Третьим компонентом состояния политической стабильности является **поведенческая предрасположенность**. Она возникает под влиянием сочетания объективного состояния, его субъективной оценки и индивидуальных особенностей субъекта. Причём в контексте стабильности и её эволюции целесообразно рассматривать как немедленные, так и временно отсроченные возможные последствия такой предрасположенности.

Оценка возможных и прогнозируемых нарушений политической стабильности общества должна включать определённую качествен-

ную характеристику самой грозящей или уже фактически разворачивающейся нестабильности (дестабилизации). На понятийном уровне представляется возможным выделение в таком процессе следующих состояний.

Состояние первое — «Объективно-внешнее». Оно характеризуется тем, что по отношению к политической стабильности конкретной общественной системы извне возникают и развиваются разнообразные и сильные объективные процессы, воздействующие на государство, существующий строй и миропорядок в нём. Такие воздействия внешнего свойства на политическую стабильность общества способны втянуть в орбиту отношений государства на региональном, а также и на глобальном уровне. Наряду с этим внешнее воздействие по своей направленности может функционировать по определённым секторам: экономическому, политическому, информационному, военному, техническому и др.

Изменения, которые являются следствием воздействия внешне-го носителя — государства, коалиции государств, различного рода организаций и т.д., негативно сказываются на состоянии и тенденциях эволюции исследуемой политической системы.

Так, например, распад Советского Союза привёл к росту сепаратизма в ряде государств бывшего Союза, противостоянию различных политических партий и движений, резкому обострению в экономической области независимых стран, падению жизненного уровня многочисленных слоёв населения, вооружённым конфликтам в некоторых регионах постсоветского пространства. Характерной в этом плане выступает политическая ситуация в некоторых республиках Средней Азии, например, Таджикистане и Киргизстане. Так, в Таджикистане длительное время наблюдаются вспышки вооружённых конфликтов, которые негативно влияют на решение проблем политической стабильности в республике.

Состояние второе — «Субъективно-внешнее». Для него свойственно активное субъективное действие, предпринимаемое против политической стабильности конкретного государства или коалиции государств. К характеру таких действий могут быть отнесены: блокада, различного рода санкции (экономические, торговые, политические, научно-технические, информационные и др.), многообразного вида давления, нажимы (дипломатические, психологические, телекоммуникационные, интеллектуальные и др.), подрывная деятельность, полувоенные и военные действия.

По своей целевой направленности действия такого свойства заметно и нередко на длительный период времени способны нарушить привычное состояние и функционирование политической стабиль-

ности конкретного общества. Более того, при определённых обстоятельствах как международного, так и внутреннего порядка такого рода действия (субъективно-внешние) способны не только выступать в качестве угрозы политической стабильности государства, но и радикально изменить её. Так, военные действия США против международного терроризма привели к свержению политического режима талибов в Афганистане и его замене.¹¹

Состояние третье — «Внутренняя эволюция». Определяющим для него выступает не внешнее воздействие со стороны каких-либо систем и структур, а появление и развитие внутренних детерминантов (факторов) в границах общества, того или иного государства.

Такого рода политическая нестабильность (дестабилизация) возможна в формах ряда моделей.

Одна из них может быть названа как «**латентная**». Для неё свойственно то, что внутри данной системы (в сочетании с внешним воздействием) иницируются и с различной степенью напряжённости и времени протекания реализуются процессы в ряде сфер жизни общества. Проникая в материально-производственную, социальную, политическую и духовную сферы, эти процессы способны привести к эрозии, негативным изменениям, самороспуску политической стабильности как системы в целом или каких-либо её элементов. Так, например, приход к власти фашистов в Германии в 30-е годы XX века постепенно дестабилизировал политическую ситуацию в стране, а затем разрушил элементарные демократические институты, привёл к политическим репрессиям в обществе, уничтожил ценности мировой культуры.

Другая возможная модель может быть названа как «**эффект маятника**». Под ней подразумевается такое состояние общества, при котором рассматриваемая система жизнедеятельности политического характера объективно находится в стабильном состоянии. Между тем субъективные действия отдельных организаций, партий, движений и иных субъектов могут прямо или опосредованно предпринимать меры по нарушению политической стабильности, а в перспективе — по расширению и углублению нестабильности (дестабилизации). Так, например, в ряде стран Восточной Европы в конце 80-х — начале 90-х годов (в Польше, Чехословакии, Болгарии) социал-демократические организации и близкие к ним объединения и учреждения, опираясь на настроения народа, относительно мирно разрушили авторитарные политические системы, создали общественные организации и политические институты переходного типа.¹²

Следующая возможная модель — «**Скачок политической стабильности**» (или «Эффект скорости»). Для неё характерно такое

своеобразное состояние, когда при определённых условиях внешнего и внутреннего порядка она резко развивается. В таком случае положительное скачкообразное развитие всей политической системы или её отдельных компонентов на определённых этапах движения общества способно привести к внутреннему дисбалансу (диспропорции). Подобного рода асимметрия может стать (и нередко, как показывает общественно-историческая практика) причиной и источником политической нестабильности общества (его дестабилизации). Так, например, для некоторых республик Закавказья, особенно Грузии и Азербайджана, переход от советской политической системы к постсоветскому самостоятельному развитию привёл к серьёзным внутренним и внешнеполитическим процессам. В Грузии осенью 2003 г. они выразились в глубоком политическом кризисе, результатом которого явилась смена правительства и парламента республики.

Политическая система, будучи открытой, испытывает на себе не только внутренние, но и внешние воздействия, способные вызвать в определённых условиях её дестабилизацию.

Важнейшим показателем стабильности политической системы является её способность нейтрализовать негативные воздействия извне. Основными формами осуществления последней являются: подрывная деятельность, осуществляемая специальными службами и организациями, международный терроризм, экономическая блокада, политическое давление, шантаж, угроза силой и т.п. Возможность их применения теми или иными государствами предполагает адекватное и своевременное реагирование субъекта международного права, позволяющее ему защитить собственные национальные интересы и добиться благоприятных условий для их реализации.

Негативное воздействие на политическую систему извне может и не носить целенаправленного характера, а быть следствием общих планетарных трудностей и нерешённых проблем. Вместе с тем следует подчеркнуть, что воздействия извне могут иметь и позитивный для политической системы характер, если проводимая государством внешняя политика учитывает интересы всего мирового сообщества. «Народы заинтересованы в последовательном осуществлении демократизации, гуманизации и демилитаризации мировой политики, в разработке мер, обеспечивающих выживание человечества в условиях кризиса современного общества и резкого ухудшения качества природных факторов»¹³.

Естественно, что учёт этих глобальных потребностей в политической практике вызывает одобрение и поддержку других стран мирового сообщества, что укрепляет позиции и авторитет государства и

его лидеров в общественном мнении как за рубежом, так и в своей собственной стране.

Функционирование политической системы, обращённое вовне, адекватное актуальным потребностям развития мирового сообщества, делает её более эффективной, придаёт дополнительный импульс стабильности и благоприятствует успешному решению обществством задач в различных сферах его жизни.

На характер, состояние и перспективы политической стабильности российского общества оказывает значительное воздействие субъективный фактор. Он реализуется в оптимизации деятельности государственных служащих, стиле их руководства, обеспечивающих эффективность протекания политической стабильности в процессе трансформации российского общества. Стиль управления — устойчивая совокупность повторяющихся приёмов и методов, применяемых руководителем в процессе выполнения функций управления и определяющих особенности отношения людей к его действиям.

Поскольку сам процесс политической стабильности в современной России происходит противоречиво, нередко с негативными явлениями, то и в характере управления им различные субъекты тиражируют далеко не одинаковые стили управления. Исходя из особенностей нынешнего процесса протекания политической стабильности в российском обществе, можно выделить ряд стилей управления, свойственных конкретным субъектам.

Бюрократический. Он сопряжён с тиражированием устаревших политических взглядов и консервативных норм в межличностных отношениях в различного рода управленческих структурах и чреват моральными конфликтами. Такой стиль рассчитан преимущественно на передачу и усвоение готовых духовных ценностей и ориентирует людей на модели поведения с одним только возможным правильным решением. Подобная одномерность дополняется жёстким доктринерским клише, где всё содержание и формы управленческого процесса декларированы до мелочей. Государственный служащий, опирающийся на бюрократический стиль, убеждён, что если одно решение верное, то другие обязательно ложны.

Задавленные властью руководителя, отдающего предпочтение такому стилю в обеспечении политической стабильности на различных уровнях руководства российского общества, подчинённые боятся проявить самостоятельность, не стремятся к творческой инициативе в различных подсистемах политической жизни. Именно подобный стиль выступает тормозом в наращивании концепций и идей, способствующих развитию политической стабильности российского общества в интересах всего народа, разрешению проти-

воречий между политической элитой, властными структурами и широкими слоями населения.

Наряду с этим в современной России можно различать либеральный стиль руководства у субъектов, оказывающих воздействие на эффективность политической стабильности общества. Ему свойственна низкая требовательность к содержанию политической деятельности. Носитель либерального стиля, с одной стороны, по своему содержанию и направленности стремится заигрывать с подчинёнными, спекулируя на фактах негативных явлений и нерешённых проблем в российском обществе, а с другой — приспособливается к конъюнктурной ситуации в межличных отношениях с представителями вышестоящих эшелонов властных институтов. Руководитель, который придерживается такого стиля, как правило, уходит от принятия самостоятельного решения в области острых политических проблем и конфликтных ситуаций, возникающих в процессе трансформации российского общества. Нравственный авторитет таких руководителей у подчинённых невелик, а общественное мнение, как правило, их не поддерживает. Руководитель различного ранга, тяготеющий к либеральному стилю управления, по существу является лишь попутчиком в решении назревших социально-политических задач российского общества, боится ответственности за принятое решение, избегает критического подхода и эволюции взглядов с целью принятия инновационных политических решений.

В управленческой деятельности государственного служащего различного уровня в ходе воздействия на содержание и процессы политической стабильности общества нельзя исключать и авангардистский стиль руководства. Его суть характеризуется стремлением управленческих кадров с ходу, «кавалерийским наскоком» решить проблемы, возникающие в политической сфере жизни общества, устранить раз и навсегда противоречия между властью и народом, стабилизировать социально-политические процессы. Стремление государственных служащих, тяготеющих к такому стилю, понять можно. Гносеологически они лежат в русле интересов устранения негативных явлений и процессов, накопившихся на определённом этапе в развитии общества. Так, например, политическая элита, пришедшая к власти вместе с Б.Н. Ельциным, стремилась быстро разрушить политическую систему союзного государства, порвать с коммунистической идеологией, стремительно реализовать курс неолиберальных реформ. Однако используемые методы и способы реализации в политической и социально-экономической сферах носили механический и заимствованный характер из западных теорий, которые не учитывали существа и особенностей российской ментальности. Всё это,

как известно, привело не к политической стабильности в российском обществе, а к политическому взрыву в 1993 году, выразившемуся в кризисе власти.

Методологическая ущербность авангардистского стиля руководства в политической сфере жизни общества на практике ведёт к игнорированию субъектами многообразия связей и отношений между процессами, свойственными всем сферам общества, преувеличения роли субъективного фактора по сравнению с объективным.

На характер политической стабильности российского общества оказывает влияние демократический стиль управления со стороны руководителя. Такой стиль сочетает в своём содержании ориентацию как на формальную, так и на неформальную структуру взаимоотношений с подчинёнными, поддержание с ними товарищеских отношений, но без формальности. Руководитель демократического типа стремится разделить власть между собой и коллегами, входящими во властные и политические институты различного уровня. А при принятии решений он учитывает мнение коллектива, полагает возможным контролировать только конечный результат, не вдаваясь в подробности политического процесса. Подчинённые у такого руководителя получают достаточно полную информацию о состоянии социально-политической ситуации на всех этапах развития российского общества, о своей роли в управленческой системе действий. Такой руководитель не считает унижительным обратиться с просьбой к подчинённым, советуется с ними, что создаёт команду единомышленников в решении задач достижения эффективности в стабилизации российского общества и его перспектив развития.

Демократический стиль опирается на нравственный авторитет как важное средство, для которого характерны высокая политическая культура, профессиональная компетентность, честность и справедливость. Руководитель, обладающий таким авторитетом, способен создавать обстановку взаимного доверия и уважения, требовательности и персональной ответственности. Знающий тонкости духовных качеств и политических ценностных ориентаций подчинённых, он видит в них не просто объект управленческого воздействия, но и постоянно опирается на моральную силу общественного мнения.

Таким образом, политическая стабильность общества представляет собой состояние, при котором существуют необходимые условия для оптимизации и эффективности функционирования политической системы. И прежде всего — её способности обеспечивать консолидацию социальных субъектов, отражать их интересы, определять соотношение устоев и инноваций с целью сохранения мира и

согласия в нём. Важным условием развития политической стабильности в современной России является демократический стиль руководства со стороны властных структур, сочетающий в себе профессиональную компетентность, культуру мышления, стратегию трансформационных процессов и высокий уровень нравственности.

¹ См.: Алисова Л.Н., Иванов В.Н., Романов Р.М. и др. Политическая социология / Отв. ред-ры В.Н. Иванов, Г.Ю. Семигин. — М., 2000.

² Политология // Энциклопедический словарь. — М., 1993. — С. 281.

³ Удачно, на наш взгляд, сказано об этом в статье Н. Косолапова «Конфликты постсоветского пространства: фактор стабильности?». См.: Мировая экономика и международные отношения. — 1996. — № 2.

⁴ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. — М., 1961. — С. 751. В переводе с английского «stability» означает устойчивость, постоянство, равновесие // Новый большой англо-русский словарь. — М., 1991. — Т. 3. — С. 341.

⁵ См.: Краснов Б.И. Политическая система // Социально-политический журнал. — 1995. — № 5. — С. 79 — 80.

⁶ См.: Пешков В.П. Оппозиция и власть. — М., 2000. — С. 173 — 226.

⁷ См.: Охотский Е.П. Политическая элита. — М., 1993. — С. 21 — 34.

⁸ См.: Ривера Ш.В. Тенденции формирования состава посткоммунистической элиты России: Репутационный анализ // Политические исследования. — 1995. — № 6. — С. 61 — 66; Романов Р.М. Российский парламентаризм: История, современность, перспективы. — М., 2000. — С. 301 — 317.

⁹ См.: Иванов В.Н. Россия: Социальная ситуация и федеративные отношения / По материалам социологических исследований. — М.: ИСПИ РАН, 1998.

¹⁰ См.: Кандель Б.Е. Национализм и европейская безопасность в пост-югославскую эпоху // Европа в XXI веке: Взгляд из России, стран НАТО, Центральной и Восточной Европы. — М., 1997. — С. 189 — 195; Смирнова Н. Албанцы на Балканах: Теория и практика межнациональных отношений. — Там же. — С. 212 — 219.

¹¹ См.: Информационная безопасность и внешняя политика России в XXI веке // Мат-лы научно-практической конференции 14 дек. 2001 г. — М., 2001. — С. 15 — 20.

¹² См.: Орлик И. Восточная Европа между Россией и Западом: История и современность // Европа в XXI веке: Взгляд из России, стран НАТО, Центральной и Восточной Европы. — М., 1997. — С. 95 — 102.

¹³ См.: Политическая теория и политическая практика. — М., 1994. — С. 312.

О некоторых новых тенденциях в молодёжной субкультуре современной России

*МАРШАК Аркадий Львович,
заведующий кафедрой социологии и
гуманитарных дисциплин Российской
академии предпринимательства, доктор
философских наук, профессор,
СЕРГЕЕВ Владимир Владимирович,
заместитель директора Московского
института социально-культурных
программ, кандидат социологических наук*

Под влиянием новых социально-экономических процессов происходят значительные изменения в культурном облике современной молодёжи. Характерные черты этого облика реализуются в социокультурной деятельности складывающейся молодёжной субкультуры. Указанные изменения фиксируются за счёт проявления нового отношения к социальным и культурным реалиям. Из всех факторов, определяющих новации в молодёжной субкультуре, эти явления наиболее динамичны и противоречивы. Их конкретное содержание зависит от многих обстоятельств. Здесь влияние оказывают и расположение определённого региона, и культурно-бытовые традиции, и национальные особенности, и степень развития новых форм хозяйствования, и внимание к социальным вопросам со стороны властных структур и хозяйственного руководства.

В последнее время в структуре культурных ориентаций молодёжи наблюдаются изменения, связанные с тем, что Россия стоит на пороге новых социально-политических отношений в связи с приближающимся 2008 годом, когда пройдут выборы президента России.

К их числу относится то обстоятельство, что основой населения, и в том числе электората, станут молодые люди, сформировавшиеся в постсоветской России. Это — поколение молодёжи, получившее образование в условиях его кризиса, дестабилизации системы, становления рыночных отношений в экономике, девальвации нравственных и иных ценностей, краха привычных геополитических связей. Новое поколение в определённой степени контрастирует с устоявшимися ценностными ориентациями в обществе, является носителем протестных интересов.

За последние годы в молодёжной среде произошли некоторые изменения политического и социокультурного характера. Проведённый социологами мониторинг¹ выявил рост политического самосознания студенческой молодёжи. Около 11% опрошенных проявляют интерес к политической жизни страны, а 34,6% считают целесообразным наличие молодёжных организаций, через участие в работе которых молодёжь может решать свои насущные проблемы.

Основной массе опрошенных (около 87%) чужд экстремизм, они осуждают крайние формы проявления национализма, религиозного фанатизма и терроризм во всех его проявлениях.

Существенно изменилась социокультурная составляющая молодёжного населения. Это проявляется прежде всего в отношении молодёжи к художественной культуре. Заметно возросло число посетителей театра, музеев и выставок. Зрительские вкусы и предпочтения молодёжи стали более высокого уровня. Они «переросли» этап увлечения формами массовой культуры. Это заметно проявляется через характеристики потребностей молодёжи в видах музыкальной культуры, чтении произведений литературы, изобразительном искусстве. Треть посетителей музеев и художественных галерей предпочитает залы, где выставляются произведения российских авторов. Можно отметить, что глобализационные процессы не подавили у молодёжи интерес к национальному художественному творчеству.

Совершенно по-иному глобализация отражается на экономических и профессионально-трудовых интересах молодёжи. Значительная часть выпускников (около 63%) связывает своё благополучное трудоустройство с работой не столько по специальности, сколько прежде всего в зарубежных фирмах. 27% опрошенных считают, что главное — работать не по специальности, а в организации, где высокая заработная плата. 17% респондентов полагают, что карьерный рост возможен лишь в тех организациях, в работе которых участвует иностранный инвестор. Особым предпочтением у опрошенных пользуются иностранные банки и финансовые компании.

По-прежнему в сознании студентов существует установка на то, что образование за рубежом даёт больше возможностей для профессионального роста. Следует отметить как основную тенденцию, что такое отношение к возможностям отечественного образования культивируется у студентов администрацией вузов; они предлагают различные формы получения зарубежного диплома, причём на коммерческой основе.

Как отмечает ряд респондентов, эти призывы насаждают конфронтацию среди студенческой массы и оказывают в целом негативное влияние на образовательный процесс.

Опросы показали, что студенчество слабо информировано о реформах в образовании, о Болонском процессе и его применении в России. Вообще к современным формам образования (тесты, дистанционное обучение, компьютерные технологии и т.п.), по нашим данным, расположены 7% студентов и готовы 0,6% преподавателей. Такое осторожное отношение к данному виду образовательной деятельности связано, главным образом, с отсутствием полной информации и необходимого технического оснащения учебного процесса.

Развитие российского общества влияет своей внутренней и внешней политикой на состояние различных слоёв общества. Не остаётся в стороне и молодёжь как ведущий социальный слой в развитии общественных отношений. Динамизм молодёжи отражается в её противоречивом внутреннем состоянии.

Молодые люди постепенно занимают всё более заметное место в российском обществе. Объективность этих процессов очевидна, и не считаться с этим нельзя.

«Выросло целое поколение людей, которое уже ничего не ждёт от власти и действует в автономном режиме», — говорит директор ВЦИОМа по исследованиям В. Петухов.

Число тех, кто ещё несколько лет назад мечтал «стать Ходорковским», «быстро сделать бабки», «свалить за границу», купить яхту, как Абрамович, и «пожить в своё удовольствие», заметно тает. Поверившим в рецепты счастья из программы «За стеклом» жизнь преподносит жёсткие уроки.

Последние социологические опросы показывают, что, несмотря на пропаганду сексуальной распущенности, вседозволенности и лозунга «Деньги любой ценой», молодёжь всё больше склоняется к нормальным человеческим ценностям и отношениям. Если в 2001 году 57% молодых людей считали, что для успеха «нужно жить, нарушая все правила», а «от наказания можно откупиться», то сегодня показателем успеха считаются хорошее образование и работа. А среди ценностей на первое место выходят семья и рождение детей.²

Всё это создаёт в настоящее время благоприятные условия для формирования в молодёжной субкультуре специфических протестных молодёжных ценностей, а порой и контркультурных идеологий (студенческие волнения во Франции 1986 и 2006 годов). В основе формирования этих ценностей молодёжной культуры лежат идеи леворадикальной социологии Т. Адорно, Э. Фромма, Ю. Хабермаса, А. Турена и др.

Однако в поиске наиболее адекватного определения сущности и содержания молодёжных движений (их контр- и субкультурного ста-

тусов) при сопоставлении различных исследовательских подходов, сложившихся в отечественной и зарубежной культурологической мысли, можно сделать следующий вывод: молодёжное движение — это совокупность объективных и субъективных процессов развития молодёжи, способ реализации социальной активности молодых людей, проявление их социальной субъектности, но в то же время (если, как отмечалось выше, иметь в виду конкретные модели и образы молодёжных движений) это и совокупность массовых или групповых молодёжных действий, направленных на активную реализацию своих интересов. И, таким образом, молодёжное движение располагает определённым инновационным потенциалом, поскольку молодёжь способна острее других социальных групп реагировать на различные социальные вызовы и изменения. Именно в молодёжных движениях возможен как синтез культурных традиций предшествовавших поколений, так и резкий отказ от них, именно в этих движениях зарождаются, кристаллизуются новые ценностные ориентации, иными словами, формируются образы грядущих культурных эпох.

В отечественных молодёжных субкультурах источником конструирования «культурных мифов» стал Запад. Отечественные молодёжные субкультуры, начиная со стиляг, конструировали «свой Запад» в соответствии с представлениями и традициями российской культуры, являясь сложным переплетением инновационных элементов с элементами «своей» и «чужой» культурных традиций. Например, субкультура отечественных хиппи унаследовала традиции странничества и анархопацифизм: толстовское отрицание государства и «непротивление злу насилием». Таким образом, многие отечественные молодёжные субкультуры — явление органическое, а не привнесённое и заимствованное. Западные образцы субкультурных стилей, ритуалы и ценности во многих случаях переработаны и переосмыслены в соответствии с особенностями российской цивилизации и российской ментальности.

Начало российских молодёжных субкультурных движений приходится на 80-е — начало 90-х гг. С середины и до конца 90-х гг. молодёжные субкультуры продолжают своё развитие, трансформацию, меняются направления, пристрастия, численность тех или иных группировок. Появляются субкультуры «любителей пива» и сообщества наркоманов, новые крайние политические объединения, пацифистские движения, различные фэнклубы, поклонники новых музыкальных течений, интернет-клубы и виртуальные сайентологи, виртуальные компьютерные сообщества, представители нетрадиционных религиозных учений. А из Москвы молодёжные субкультуры посте-

ленно распространяются по всей России, в большей или меньшей степени приживаясь и ассимилируясь в провинциях, постепенно приобретая новые черты и характеристики.

Принято в молодёжной среде выделять ряд примеров субкультурных явлений в России: антиглобалисты; Green rease; диссиденты и правозащитники; молодёжные объединения внутри политических партий: например, РКСМ у КПРФ, «Яблочко» у «Яблока», «Союз ради будущего» у «Единства» и т.п. Сюда же можно отнести такие политические группировки, прямо использующие «молодёжный фактор», как лимоновцы, нацболы (национал-большевики) — члены ультралевой партии, возглавляемой писателем Э. Лимоновым, бритоголовые.

Эти и другие формы контркультуры представляют собой конфликтную ситуацию в молодёжной культуре. В целом же для данной социально-демографической группы населения характерна постепенная культурная социализация с нацеленностью на усвоение новых культурных ценностей с учётом исследования традиций предыдущих поколений. При этом всё явственней прослеживается взаимосвязь социокультурных процессов, происходящих в современном обществе и в молодёжной среде.

---

¹ Опрос 720 студентов экономических и социологических специальностей по сплошной выборке в январе — мае 2005 г. 405 студентов-старшекурсников (4-й и 5-й курсы очного отделения и 5-й курс очно-заочного отделения) сочетают учёбу с работой.

² К о с т и к о в В. Инженеры испорченных душ // Аргументы и факты. — 2006. — № 33.

Культура в многонациональном российском обществе

*ТОРУКАЛО Валентина Павловна,
заместитель заведующего кафедрой
философии Российской академии
государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
доктор философских наук, профессор*

Среди многочисленных кризисов, поразивших наше общество, самым опасным является кризис духовности. Поспешный переход к рынку, «обвальная» приватизация хозяйства и коммерциализация жизни, отказ от традиционной роли государства, обеспечивающего не только целостность и единство страны, но и духовное развитие входящих в неё народов, может привести к распаду общества, утрате им своей исторической и культурной идентичности.

Следует отметить, что сегодня у многих вызывает определённое затруднение ответ на вопрос, чем мы, современники, дорожим в многовековой российской истории, что готовы сохранить и чем пожертвовать? Известно, что России присущи как западные, так и восточные корни. Поэтому правы и те, кто настаивает на духовной близости России к Западу, и те, кто противопоставляет их в качестве различных культурно-исторических типов. Кроме того, при всём том, что российская культура представляет собой органическое целое, она складывается также из элементов фольклора, имеющего зачастую сугубо местное значение; ценностей различных народов, населяющих страну и принадлежащих к различным религиям; и, конечно же, культуры общероссийского масштаба.

«Культура» — понятие очень ёмкое и многогранное, её истоки в глубине веков, в традициях национальной жизни, во всём, что создавалось и передавалось из поколения в поколение. Необходимо различать такие понятия, как «культура нации (народа)» и «национальная культура».

Под культурой нации, народа надо подразумевать всю совокупность культурных достижений, присущую данной нации (народу) в лице её отдельных представителей, локальных групп и т. п. Вне зависимости от того, имеют ли различные элементы этого национально-государственного достояния специфическую национальную окраску или национально-нейтральны. Культура нации, народа свидетельствует о роли и

степени их участия в глобальных социальных процессах: индустриальном прогрессе, политической организации общества, развитии науки, образования, информационных систем и т. д. Такое понимание культуры нации (народов) и основы культурных контактов между ними в прошлом и настоящем, механизмы взаимообогащения национальных культур в будущем.

Национальная же культура подразумевает совокупность лишь тех культурных элементов и структур, которые распознаются людьми как «наше» и «не наше», способствуют сознанию ими своего единства и отличия от представителей других наций, народов. Национальная культура — это устойчивые образования, под воздействием которых осуществляется первичная социализация большинства людей. Приобщение к национальной культуре есть первый шаг в приобщении к культуре мировой. Национальная культура, безусловно, включает социально-политический и материальный компоненты, а не сводится только к духовной составляющей (где традиционно рассматривают четыре её элемента — религию, язык, нравственность и художественную культуру), как принято. При этом удельный вес национальной составляющей, её место в культуре нации (народов) и повседневной жизни не одинаковы у различных наций, народов, что исключает унифицированный подход к проблеме сохранения и развития национальных культур.

Такое понимание национальной культуры позволяет рассматривать специфические особенности культуры, складывающиеся у каждой нации в процессе её исторического развития, а также те черты, которые характеризуют в ней неповторимое отличие от других, и то, что роднит, сближает с другими культурами. Национальные культуры — объект пристального внимания и заботы общества, думающего о своём будущем.

В культуре любой нации дают о себе знать две объективные тенденции. Первая из них заключается в том, что как бы ни была уникальна, самобытна, оригинальна та или иная национальная культура, она открыта для других культур, всегда связана с ними, обогащается их ценностями, идеалами, традициями. Это значит, что культура нации интернациональна, ибо полностью изолированное существование нации невозможно. В противном случае культура будет творчески однообразна и духовно скудна. Вторая тенденция состоит в том, что как бы ни соприкасались и ни общались между собой, ни проникали друг в друга национальные культуры, эта связь всегда относительна, поскольку она не растворяет, не исключает уникальности, неповторимости и автономности каждой из них. Культура каждой

нации выражает то высокоталантливое, яркое, жизнеутверждающее, что отличает её от культуры других наций. Следовательно, культура нации всегда и национальна, и интернациональна. Высшие достижения культуры одной нации в то же время становятся достоянием других наций. Усиление в современную эпоху интернационального в национальном свидетельствует об обогащении национальных культур.

Настоящее и будущее российского государства в очень сильной мере зависит от решений накопившихся в течение последних десятилетий социально-экономических и этнокультурных проблем народов России, их подлинного национального возрождения и расцвета.

Национальное возрождение предполагает национальную консолидацию каждого народа на основе общности культурно-исторического прошлого, национальных интересов, идеалов и ценностей. При этом принципиально недопустимы любые противопоставления одной нации другой, проявления национального эгоизма, национализма и шовинизма, превращения национальных движений в националистические.

Следует иметь в виду, что существуют два принципиально различных подхода к возрождению национальных культур, поскольку понятие «возрождение» можно рассматривать либо как реконструкцию и восстановление чего-либо, что уже имело место и отложилось в исторической памяти народа, либо как систему социокультурных действий, ориентированных на способ работы с историко-культурными ценностями. При первом подходе государственная политика выступает как создание условий, способствующих приведению существующей ситуации в соответствие с культурным образцом, при втором — результатом восстановления культуры является не некоторое определённое состояние, а способ отношения к историко-культурному фонду.

Как показывает практика работы, политические и культурные движения, в первую очередь национально-культурные центры, более склонны к первому подходу «культурного возрождения» и ориентируются на закрепление традиционных культурных норм и типов социального поведения (фольклорные ансамбли, художественные промыслы и т. п.).

Национально-культурная политика в условиях бурного процесса суверенизации наций, народов и территорий России может быть определена следующими направлениями деятельности.

Первое — преодоление ведомственного подхода к национально-культурной политике, организация самого широкого сотрудничества с системой образования, средствами массовой информации, профессиями, издательской индустрией. В комплексе этих мероприя-

тий должна реализовываться «Государственная программа национального развития» (с культурной составляющей).

Второе — радикальное обновление непосредственно «минкультовской» сферы деятельности в Центре и на местах. Необходимо преобразовать «традиционные» формы работы, характер и роль национальных фестивалей, выставок, Дней культуры, чтобы они видимостью активности и массовости не имитировали деятельность национальных обществ, а решали насущные этнокультурные задачи.

Третье — организация системы мер по защите национальных культур от массивированного наступления рынка. Если раньше культуру приходилось защищать от экспансии идеологии, то теперь её надо охранять от тотальной коммерциализации. В этой связи необходимо начать специальную работу, чтобы рыночная экономика и реформа политических институтов не поломали бы, а наоборот, были умело и тонко вплетены в сформированную веками национально-культурную специфику. Ведь радикальная модернизация общества может разрушить устои национальной культуры или способна обогатить и вдохнуть в национальные формы новую жизнь: всё зависит от того, окажутся ли национальные культуры под надёжной защитой государственных и общественных структур, ведающих проблемами культуры.

Это значит, что национально-культурная политика должна иметь баланс между новым и традиционным сохранением основ старого, истинно национального. Формами такой работы могут быть создание совместных организационных структур (фондов, ассоциаций, предприятий, культурных центров и т. п.) и обмен достижениями культуры. Развитие современной культуры народов органически сочетает в себе как достижения прошлого, так и свободное новаторство, использование опыта других народов, обеспечение возможностей для их выживания и развития.

Национально-культурная политика государства может строиться на следующих принципах.

Первый — это культурный плюрализм, т. е. равноправное существование разных национальных культур в пределах одного государства. Равное достоинство культур наций, народов и иных этнических общностей, их прав и свобод в области культуры зафиксированы в «Основах законодательства Российской Федерации о культуре».

Второй — это государственный протекционизм малочисленным этническим общностям в отношении сохранения и восстановления их национально-культурной самобытности. Государство должно стать гарантом национально-культурного развития, прежде всего малых наций и народов, национальных меньшинств и народов, не имеющих своих национально-государственных образований.

Третий — это ориентация на международно-правовые нормы, использование в отечественной национально-культурной политике достижений мирового опыта. Международно-правовые нормы зафиксировали не только опыт оптимального разрешения национально-культурных и национально-политических проблем, но и систему выработанных человечеством ценностей, на которых базируется этот опыт.

Четвёртый — это сохранение и развитие культурного наследия. Область явлений культуры — «этнокультурное наследие» — предусматривает сохранение памятников историко-культурного наследия, создание заповедных и историко-культурных зон, собирательскую и исследовательскую деятельность, сохранение фольклора, народных ремесёл и традиций, воспитание любви и уважения к родному краю.

Пятый — это поддержка самоорганизации граждан, т. е. претворение в жизнь принципа национально-культурной автономии, который закреплён в Конституции РФ. Суть национально-культурной автономии заключается в том, что источником и носителем национальных прав является сама нация и составляющие её индивиды — носители национальной культуры, а не территории проживания.

Если же определять объекты национально-культурной политики, то ими должны стать не сферы культурной деятельности, а в первую очередь социальные, национальные, профессиональные группы населения и такие социальные институты, как семья, дошкольные учреждения, общеобразовательные школы и другие организации, имеющие непосредственное отношение к становлению, развитию и самореализации личности.

Необходимо также выделить и рассмотреть из общего числа объектов национально-культурной политики национальные группы населения, ибо весь спектр российских народов может быть представлен в конечном счёте в виде нескольких типов, каждый из которых имеет собственные определённые интересы в национально-культурной сфере.

Прежде всего это русские, которые делятся на две группы:

а) русские на «коренных» русских землях, культурная политика по отношению к которым предполагает государственную поддержку лучших достижений профессиональной культуры и возрождение культуры российской провинции (сила национальной русской культуры заключается в многообразии её форм);

б) русские в национальных республиках и автономиях, для которых следует проводить политику национально-культурного паритета и осуществлять государственный протекционизм национально-

культурных прав русского меньшинства в таких республиках, как Тува, Чечня, и некоторых других.

Далее — основные, или «титульные», нации, народы российских республик и автономий. Помимо обеспечения национально-культурного развития этих народов, представляется перспективным развитие при этом политики национально-культурного паритета как одной из форм культурного плюрализма.

Наконец, малые нации, народы, национальные меньшинства, которые можно классифицировать следующим образом:

— малые народы (меньшинства), проживающие на своей исконной этнической территории, но не имеющие национально-территориальных образований и нуждающиеся в первоочередном государственном внимании и заботе. В местах компактного проживания таких народов (прежде всего в сельской местности) наряду с экстерриториальными следует развивать и территориальные формы национально-культурной автономии (местного самоуправления): национальные районы, сельские советы и т. п.;

— малые народы Севера, обозначаемые в международно-правовых документах как «коренное население» или «народы, ведущие традиционный образ жизни». Культурная самобытность этих народов наименее защищена от влияния современной цивилизации, поэтому государство должно предоставить им возможность поддерживать традиционный образ жизни (воздерживаться от их интеграции в современное общество);

— российская диаспора народов бывших союзных республик СССР. Поддержка национальных общин этой группы меньшинств должна стать одним из направлений национально-культурной политики;

— диаспоризированные группы российских автономий (группы вне территории «своей» национальной республики). В местах компактного расселения этой группы меньшинств возможно (особенно в сельской местности) развитие территориальных форм национально-культурной автономии (самоуправления);

— народы, меньшинства, имеющие национальную государственность за пределами распавшегося СССР (греки, немцы, поляки и другие). Государственная поддержка национально-культурного развития может осуществляться на базе экстерриториальной национально-культурной автономии, при этом не исключена помощь соответствующих зарубежных государств, особенно тех, которые проводят политику поддержки «этнически родственного населения»;

— дисперсные группы, не имеющие своей этнической территории (цыгане, ассирийцы и другие). Государство может оказать им

протекционизм в рамках экстерриториальной национально-культурной автономии;

— иммигрантские группы, которые нуждаются в государственной защите своих прав на сохранение национально-культурной самобытности;

— субэтнические, языковые и конфессиональные группы (например, казачество в составе русского народа). Самоорганизация этих групп — создание соответствующих национально-культурных объединений — является достаточным условием для того, чтобы государство оказывало им необходимую поддержку в развитии не только национальных, но и религиозных культур.

Действенной формой реализации прав и интересов наций, народов, удовлетворения их духовных и культурных потребностей, сохранения и развития традиций и обычаев, специфических черт образа жизни и быта, языка, этнической идентичности как на коллективном, так и на индивидуальном уровне должна стать территориальная или экстерриториальная национально-культурная автономия (НКА).

Наиболее важными характеристиками национально-культурной автономии являются следующие положения.

Во-первых, институт национально-культурной автономии:

— означает законодательное признание на основе соответствующих конституционных норм национально-культурной автономии как одного из важных элементов организации жизни России — многонационального федеративного государства;

— направлен на реализацию прав и свобод человека и гражданина, связанных с его национальной (этнической) принадлежностью, прав национальных меньшинств Российской Федерации в области культуры, языка, воспитания, образования, информации, общественного самоуправления;

— призван создать дополнительные правовые условия для демократического решения вопросов национального развития в рамках открытого гражданского общества;

— реализует международные обязательства России по защите прав национальных меньшинств в соответствии с международным пактом о гражданских и политических правах.

Во-вторых, национально-культурная автономия в Российской Федерации основывается на принципах:

— свободного волеизъявления и добровольного определения гражданами своей принадлежности к определённому национально-культурному меньшинству;

— самоорганизации и самоуправления;

- многообразия форм внутренней организации национально-культурной автономии;
- сочетания общественной инициативы с мерами государственной поддержки;
- уважения языка, культуры, традиций и обычаев граждан других национальностей;
- законности.

В-третьих, утверждение в России национально-культурной автономии наряду с существующими формами этнического федерализма сопряжено с позитивными и негативными моментами.

К числу сильных сторон политики НКА можно отнести:

- направленность на самую суть национальных проблем — удовлетворение культурных и духовных потребностей наций, народов, сохранение и развитие таких важнейших компонентов национальной идентичности, как традиции, образ жизни, язык, образование, искусство, самосознание;

- её институты реализуются не только и не столько через низовую общественную инициативу, самоорганизацию и заинтересованность «простых» людей;

- формируемые в её рамках требования и программы осуществляются гораздо эффективнее, ибо задействуют не только массовую волю, но и ресурсы, в том числе материальные — самих общин и отдельных граждан.

Среди трудностей, с которыми может столкнуться политика НКА, можно назвать:

- слабую материально-психологическую готовность подавляющей части населения России осуществлять на федеральном и региональном уровнях необходимые меры по поддержке национально-культурных запросов других народов;

- то, что многие лидеры национально-политических движений усматривают в НКА опасную альтернативу своим программам и перспективу утраты завоёванных политических позиций.

Таким образом, национально-культурная автономия, представляя собой гарантируемую государством форму самоорганизации народа, национальных и этнических групп с целью сохранения их самобытности на основе самоуправления и свободного развития своей культуры, языка и традиций, создаёт правовые условия взаимодействия государства и общества для защиты прав национальных меньшинств в процессе выбора ими путей и форм своего национально-культурного развития, отражая реалии сегодняшнего дня, и всё более воспринимается многонациональным населением России.

Актуальные проблемы развития библиотек Москвы

*ДИЕНКО Надежда Петровна,
руководитель Центра экспериментальной
и методической деятельности Московского
института социально-культурных программ,
КУВАКОВА Ирина Михайловна,
научный сотрудник Московского института
социально-культурных программ,
доцент Российской академии
предпринимательства,
кандидат социологических наук*

Становление России в постперестроечный период открывает перед сферой городской культуры новые долгосрочные перспективы.

Москва располагает широкими возможностями и высоким потенциалом для решения стоящих перед страной проблем не только с точки зрения обеспечения городского социально-культурного, экономического и геополитического развития, но и для сохранения исторического облика, статуса и роли столицы как «образа будущего» великой державы. Озвучивая государственные приоритеты, цивилизационную логику и перспективы развития общества, президент России В.В. Путин сказал: «Основная национальная идея — добиться конкурентоспособности человека, деревни, города, страны»¹.

Аспект трактовки национальных приоритетов предлагает проведённое в июне — августе 2006 г. Московским институтом социально-культурных программ (директор — доктор социол. наук В.К. Сергеев) экспертное социологическое исследование по проблемам развития библиотечного дела в Москве, выполнившего задачу «углублённого изучения потребностей города в библиотечных специалистах, а также рассмотрения возможностей уже существующих профильных учебных заведений». Исследование — одна из возможностей, позволяющих ознакомиться с состоянием библиотечного дела в столице, проблемы которого связаны со «смысловым ядром» и мировоззрением, выбором образцов ценностей, мышления и поведения (деятельности) людей.

По представленным в научной литературе сведениям, структура «проблемно-смыслового и поведенческого ядра» определяется рядом жизненных ценностей, формирующих факторы-приоритеты на-

циональной самоидентификации. Среди них: дороговизна жизни (60%), преступность (44%), повышение тарифов на жильё и коммунальные услуги (44%), экологическая обстановка (33%), наркомания (32%), терроризм (31%), безопасность (31%), произвол чиновников (29%), безработица (25%), падение нравов (25%), разделение общества на богатых и бедных (22%), алкоголизм (18%), закрытие и простой предприятий (16%), задержка выплаты зарплаты и пенсий (11%), обострение межнациональных отношений (8%) и др.

«Перечисленные приоритеты образуют первичные базовые интересы общества, вокруг которых может и должна происходить консолидация общества и государства в том случае, когда они понимают и идут навстречу друг другу... Анализ же показывает, что общество и государство пока не слышат друг друга по многим жизненно важным вопросам. Власть продолжает выстраивать стратегию анализа и политики в экономических категориях. Общество мыслит социальными категориями и не воспринимает лишённые повседневных тревог абстракции экономических показателей».²

Факторы-приоритеты социально-культурного самоопределения и идентификации, например, библиотечной сферы могут быть описаны частными и общими, характерными для общества противоречиями, конфликтами и антагонизмом. Каждое (любое) противоречие начинается на «низовом» (микро)уровне — ступени дисгармоничных отношений и беспорядка внутри человеческого сообщества, которые постепенно переходят в более сложные, существенные на следующем, «среднем» (мезо)уровне взаимодействий. В некоторых случаях противоречия могут рассматриваться как конфликт между человеком и органами управления, власти, то есть человека и «среды обитания», проживания. При некоторых условиях «микро — мезо» феномен «противоречие — конфликт» достигает наивысшего (макро)уровня и характеризуется высшей стадией напряжённости (антагонизма связей человека и общества) государства как системы институтов, не способных обеспечить порядок.

Таким образом, условия, способствующие социально-культурному самоопределению и национальной идентификации, выработке навыков конструктивного диалога человека и среды, требуют специального изучения.

Огромную работу в этом направлении ведёт библиотечное сообщество города Москвы, в том числе через центры непрерывного библиотечно-информационного обслуживания и образования.

Работающая в городе многоуровневая система подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов библиотеч-

ных учреждений города Москвы (городских, окружных и библиотек, входящих в Централизованные библиотечные системы — ЦБС, а также информационных интеллект-центров) требует специальной координации, регулирования и управления.

Основные направления данной деятельности определены «Концепцией дополнительного профессионального образования в Российской Федерации» и «Целевой комплексной программой развития публичных библиотек города Москвы как информационных интеллект-центров».

Проблемы оптимизации работы библиотек, трудности подготовки, переподготовки и повышения квалификации сотрудников обсуждались на XIII Международной конференции «Крым-2006: «Библиотеки и информационные ресурсы в современном мире науки, культуры и бизнеса» (Судак, июнь 2006 г.).

На конференции указывалось, что в настоящее время в городе действует ряд признанных образовательных учреждений и центров переподготовки и повышения квалификации библиотечно-информационных специалистов: Академия переподготовки работников искусства, культуры и туризма Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации (АПРИКТ); Высшие библиотечные курсы при РГБ; Учебно-методический центр ГПНТБ России; Курсы повышения квалификации работников культуры и искусства Комитета по культуре города Москвы и ряд других.

В выступлениях специалистов говорилось, что вопросами оптимизации деятельности библиотек и подготовкой кадров успешно занимаются «отдельные библиотеки города...», среди которых ЦГПБ им. Некрасова, ЦГЮБ им. М. Свердлова, ЦГДБ им. А. Гайдара, ЦГБ-мемориальный центр «Дом Н.В. Гоголя». Однако, как было отмечено, за 2005 г. из 3871 библиотечных работников 434 публичных библиотек г. Москвы 27% имеют высшее библиотечное образование, 12% — среднее специальное профильное образование, система повышения квалификации, переподготовки кадров несовершенна.³

Материалы, представленные специальными учебными заведениями, управлениями культуры 10-ти округов Москвы и результаты экспертного опроса позволили установить особенности, характеризующие основные трудности и специфику развития библиотек, а также факторы, влияющие на процесс рождения образа «библиотеки будущего». Именно с формируемым образом будущего — от «узкой» сферы библиотек до «широкой», под которой рассматриваются перспективы развития Москвы как одной из интеллектуальных столиц

мира, связаны обобщённые данные исследования по всем проблемным аспектам.

Интерес к проблемам библиотечной сферы сформулирован в трёх плоскостях: **первая** — проблемы состава, уровня образования, квалификации и опыта (стажа) специалистов; **вторая** — вопросы престижности, профессионального выбора и готовности к повышению квалификации, вызванных не только потребностями интеллектуальной, культурной, но и другими составляющими динамично обновляющегося общества; **третья** — комплекс «трудностей» — организационных, управленческих, кадровых, производственных, материально-финансовых, научно-технических и других проблем, которые сегодня не только усложняют работникам библиотек выполнение их профессиональных обязанностей, но и в определённом смысле мотивируют профессиональный рост и стимулируют развитие городской библиотечной сферы. Среди «трудностей» — проблема подготовки специалистов и, в частности, вопрос о целесообразности создания дополнительных городских или государственных институтов библиотечно-информационных технологий.

Разговор о количественном составе специалистов, работающих в библиотеках и подготовленных гуманитарными учебными заведениями, переориентированными на «рыночные отношения», логически продолжают ответы на вопросы анкеты. В частности, где, когда и в каких учебных заведениях — специализированных, профильных, непрофильных или других (согласно содержанию анкеты) учились работники библиотечной сети округов.

Результаты **первой** части исследования демонстрируют, что имеющийся профессиональный потенциал библиотечного дела и потребности сферы как городской, так и общенациональной культуры находятся в относительно тесной взаимосвязи. По данным 10-ти управлений культуры административных округов Москвы о количественном составе специалистов библиотечной сети города 2003 — 2006 гг. представлена общая картина о профессиональном составе и квалификации работающих.

На основании исследованных материалов можно сделать вывод, что в целом библиотечная сфера располагает высококвалифицированным персоналом. Так, по данным 2006 года, в библиотеках работают: 40,4% специалистов, окончивших специализированные учебные заведения (Библиотечно-информационный институт МГУКИ, Библиотечный колледж № 58 и др.), 15,5% — вузы по «профильной специальности» и 42,0% — «другие учебные заведения».

Среди учебных заведений, которые рассматриваются специалистами по библиотечному делу как «профильные», указываются: 1-й Московский психолого-социальный институт, Московский государственный педагогический университет, МГОПУ им. Н.К. Крупской, МГПУ им. М.А. Шолохова, Московский городской психолого-педагогический университет, РАТИ, Университет при Российской академии образования, Хабаровский пединститут, Московский гуманитарный институт им Е.Р. Дашковой.

Среди «других» учебных заведений можно указать РХТХ им Д.И. Менделеева, Тверской государственный университет, РГУ нефти и газа, МАИ им. С. Орджоникидзе, РПА МЮ РФ, МСХА им. К.А. Тимирязева, Московский институт права, Московский государственный университет природообустройства, Московский государственный институт прикладной биотехнологии, МИРЭА, Московский государственный строительный институт, МГПХ им. Г.В. Плеханова, Международный университет в Москве, МИИТ, ИГУМ, Университет сервиса, Академию приборостроения, Московскую академию экономики и права, профессиональные училища, средние школы и др.

При этом, сравнивая обобщённые данные по каждому из 10-ти управлений культуры Москвы, отметим, что общая картина по округам отличается незначительно и в целом подтверждает тенденцию присутствия среди работников библиотек больше половины специалистов, закончивших не специализированные, а другие, преимущественно непрофильные, учебные заведения. Так, например, в ЗАО 32,4% специалистов закончили специализированные учебные заведения, 25,3 — вузы по профильной специальности и 42,5 % — другие; в ВАО специализированные — 47,6%, профильные — 7 и другие — 45,4%; в ЦАО — 41, 2, 14,7 и 44,1% соответственно.

Специально отметим, что учебные заведения, рассматриваемые работниками библиотек и представителями управлений культуры округов как «профильные», не в полной мере или полностью не соответствуют требованиям, предъявляемым к работникам библиотечной сферы.

По результатам проведённого анализа напрашивается вывод: по существу специализации, в том числе специфике полученных знаний, навыков и общей подготовки работников библиотек, получивших образование в указанных «профильных» вузах и тем более «других» образовательных учреждениях, их только в некотором, весьма условном, смысле можно назвать «специалистами» библиотечного дела.

Данный тезис дополняют и другие материалы исследования.

Прослеживается несколько *тенденций укомплектования библиотечной сети* округов города работниками, получившими образование в неспециализированных и непрофильных учебных заведениях:

первая — позитивная: в подавляющем количестве — в 7-ми из 10-ти округов число специалистов, получивших образование в специализированных и профильных высших учебных заведениях больше, чем закончивших «непрофильные» и «прочие». Например, в СВАО — 68,7%, в САО — 75,4, в ЮАО — 63,3, в ЗАО — 57,7% специалистов закончили специализированные или профильные учебные заведения; тогда как имеющие образование не по «профилю» составляют в СВАО — 31,3%, в САО — 24,6, в ЮАО — 36,7 и в ЗАО — 42,3%;

вторая — противоположная первой, её можно охарактеризовать как неперспективную: в 3-х округах количество выпускников «прочих» учебных заведений превышает количество специалистов, закончивших специализированные или профильные вузы. Среди них: в Зеленограде 53,7% окончили «прочие» учебные заведения, а 46,3% — специализированные и профильные; в СЗАО — 55,9 и 44,1%, а в ЮВАО — 50,6 и 49,4% соответственно.

Особое место занимают 2 округа: САО на 53,3 % (это наивысший показатель по округам) укомплектован кадрами, закончившими специализированные учебные заведения, и ЮЗАО, который в наименьшей степени располагает специально подготовленными кадрами (26,2%);

третья — перспективно-позитивная тенденция: год от года растёт общая численность специалистов до 30 лет не только работающих, но и принятых в библиотечную сеть округов. Так, рост численности специалистов до 30 лет по отношению к базовому периоду 2003 г. составил: в 2004 — 29,8%, в 2005 — 69,0, в 2006 — 6,2%.

Описанную картину дополняет общая ситуация по специалистам до 30 лет, работающим в библиотеках города, которая незначительно отличается от уже представленных данных по работникам библиотек в целом.

Больше половины специалистов до 30 лет, как и другого возрастного ценза, закончили преимущественно «непрофильные» и «другие» учебные заведения. Так, например, общее состояние городской библиотечной сферы, по данным округов, описывается следующей *статистической информацией*:

— в 2003 году из общего числа специалистов, принятых в библиотечную сферу города (97 чел.), окончили специализированные учебные заведения 23,7%, «непрофильные» — 22,7 и «другие» — 53,6%.

Из этого числа по округам: в ЗАО 2 чел. закончили специализированные учебные заведения, 4 — вузы по профильной специальности и 10 чел. — другие; в ЮЗАО получили образование в специализированных учреждениях 2 чел., в «профильных» — 2 и в «других» — 9 чел; в ЦАО — 5, 12 и 22 чел. соответственно;

— в 2004 году из 126 чел. в специализированных учебных заведениях учились 23,7%, в «непрофильных» — 23 и «других» — 57,1%.

Среди них: в ЗАО 3 чел. закончили специализированные учебные заведения, 6 — вузы по «профильной» специальности и 3 чел. — «другие»; в ЮВАО получили образование в специализированных учреждениях 4 чел., в «профильных» — 0 и в «других» — 11 чел; в ЦАО — 9, 16 и 22 чел., в ЮАО — 1, 2 и 12 чел. и ЮЗАО — 2, 2 и 9 чел. соответственно;

— в 2005 году окончили специализированные учебные заведения 35 чел., или 21,3 %, «непрофильные» — 53 (32,3) и «другие» — 76 чел. (46,4%).

Из общего числа принятых на работу в 2005 году (164 чел.) по разным округам закончили: в ЗАО 1 чел. — специализированное учебное заведение, 7 — вузы по «профильной» специальности и 8 чел. — «другие»; в ЮЗАО образование в специализированном учреждении получил 1 чел., в «профильных» — 3 и в «других» — 13 чел; в ЮВАО — 5, 1 и 8 чел., в САО — 3, 12 и 5 чел. и ЦАО — 11, 24 и 28 чел. соответственно;

— в 2006 году из 103 чел., принятых на работу в библиотеки города, специализированные учебные заведения закончили 18 чел. (17,5%), «непрофильные» — 29 (28,1) и «другие» — 56 чел. (54,4%).

Из них: в ЗАО 1 чел. закончил специализированное учебное заведение, 2 — вузы по профильной специальности и 6 чел. — «другие»; в ЮВАО получили образование в специализированных учреждениях 3 чел., в «профильных» — 1 и в «других» — 3 чел.; в ЦАО — 2, 21 и 17 чел., в ЮЗАО — 2, 0 и 8 чел., в САО — 3, 0 и 6 чел. соответственно.

В 2006 году общее число специалистов до 30 лет, работающих в библиотеках города, составило 103 чел. против 164 чел. в 2005 году, или, можно сказать, библиотечная сеть города «постарела» на 37,1 %. Эти показатели выросли на 6% по сравнению с 2003 г. (97 чел.), но на 18,2% они меньше, чем в 2004 г. (126 чел.)

Основная масса работников библиотек до 30 лет, принятых на работу в городскую библиотечную сеть за 2003 — 2006 гг., преимущественно закончила «непрофильные» и «другие» учебные заведения. Поэтому, как показывают результаты исследования, по полученной специализации работники библиотек не в полной мере отвечают

требованиям, которые должны предъявляться к специалистам этой сферы.

Подводя итог, укажем, что кадровый состав библиотек характеризуется высоким внутренним потенциалом, который имеет существенные резервы развития. Например, в материалах, представленных Управлением культуры ЮЗАО, указывается, что общая численность работающих в библиотеках, по сравнению с данными на 01.01.2003, выросла на 28 чел. за 2003 г., на 94 специалиста в 2004 г. и ещё на 25 чел. в 2005 г. Общий прирост численности с 01.01.2003 по 01.01.2006 гг. составил 147 чел., или 36,6% от числа работающих (401 чел.). В то же время количество специалистов с высшим образованием за этот же период увеличилось на 156 чел., или на 83,4%, т. е. можно указать на «внутренние» организационно-управленческие резервы развития и позитивную динамику их изменений.

В связи с этим с особой актуальностью встаёт вопрос о понимании степени необходимости, целесообразности и эффективности создания дополнительных специализированных учебных учреждений — городских или государственных институтов библиотечно-информационных технологий.

Этому, как уже указывалось, посвящена **вторая** часть исследования.

Отметим, что результаты исследования проблем в этой плоскости опирались на информацию из специальных учебных заведений города.

К исследованию были привлечены Библиотечный информационный институт Московского государственного университета культуры и искусства, ГОУ «Московский библиотечный колледж» и др.

Представленные материалы свидетельствуют о том, что выпуск специалистов библиотечной сферы год от года растёт, увеличивается и количество москвичей, получающих специализированное или профильное образование. Так, например, по данным Библиотечного колледжа № 58, за последние 4 года состав выпускников не только увеличился количественно, но изменился и качественно.

За период 2003 — 2006 гг. колледж подготовил: в 2003 г. — 290 чел., в 2004-м — 272, в 2005-м — 258, в 2006 г. — 354 чел.

В 2006 году колледж закончили на 22% больше выпускников, чем в 2003-м, на 30,1 и 37,2% больше, чем в 2004 и 2005 гг., соответственно.

Однако количество выпускников за период 2003 — 2006 гг. по сравнению с 2003 г. по специальности «Библиотековедение» сократился: в 2004-м — на 17,5% (16 чел.), в 2005-м — на 42,8 (39), в 2006-м — на

27,4% (25 чел.). За тот же период количество выпускников по специальностям «Менеджмент в культуре» в 2004 г. снизилось на 6%, но в 2005 и 2006 гг. выросло на 5,1 и 31,6% соответственно.

Прослеживается устойчивый рост выпускников по специальности «Документационное обеспечение управления и архивоведение»: так, за период 2004, 2005 и 2006 гг. по сравнению с базовым 2003 г. количество специалистов увеличилось на 59,0, 70,0 и 106,6% соответственно, а рост выпускников по этой специализации за 2006 г. к 2005 г. — на 21,5%.

По сведениям, полученным от Библиотечно-информационного института Московского государственного университета культуры и искусств (БИИН МГУКИ) в течение последних 4-х лет (2000 — 2004) из стен БИИН университета выпущено 903 специалиста, подготовленных на дневном (23,9%), вечернем (45,2%) и заочном (30,9%) отделениях. Среди общего числа выпускников 554 чел., или 61,4%, москвичей, в том числе выпущенных в 2003-м — 187 чел. (33,8%), в 2004-м — 124 (22,4), а в 2005-м и 2006-м — 121 (21,8) и 122 (22,0) специалиста соответственно.

Общий выпуск специалистов библиотечной сферы сокращается: в 2004 г. по сравнению с 2003-м количество выпускников сократилось на 49 чел. (17,1%), в 2005-м по сравнению с 2004-м — на 22 (9,2), в 2006-м по сравнению с 2005-м — на 25% (54 чел.).

Данные Московского государственного университета культуры и искусств, который на протяжении 75 лет осуществляет выпуск специалистов, «владеющих современными информационными технологиями, знаниями в области психолого-педагогических особенностей работы с книгой», свидетельствуют о тенденции свёртывания выпуска библиотечно-информационных специалистов БИИН на протяжении последних 4-х лет.

По мнению директора БИИН МГУКИ А.М. Мазурицкого: «Нас не может не беспокоить ситуация, сложившаяся с обеспечением кадрами ЦБС Москвы. В настоящее время идёт активный процесс трансформирования городских библиотек в интеллект-центры. Развитие таких центров невозможно без квалифицированных специалистов...». В то же время часть выпускников университета после его окончания трудоустраиваются в библиотеки федерального подчинения».

По существу, вопрос о трудоустройстве выпускников специализированных библиотечных учреждений в библиотечную сеть города остался «открытым», так как в отсутствие системы распределения информация не собирается и не систематизируется. При этом, ви-

димо, целесообразно рассмотреть предложения учебных заведений по увеличению количества студентов, подготавливаемых для библиотечной сферы вообще и в виде целевых наборов, в частности, по контракту с Правительством Москвы. То есть, решая проблему кадрового подбора и профессионализации сегодня, органы управления города в ближайшие годы смогут сформировать качественно обновлённую среду библиотечной сферы. Решение может рассматриваться не только как вероятное, но и как реальное дело. Например, по мнению руководства МГУКИ: «Важнейшая задача по обеспечению ЦБС г. Москвы специалистами может быть решена путём организации целевого набора».

Результаты исследования продемонстрировали, что, с одной стороны, далеко не все мощности существующих учебных учреждений используются, а с другой — «обнажили» достаточно очевидный для специалистов библиотечного дела факт, что выпускники, получившие специализированное (профильное) библиотечное образование, зачастую не работают по специальности.

Третья часть исследования — результаты экспертного опроса.

Краткая характеристика экспертной группы: мужчин — 1 чел., женщин — 67 чел.; возраст: 18 — 25 лет — 5,9%, 25 — 35 лет — 13,2, 35 — 45 лет — 25, свыше 45 лет — 55,9%; образование: среднее специальное профильное — 16,2%, высшее профильное — 47,0, высшее непрофильное — 26,5, среднее специальное непрофильное — 4,4, средняя общеобразовательная школа — 5,9%.

Представители экспертной группы в целом имеют большой стаж работы в отрасли: до 5 лет — 19,1%, до 10-ти — 19,1, до 20-ти и более — 61,8%; разный стаж деятельности — от небольшого до длительного в учреждениях библиотечной сферы: до 5 лет — 47,1, до 10-ти — 13,2, до 20-ти и более — 39,7%. Эксперты занимают разные должности — от директоров и заместителей директоров ЦБС (4,4%), заведующих и заместителей директоров библиотек (16,2%), заведующих отделом или сектором (25%) до главных библиотекарей (14,7%), библиотекарей (33,8%), заведующих читальным залом, библиографов и психологов (5,9%).

Исследование показало, что библиотечное дело в целом интересно людям, которые им занимаются. Это продиктовано и личными мотивами, и желанием работать в библиотечной отрасли, и видением её перспективы. Так, на вопрос о том, что стало «основными мотивами выбора Вами библиотечной специальности», респонденты ответили:

1. По призванию — 23,5%;
2. Любовь к чтению, книге — 55,9%;
3. По совету родственников, знакомых — 7,4%;
4. Из-за небольшого конкурса в профильное учебное заведение — 1,5%;
5. Совершенно случайно — 20,9%.

А на вопрос анкеты «Сменили бы Вы место работы, если бы Вам представилась такая возможность?» подавляющее большинство экспертов (69,1%) ответили «Нет», тогда как варианты ответов «Иногда думаю об этом» предпочли — 23,5%, сказали «Да» — 4,4 и не дали ответа — лишь 3% работников. К сожалению, библиотечная сфера, по мнению респондентов, «малоинтересна» органам городского управления, самоуправления и власти: это практически «единогласно» (89,7%) утверждают сотрудники библиотек города, «затруднились ответить» — 8,8 и ответили «Да» — 1,5% из них, что находится в пределах статистической погрешности.

Среди вопросов есть и «многослойные», которые вызвали неоднозначную реакцию респондентов. По сложным вопросам многие из опрашиваемых (и вполне оправданно) выбрали не один, а несколько вариантов ответа.

Приведём примеры некоторых ответов по результатам анкетирования.

«Если Вы согласны с бытующим мнением о непрестижности библиотечной профессии, укажите основные, на Ваш взгляд, причины этого».

1. Недостаточное понимание современным обществом социальной значимости профессии — 26,7%.
2. Низкий социальный статус библиотек — 27,9%.
3. Слабые возможности для участия библиотечных специалистов в системе общественных отношений — 11,1%.
4. Низкая заработная плата по сравнению с другими категориями служащих — 17,4%.
5. Отсутствие возможностей для карьерного роста — 6,4%.
6. Слабый уровень технической оснащённости библиотек — 8,7%.
7. Несовершенство системы специального профильного образования — 1,8%.

«Как относятся к Вам окружающие, узнав, что Вы библиотекарь?».

1. С уважением — 41,2%.
2. Равнодушно — 33,8%.
3. С сочувствием — 25,0%.

«Вы полагаете, Ваши дети, внуки, знакомые последуют Вашему примеру в выборе профессии, продолжат династию?».

1. Да — 1,5%.
2. Нет — 47,1%.
3. Затрудняюсь ответить — 47,1%.
4. Не дали ответа — 4,3%.

Целый спектр вопросов касался уровня специальной подготовки и основных качеств, которыми должны обладать работники библиотек, а также перспективы их профессионального развития. Среди вопросов выделим несколько.

«Как Вы оцениваете свою профессиональную подготовку?».

1. Нуждаюсь в дополнительной профессиональной подготовке — 54,4%.
2. Затрудняюсь ответить — 19,1%.
3. Не нуждаюсь в дополнительной профессиональной подготовке — 26,5%.

«Назовите, с Вашей точки зрения, основные профессиональные качества, которыми должен обладать библиотекарь».

1. Интеллектуальные способности, эрудиция — 29,4%.
2. Личностные качества: коммуникабельность, умение общаться с людьми, компетентность — 31,1%.
3. Фундаментальные базовые знания — 17,5%.
4. Профессиональное самосознание, соблюдение профессиональной этики — 22,0%.

«Испытываете ли Вы потребность в достижении более высоких результатов своей профессиональной деятельности?».

1. Да, хочу стать специалистом новой формации — 57,2%.
2. Нет, считаю, что моя профессиональная деятельность достаточно эффективна — 20,7%.
3. Не задумываюсь об этом — 22,1%.

Каждый из экспертов, как представляется по результатам обработки анкеты, достаточно ответственно подошёл к анкетированию. Об этом свидетельствуют, например, ответы на следующие вопросы.

«Считаете ли Вы, что Ваши способности могли бы успешно раскрыться и в других сферах библиотечной работы?».

1. Да, хотелось бы попробовать свои силы в смежных областях профессии — 36,8%.
2. Нет, не люблю распыляться — 47,1%.
3. Затрудняюсь ответить — 13,2%.
4. Не дали ответа — 2,9%.

«Как Вы оцениваете свою готовность к внедрению инноваций в область библиотечной деятельности?».

1. Постоянно интересуюсь всеми новшествами, по возможности стараюсь применить их на практике — 28,0%.

2. Проявляю интерес к нововведениям, однако считаю возможным их внедрение после апробации — 63,2%.

3. Сомневаюсь в их необходимости, так как считаю одним из главных достижений библиотечной отрасли последнего времени стабильность — 8,8%.

«Как часто Вы обновляете свои профессиональные знания?».

1. Один раз в 2 года — 7,4%.

2. Один раз в 5 лет — 4,4%.

3. От случая к случаю — 45,6%.

4. Другое — 42,6%.

«Какие направления деятельности для Вашей библиотеки наиболее удачны, труднореализуемы и нецелесообразны?».

Полученные ответы характеризуются развёрнутостью и подробным изложением профессиональной позиции экспертов. Среди наиболее удачных направлений деятельности было названо свыше 27 пунктов, труднореализуемых — 22 и нецелесообразных — только 8. Содержательная группировка данных **позволила**:

1. По наиболее удачным выделить 5 групп, отвечающих за:

1.1. Содержание основной деятельности (информационная и просветительская, выполнение библиографических справок, экологическая, историко-краеведческая, мемориальная, литературная, эстетическая, психолого-педагогическая, работа с читателями по программе «Консультант» и пр.) — 36,2%;

1.2. Автоматизацию и техническое обеспечение (автоматизированное комплектование и обработка литературы, создание компьютерных классов, электронной базы и открытие интернет-центра, полное техническое оснащение библиотек, развитие информационных центров и пр.) — 25,0%;

1.3. Новые направления деятельности (предоставление пользователям возможностей дополнительного образования, выставочная и экскурсионная деятельность, библиотечные уроки и обзоры, организация вечеров семейного отдыха и пр.) — 11,0%;

1.4. Массовую работу (проведение литературно-тематических вечеров и выставок, патриотическое воспитание молодёжи, подростков и культурных программ, работа с преподавателями и сотрудниками школ, правовое воспитание и пр.) — 19,5%;

1.5. Прочее (организация дополнительных услуг, интернет-зала, рекламы книжных фондов, например пропаганда толстовского наследия и связь с потомками Л.Н. Толстого) — 8,3 %;

2. *По труднореализуемым выделить 6 групп, отвечающих за:*

2.1. Содержание основной деятельности (комплектование фондов в условиях недостатка финансирования, «доукомплектование», проверка и «введение ретроспективы» книжных фондов, осуществление справочно-библиографической деятельности и пр.) — 23,6%;

2.2. Автоматизацию и техническое обеспечение (комплектование фондов современными носителями информации, введение единого читательского билета в Москве, техническое оснащение, доступ в Интернет, проект по типу «Вся Россия» и пр.) — 34,2%;

2.3. Кадровую работу (привлечение компьютерных специалистов и специалистов по техническому обслуживанию) — 5,3%;

2.4. Оказание платных услуг в новых условиях экономической деятельности (предпринимательская деятельность, штрафы для должников и пр.) — 15,8%;

2.5. Прочее (массовые мероприятия, спортивные направления, обслуживание читателей на дому и т. д.) — 15,8%;

3. *По нецелесообразным выделить 3 группы, отвечающих за:*

3.1. Непрофильную деятельность (кружки, не связанные с образованием и просвещением, киносеансы и пр.) — 40,0%;

3.2. Массовую работу (проведение спортивно-развлекательных мероприятий, клубная работа и пр.) — 50, 0%;

3.3. Выделение видов деятельности по категориям (для юношества, пенсионеров и пр.) — 10,0%.

Динамику и глубину изменений, растущие проблемы, потребность в дополнительных знаниях и связи внутрибиблиотечной сферы характеризуют ответы респондентов на следующий комплекс вопросов.

«По Вашему мнению, какие дополнительные знания в первую очередь необходимо иметь библиотечному специалисту?».

1. Литературоведческие — 24,6%.

2. Психологические — 23,9%.

3. В области правовой, информационной деятельности — 20,3%.

4. Филологические — 11,6% .

5. Связанные с развитием предпринимательской деятельности в сфере культуры, оказанием платных услуг — 13,8%.

6. Другое — 5,8%.

«Среди разных форм подготовки и переподготовки библиотечных специалистов какие Вы предпочитаете сегодня?».

1. На основе государственного заказа на обязательную переподготовку библиотечных специалистов — 12,5%.

2. На основе целевого набора в профильные учебные заведения — 18,8%.

3. Разовые мероприятия (семинары, информационно-методические дни, «круглые столы», креативные деловые игры и пр.) — 45,0%.

4. При наличии качественной базовой подготовки достаточно заниматься самообразованием — 23,7%.

«Смогли бы Вы полностью или частично оплатить своё обучение, дополнительное профессиональное образование?».

1. Да — 10,3%.

2. Нет — 88,2%.

«Как Вы полагаете, является ли достаточным число специалистов, выпускаемых профильными учебными заведениями Москвы, для осуществления в городе скоординированной кадровой политики в области библиотечного дела?».

1. Да — 20,6%.

2. Нет — 25,0%.

3. Затрудняюсь ответить — 53,0%.

4. Не дали ответа — 1,4%.

«Ваше мнение о системе подготовки библиотечных кадров в Москве: а) базовая учёба, б) повышение квалификации».

а)

1. Соответствует современным требованиям — 28,0%.

2. Нуждается в корректировке — 41,2%.

3. Необходима полная реорганизация всех звеньев образовательной инфраструктуры — 11,8%.

4. Другое — 11,8%.

5. Не дали ответа — 7,2%.

б)

1. Соответствует современным требованиям — 13,0%.

2. Нуждается в корректировке — 36,8%.

3. Необходима полная реорганизация всех звеньев образовательной инфраструктуры — 29,4%.

4. Другое — 8,8%.

5. Не дали ответа — 12%.

«Осуществляет ли Ваша библиотека методико-образовательные функции, направленные на повышение профессионального уровня сотрудников?».

1. Да — 76,5%.

2. Нет — 7,4%.

3. Затрудняюсь ответить — 14,7%.

4. Не дали ответа — 1,4 % .

«Взаимодействует ли Ваша библиотека с профильными образовательными учреждениями и организациями? Если «да», назовите их, укажите форму сотрудничества».

1. Да — 47,1%.

2. Нет — 8,8%.

3. Затрудняюсь ответить — 44,1%.

Среди *профильных* учреждений, с которыми взаимодействуют библиотеки, указываются: Московский государственный университет культуры и искусства (МГУКИ), Колледж искусств, Библиотечный колледж, Академия подготовки работников искусства и культуры (АП-РИК), Центральная государственная публичная библиотека, Центральная государственная юношеская библиотека им М.А. Светлова, библиотека им. А. Гайдара; *непрофильных* — детские сады, школы, Дома творчества и др. Формы сотрудничества — проведение лекций и семинаров, практика студентов, обмен опытом, «круглые столы», праздники, конкурсы, экскурсии, обзоры, викторины и т.д.

«С Вашей точки зрения, можно ли считать, что принимаемые организационно-управленческие решения по развитию библиотечной сети города адекватны современным требованиям к работе библиотек?».

1. Да — 13,2%.

2. Нет — 36,8%.

3. Затрудняюсь ответить — 48,5%.

4. Не дали ответа — 1,5%.

Резюмируя полученные результаты исследования, можно с долей определённости утверждать: в одной из таких важных городских сфер, как библиотечное дело, несмотря на организационные резервы и внутренние источники развития (роста), имеется немало нерешённых до нашего времени вопросов. Среди основных: *во-первых*, динамика образования и уровня квалификации специалистов библиотечной сферы; *во-вторых*, обучение, повышение квалификации и переобучения, распределение или трудоустройство выпускников специальных учебных заведений в библиотеки города; *в-третьих* — развитие отрасли и другие. Вышесказанное в целом свидетельствует об отставании качества деятельности библиотечной сферы от уровня, призванного соответствовать требованиям времени и необходимого для развития общества.

Полученная в ходе проведённого опроса и обработки социологических данных информация, концентрируя широкий спектр «свёрну-

тых» вопросов, связана с объективной необходимостью решения ряда **проблем**:

1) корректировка системы организационных подходов и принципов кадровой работы, логика управленческих решений и контроля в области обеспечения библиотечной сферы специалистами профильной квалификации;

2) уточнение системы управления и укомплектования специалистами, налаживание постоянной подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров с регулируемым ростом числа работников библиотечного дела;

3) использование организационных резервов и мощностей библиотечных учебных учреждений, изменение системы стимулирования кадров, получающих специальное образование, и повышение их заинтересованности в работе.

Динамика проблематики внутри библиотечной отрасли свидетельствует, что формируется потребность в знаниях, которые в силу разных причин работники библиотек не смогли получить. По их мнению, среди дополнительных и адаптированных под потребности городской библиотечной сферы становятся востребованными следующие знания: литературоведческие, исторические, психологические и филологические; правовые; в области информационной, предпринимательской и деловой культуры и др.

Проблемы библиотек, несогласованность их деятельности и «рабочие» противоречия между библиотечной отраслью и органами государственной (федеральной) и городской власти (управления) являются среди прочих причинами конфликтности социально-культурной инфраструктуры.

Необходимо отметить, что за рамками исследования остались многие вопросы — от условий работы, нормирования, оплаты и стимулирования труда работников библиотек, форм делового, профессионального, коммерческого и общественного взаимодействия до возможностей и резервов координации, управления и регулирования деятельности библиотечных и смежных сфер.

Отметим, что оценка, контроль и повышение престижности профессии, внимание государства к отрасли и её работникам, генераторам изменений, формирует мотивацию, потребность *саморазвития* — непрерывного самообразования, повышения квалификации и качества профессиональной деятельности.

Итак, результаты и факт проведённого исследования говорят о внимании общества, органов городской власти и управления к деятельности библиотек, а полученные данные есть приглашение к диа-

логу, свидетельство понимания трудностей и заинтересованности в развитии, что позволяет ожидать и надеяться на скорые позитивные изменения в развитии библиотечного дела.

Иллюстрирует сказанное то обстоятельство, что информация, поступившая из специализированных учебных заведений, городских округов и от членов экспертной группы, содержательно «пересекается» по широкому кругу вопросов. Многие из этих проблем часто являются предметом рассмотрения на заседаниях Правительства Москвы и Комитета по культуре города Москвы. Указанные вопросы изучаются в связи с целевыми программами, проектами и предложениями, идущими от государственных (федеральных) и региональных руководящих органов, городских и окружных управлений культуры, префектур. Некоторые темы поднимаются в ответ на инициативы коммерческих, некоммерческих и общественных организаций, занимающихся культурными проектами, органов местного самоуправления и жителей города. Однако сегодня вопросы по организации и управлению (самоуправлению), материально-техническому обеспечению и интеграции, расширению (строительству) и реформированию деятельности библиотек тормозятся отсутствием «Единого научного координационно-методического центра библиотечной сферы города Москвы», функции которого существенно отличаются — и специалисты это подтверждают — от работы методического кабинета.

Таким образом, результаты проведённого исследования показали, что деятельность библиотек связана с реформированием городской среды и перспективами развития страны в целом. Решение проблем библиотечной сферы является вопросом государственной значимости, открывает новые возможности для развития библиотечного дела и роста авторитета его работников.

Перспектива формирования библиотечной сферы во многом формирует условия социально-культурной городской среды и влияет на атмосферу в обществе, духовно-нравственный и профессиональный потенциал населения.

Анализ изложенных и некоторых связанных с ними проблем приобретает особую значимость в контексте социально-культурной, экономической и политической работы, ведущейся в городе, направленной на реализацию общегородской комплексной программы «Культура Москвы (2005 — 2007 гг.)» и разработку концепции развития сферы культуры на период до 2010 — 2020 гг.

Формирование самобытной городской среды и современного облика столицы — это не только проблемы социально-культурного раз-

вития страны, но и выбор цивилизационной логики единения соплеменников России, выбирающих и реализующих образ будущего на основе традиций, носителями и реформаторами которых являются представители отраслей инфраструктуры города. Один из общих выводов, который можно сделать по результатам проведённого исследования, заключается в важности и необходимости становления нового облика отечественной и городской библиотечной отрасли.

Библиотечная сфера в лице её специально (целенаправленно) подготовленных работников должна быть готова к поддержке самостоятельности и самодеятельности человека, предоставлению квалифицированной и профессиональной помощи для развития саморазвивающегося, самопознающего интеллекта, в расширении возможностей движения к идеалам, содержание которых обусловлено важнейшими приоритетами (факторами) проблемно-смыслового и поведенческого ядра жизни государства и его граждан.

---

¹ Из выступления В.В. Путина в Московском государственном университете, 2004 г.

² М у х а м е д о в а Л.И. Трансформация управления образованием в регионе в условиях формирования рыночных отношений: Социологический анализ. — М., 2001. — С. 28.

³ Из выступления главного библиотекаря ЦГПБ им. Н.А. Некрасова к.пед.н. О.П.Мезенцевой «Развитие кадрового состава публичных библиотек и библиотек-информационных интеллект-центров г. Москвы: проблемы и перспективы».

Патриотическая идеология: содержание и социальная роль

*БОКОВ Владимир Николаевич,
начальник Санкт-Петербургского
суворовского военного училища*

Исследование проблем научного осмысления и формирования знаний и представлений о государственно-патриотической идеологии как явлении духовно-практической жизни предполагает комплексный, междисциплинарный анализ данного феномена познавательными и методологическими средствами прежде всего социально-гуманитарных дисциплин.

Целостные представления о государственно-патриотической идеологии, её сущности, содержании, роли, которую она играет в жизнедеятельности общества, можно составить, лишь опираясь на новые научные подходы, отражающие динамично изменяющиеся потребности конкретной социальной практики, используя весь арсенал исследовательских средств, обращённых к духовной проблематике России.

Изучение и формирование государственно-патриотической идеологии представляет собой сложный социально-культурный процесс, который в свою очередь тесно связан с масштабными явлениями и процессами во всех областях общественной жизни современной России.

В качестве исходного, определяющего выступает *принцип соответствия* изучения и формирования государственно-патриотической идеологии актуальным потребностям общественного развития. Следование этому принципу предполагает соотнесение общих возможностей формирования государственно-патриотической идеологии с конкретными темпами и содержанием изменений в динамике политической практики, а также со сложившимися традициями и конкретными насущными проблемами жизни общества.

Как представляется, в настоящее время качественная определённость содержания и характера государственно-патриотической идеологии задаётся вполне определёнными рамками. Они очерчивают потребности по предупреждению намечающегося отставания России от общецивилизационного процесса, модернизации всех сторон общественной жизни и производства, создания общественных институтов и уклада жизни, соответствующих требованиям и духу времени, перспективам России в XXI веке.

Сформулированный принцип, помимо функций изменения, выдвижения новых идей в процессе осмысления и формирования государственно-патриотической идеологии, выполняет также стабилизирующую роль. Очевидно, что государственно-патриотическая идеология может быть органичной и современной, если будет развиваться в русле российской культурно-исторической традиции, не только выражать интересы широких слоёв населения страны, но и учитывать естественные темпы и ритмы изменения информационных, технологических, демографических и социальных процессов, протекающих в современном мире.

Принцип единства объективного и субъективного аспектов в содержании государственно-патриотической идеологии обусловлен спецификой её функционирования в жизни общества. С одной стороны, её содержание объективно для той или иной социальной группы, общества в целом, а с другой — эта идеология является результатом активности различных социальных сил и субъектов. Поэтому формирование, освоение и реализация государственно-патриотической идеологии органично включает в себя, во-первых, учёт объективных факторов этих процессов и, во-вторых, осмысление и формирование государственно-патриотической идеологии различными субъектами на основе имеющихся у них представлений и знаний о ней, а также собственного самоопределения и целеполагания в процессе выработки и утверждения её в обществе.

Бытие государственно-патриотической идеологии, как правило, проявляется в общезначимой социокультурной (духовной) традиции — политике, искусстве, морали, праве, менталитете, исторически складывающемся типе духовности и т.д. Он может быть реализован в результате специально организованной сознательной деятельности влиятельной общественной группы, политической элиты, интеллектуальный и нравственный авторитет которых в обществе непрерываемо высок. Следует заметить, что в современном российском обществе возможности для реализации объективного содержания государственно-патриотической идеологии весьма проблематичны. Это объясняется наличием многочисленных и пока трудно преодолеваемых «разрывов» в культурно-исторической традиции, её хрупкостью и слабой реализованностью в общественном сознании.

Принцип связи существующего и должного в изучении и формировании государственно-патриотической идеологии предполагает наличие социально значимых и приемлемых конкретно-исторических обстоятельств, достижимых ориентиров в формировании её основных положений. Процесс выработки государственно-патриотической идеологии отличается сложностью и разноплановостью. Очевидно, в

этом процессе иногда трудно усмотреть конструктивную основу государственно-патриотической идеологии. Для их отражения и описания нужна определённая «идеальная» модель. То есть на каждом этапе её формулирования, конституирования как системы необходимо осознание того, что представляет собой должное. При этом должное — это нормативные представления о содержании и способах обоснования содержания, задач и путей реализации государственно-патриотической идеологии, воплощения её в социальную практику.

Представления о должном не могут быть искусственно сконструированными или произвольными. Необходимо, чтобы они были заданы объективными условиями конкретных этапов в развитии общества и государственном строительстве. Они представляют собой сущее — наличие складывающегося уровня осмысления государственной идеологии, её принятия или непринятия как таковой, качеств определённости и убедительности её основных положений, возможностей их реализации в согласованных общественных действиях.

Принцип деятельности как основы построения и развития государственно-патриотической идеологии. Данный принцип соответствует положению, при котором государственно-патриотическую идеологию современной России во многом ещё только предстоит осмыслить и создать. Его суть состоит в том, что в большинстве случаев такая идеология не может быть произвольно, искусственно сконструирована или внесена в общественное сознание без риска получить непредсказуемые последствия для судеб страны. Напротив, она должна быть создана именно в самом обществе с учётом нравственно-гуманитарной доминанты российской культуры и глубоко пережитая народом и его лидерами.

Указанную специфику данной области методологии раскрывает *принцип единства организации и самоорганизации* в осмыслении и формировании государственно-патриотической идеологии.

В соответствии с современными общенаучными представлениями самоорганизация рассматривается как важнейшее, определяющее качество, которое присуще самым различным областям реальности. Глобализация процессов самоорганизации природных и социальных систем ведёт к универсализации выражающих её логико-методологических средств. В то же время согласованное видение методологии реализации процессов самоорганизации пока находится в стадии научной разработки.

Специфика применения принципа единства организации и самоорганизации в изучении и формировании государственно-патриотической идеологии состоит, таким образом, в том, что это не только нормативно-предписательный принцип. Он ещё и средство побуждения общественных субъектов к самостоятельному поиско-

вому действию, к взаимодействию их друг с другом и с социокультурной средой, с последующим осмыслением и оформлением полученных результатов.

Следующим принципом является *принцип социокультурной опосредованности методологических средств*, используемых для изучения и формирования государственно-патриотической идеологии. Суть его состоит в том, что данная идеология не является чисто духовным феноменом, она одновременно принадлежит к различным областям жизни общества.

Принцип социокультурной опосредованности позволяет избегать однозначности и даёт возможность трактовать осмысление и формирование государственно-патриотической идеологии по крайней мере как триединый процесс. Это означает, что он получает воплощение:

а) в области науки;

б) в духовной культуре в различных проявлениях общественного сознания;

в) в практике обоснования и реализации общественных потребностей, интересов и ценностей, использования для этого социальных технологий.

Разнообразие предметного содержания государственно-патриотической идеологии основывается на том, что как феномен науки она представляет собой совокупность определённых знаний, концепций и теорий. Как совокупность явлений духовной жизни человека и общества государственно-патриотическая идеология включает духовные ценности, явления индивидуального и общественного сознания. В функциональном плане эта идеология представляет реализуемый её создателями и носителями способ отношений к общественному целому, его воспроизводству и упрочению в процессе общественно-исторической практики. При этом способ отношения к общему поразному проявляется в присущих государственно-патриотической идеологии аспектах науки, духовной культуры, общественной психологии. Культурный аспект позволяет обнаруживать основополагающие ценности и смыслы объединяющих общество идей.

Современная общенациональная парадигма России способна потенциально реализоваться в социокультурном процессе по мере осознания внутренних и внешних интересов страны, обретая реальное экономическое развитие в интересах всего народа, опираясь на социальную его защищённость, политическую стабильность, установление должного порядка и гражданского согласия.

Полагаем, что саму идею применительно к развитию российского общества вряд ли возможно сформулировать в кратких понятиях, хотя попытки такого рода имели место.¹

Общенациональная идея России должна опираться на устойчивое

историческое, социальное, личностное и смысловое содержание и выражать отечественный духовный менталитет и своеобразие социально-психологических чувств народа. В ней не может быть места политической конъюнктуре, а также узкокорпоративным интересам и эгоистическим целям отдельных политических лидеров. В своей сущности она должна отвечать ряду основных требований.

Первое. Общенациональная идея России должна быть общественно-гражданской, по своей целевой направленности консолидирующей все общественные позитивные силы и партии. Её содержание может представлять только государственно-общенациональное, синтезируя в себе конституционные правовые и социокультурные ценности российского государства и передовые общечеловеческие ценности формирующегося в России гражданского общества. Всё это должно быть неразрывно связано с общенациональными интересами, исторической судьбой и традициями российского народа.

Второе. Содержание общенациональной идеи России должно быть общефедеральным, т.е. по своему содержанию и социальной мотивации способствовать объединению различных национально-этнических регионов: республик, краёв, областей и иных территориальных образований многонационального российского государства. В ней Россия должна выступать перед мировым сообществом как единое государственно-историческое образование целостного объединения многонационального народа. На данное обстоятельство обращал в прошлом внимание В. Соловьёв. В труде «Оправдание добра» он подчёркивал: «Мы должны любить все народности, как свою собственную. Этой заповедью утверждается патриотизм как естественное и основное чувство, как прямая обязанность лица к своему ближайшему собирательному целому, и в то же время это чувство освобождает от зоологических свойств народного эгоизма, становясь основой и мериллом для положительного отношения ко всем другим народностям сообразно безусловному и всеобъемлющему нравственному началу»².

Третье. Содержание общенациональной идеи России должно быть направлено на консолидацию, объединение основных слоёв и общественно-политических движений современной России по социальной широте, их охвату. Наряду с этим она также ориентируется на интеграцию и синтез духовно-исторических ценностей досоветского, советского и современного периодов жизни российского общества по их исторической глубине.

Четвёртое. Содержание общенациональной идеи российского общества должно характеризоваться высокой степенью преемственности и возрождения утраченных или преданных забвению героико-исторических традиций народов России. В процессе её наполнения новым содержанием следует избегать, во-первых, исторического ни-

гилизма по отношению к пройденному страной пути, во-вторых, ностальгии, выражающейся в апологетике восприятия драматических и трагических событий российской истории. Новое содержание такой идеи обусловлено современными условиями российской действительности, а отечественное историческое прошлое объективно нуждается в реалистическом восприятии и адекватном отражении в общественном сознании.

Пятое. Содержание общенациональной идеи носит ярко выраженный гуманистический характер. Гуманистическая направленность её содержания проявляется в способах и характере поэтапной реализации в России цивилизованного гражданского общества, создании правового демократического государства, обеспечении устойчивой политической стабильности, развитии социально ориентированной экономики, сохранении духовного единства в обществе и целостности государства.

Шестое. Российская общенациональная идея предполагает степень широкого распространения в массовом сознании, восприятия общественной психологией российского народа, отражения его социальных чувств, настроений и традиций. Находясь на уровне высокого социально-политического содержания, она должна притягивать к себе большинство населения независимо от социального и материального положения, национальных принадлежностей, конфессиональных и иных различий людей.

В содержании общенациональной идеи не может быть места тем духовным издержкам, которые оказались исторически губительными для российского общества или утратили социальную ценность с течением времени. К ним следует в первую очередь отнести: политический максимализм и идеологический догматизм в трактовке и реализации общественно-исторической практики; непримиримость к политической оппозиции и нетерпимость к идейным оппонентам; жёсткую, авторитарную реализацию всех сфер жизнедеятельности общества.

В последние годы предприняты определённые попытки по-новому осмыслить идеологические процессы и явления.³ Правда, некоторые работы не лишены крайностей, односторонности, ностальгии по старым мировоззренческим парадигмам.

Можно отметить ряд подходов в обосновании государственно-патриотической идеологии.

Исторический подход. Прежде всего следует подчеркнуть, что она имеет глубокие исторические корни и теоретические истоки. Речь идёт о русской идее, которая была и остаётся основой единства исторической судьбы народов России, осознанием сущности и исторического предназначения России в мире.⁴

Русская идея по праву может рассматриваться как историческая предпосылка и духовная составляющая современной государственно-патриотической идеологии. Её тремя главными компонентами всегда были государственность (державность), православие (духовность) и патриотизм. Ещё Пётр Великий, напутствуя российских воинов перед Полтавской битвой, говорил: «Не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру вручённое, за род свой, за Отечество, за православную нашу веру и церковь»⁵.

Проблема формирования нового образа государственно-патриотической идеологии сложна и многогранна, она имеет комплексный характер и поэтому нуждается в исследовании целым рядом научных дисциплин, прежде всего гуманитарных.

В ряду этих наук особая роль принадлежит социологии, которая призвана формировать обобщённый, свободный от партийных пристрастий объективный взгляд на проблему.

Социологический подход. Смысл его состоит прежде всего в том, чтобы выявить ту реальную основу, на которой возможно возникновение и функционирование какой-либо идеологии (в том числе государственно-патриотической) как социально-духовного явления, систематизированной формы выражения целей и интересов определённых социальных групп, слоёв, государств и т.д.

Теоретические попытки её субъективного оформления и конструирования вызревают «снизу», они коренятся в конечном счёте в объективных потребностях и интересах масс, в ценностно-культурных ориентациях, умонастроениях, общественно-психологических состояниях людей. Логично, по-видимому, предположить, что объективно-онтологической основой формирования нового образа государственно-патриотической идеологии в современном российском обществе выступают жизненно важные национальные ценности и интересы личности, общества и государства, определяющие основы их жизнедеятельности, обеспечивающие реализацию их прав и свобод.

Эти интересы имеют два основных вектора направленности. Первый обращён к необходимости решения внутренних проблем России во всех областях общественной жизни — политической, экономической, социальной, духовной, экологической, военной в контексте осуществляемых реформ и преобразований. Второй вектор национальных интересов российского общества направлен на предотвращение, блокирование и нейтрализацию возможных внешних угроз российскому государству, в том числе и военных, обеспечение его независимости и целостности, реализацию самостоятельной и эффективной внешней политики.

Здесь также «встречаются» два созидательных начала: государ-

ственное (формально-юридическое), наделённое обязанностями, правами и ответственностью, и общественное — нравственно, психологически и патриотически поддерживающее внешнюю политику государства, воспринимающее её как свою собственную, разумеется, если эта политика не противоречит интересам народа.

Гносеологический подход. Данный подход позволяет связать воедино объективное — жизненно важные национальные интересы и субъективное — рефлексию, отражение национальных интересов в форме государственно-патриотической идеологии как системы определённых взглядов, идей, мировоззренческих установок и т.д.

Центральный «пункт» в реализации гносеологического подхода состоит в осознании того, насколько адекватно или неадекватно субъективно выстроенная система государственно-патриотической идеологии отражает реальные социальные процессы, явления, личные и общественные интересы, насколько глубоко и содержательно она их фиксирует, осмысливает и передаёт обществу.

И если для многих возникших в России на волне свободы слова идеологических течений характерны попытки манипулировать сознанием масс ради своекорыстных целей и амбиций, то государственно-патриотическая идеология должна возвыситься над этим, стать надпартийной.

Социокультурный подход. Он актуализировался и стал активно использоваться в последние годы, когда на смену однолинейному взгляду на развитие истории пришло видение её многомерного развития, согласно которому общественно-исторический процесс рассматривается не просто как смена общественно-экономических формаций, развивающихся по восходящей, а как сосуществование цивилизаций и культур, в основе которых лежат культурные традиции, ценности, нормы, обычаи, менталитет, психология народов, наций и этносов.⁶

Россия — социокультурная система, цивилизация с богатым прошлым. Она впитала всё богатство культуры евразийского геополитического пространства, сама оказала огромное влияние на развитие других культур и цивилизаций.⁷ Ведя кровопролитные войны за свою независимость и освобождение на протяжении многих веков, российский народ сформировал свою самобытную культуру, основанную на идеях державности, патриотизма, православия, беззаветного служения воинскому долгу.

Естественно, в истории и культуре России не всегда были взлёты. Были и падения, «перерывы постепенности», когда её развитие задерживалось на десятки и сотни лет. Однако русский народ всегда

находил в себе силы возродить утерянное, воспроизвести его на новом этапе общественно-исторического процесса.

Государственно-патриотическая идеология, будучи сформированной, может составить синтезирующую основу духовных ценностей личности, общества и государства. В этом, как представляется, и состоит её главная социальная роль, которая в развёрнутом виде может быть конкретизирована следующими положениями.

Во-первых, государственно-патриотическая идеология способна эффективно воздействовать на всю систему духовной жизни общества, на все её виды — политическое, правовое, нравственное, эстетическое, экологическое воспитание и другие, затрагивая прежде всего «верхние этажи» сознания людей. Но благодаря своему патриотическому ядру она может глубоко воздействовать и на эмоционально-психологическую сферу духовной жизни людей. А это позволяет рассматривать её как важнейший фактор формирования качеств российских граждан, в первую очередь молодёжи, необходимых для выполнения профессиональных обязанностей.

Во-вторых, важной особенностью государственно-патриотической идеологии с точки зрения её социального назначения является то, что она призвана включить в своё содержание наиболее важные конституционные ценности, относящиеся к сфере духовного, нравственного, патриотического. А конституционные ценности являются законом для всех граждан безотносительно к их идейно-политическим позициям. Следовательно, она сможет решать задачи формирования политической и правовой культуры, уважения к конституционным нормам и ценностям.

В-третьих, государственно-патриотическая идеология имеет богатую историю своего возникновения и существования, её нравственный потенциал наиболее ярко проявился в годы тяжелейших испытаний для российского народа. Поэтому прогрессивные отечественные традиции будут иметь большое значение для формирования морально-психологических и нравственно-эстетических качеств российской молодёжи.

В-четвёртых, государственно-патриотическая идеология позволит консолидировать на общей платформе сильной государственности, высокой духовности и патриотизма широкий спектр социальных групп, национально-этнических общностей, представителей различных религиозных конфессий.

По своей сущности и содержанию, выполняемой роли в обществе государственно-патриотическая идеология должна быть, на наш взгляд, надпартийной, надклассовой. Она не должна насильственно навязываться гражданам, поскольку они имеют право выбора своих

идейно-нравственных позиций. И, конечно же, если подобная идеологическая система будет создана, то для её реализации нет необходимости создавать специальные структуры.

Таким образом, государственно-патриотическая идеология представляет собой систему знаний, взглядов, идей, социальных позиций и чувств, выступающих концентрированным выражением и теоретическим обоснованием общегосударственных ценностей, жизненно важных интересов личности, общества и государства, направленных на развитие и защиту Отечества, утверждение и укрепление правовых, демократических основ российской государственности, обеспечение прочного положения страны в мире.

¹ Так, ряд исследователей предлагает принять в качестве общенациональной идеи программу «Прогресс, свобода и демократия», другие — «Здоровье, единство, милосердие», третьи — «Рынок, демократические свободы и права человека». См.: Государственно-патриотическая идеология как фактор формирования духовного потенциала армии и флота. — М.: ВУ, 1999. — С. 50 — 51.

² Соловьёв В.С. Соч. в 2-х тт. — М., 1998. — Т. I. — С. 378.

³ См., например: Зюганов Г.А. Россия — родина моя // Идеология государственного патриотизма. — М.: Информпечать, 1996; История и реальность, уроки теории и практики. — М.: ТОО «СИМС», 1995; Платонов О.А. Русские цивилизации. — М., 1995; Родарин В.М. Идеология: Современные военно-политические процессы / Дис. докт. фил. наук. — М.: ГА ВС, 1995; Национальная доктрина России. — М.: Обозреватель, 1994; Гидринский В.И. Русская идея и армия. — М., 1997; Современная русская идея и государство. — М.: Обозреватель, 1995; Россия: Опыт национальной-государственной идеологии / Под ред. В.В. Ильина. — М.: МГУ, 1994.

⁴ См.: Русская идея / Сост. М.А. Масхов. — М.: Республика, 1992.

⁵ Приказ Петра I перед Полтавской битвой // Русский архив. — 1871. — №1. — С. 187.

⁶ См.: Бердяев И.А. Смысл истории. — М., 1990; Сорокин П.Л. Человек. Цивилизация. Общество. — М., 1992; Постигание истории. — М., 1991; Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М., 1991.

⁷ См.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. — М., 1991; Ключевский В.О. Методология русской истории // Цивилизация: Прошлое, настоящее и будущее человека. — М., 1988; Куваккин В.А. Религиозная философия в России: Начало XX века. — М., 1980; О России и русской философской культуре. — М., 1990; Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. — СПб., 1994.

К юбилею Российской академии живописи, ваяния и зодчества, созданной народным художником Ильёй Глазуновым

*Большаков Владимир Ильич,
заведующий кафедрой «Основы
гражданственности» Российской академии
живописи, ваяния и зодчества,
доктор философских наук, профессор*

«Самое драгоценное в искусстве... талант, и он должен служить к выражению чувств добрых и прекрасных, путем ли живописи, музыки или всеобъемлющей поэзии».

М.В. Нестеров

Здание, в котором располагается наша Академия, было построено по проекту выдающегося русского архитектора В.И. Баженова в 1780-х — 1790-х годах для генерал-поручика И.И. Юшкова. После его смерти дом принадлежал его сыну, и к тому времени финансовые дела семьи пришли в упадок, что вынудило владельца сдать в 1838 году часть помещений под рисовальный класс Московскому художественному обществу. С этой даты и начинается новая жизнь дома Юшкова, связанная с Московской общедоступной школой художеств. С 1865 года в связи с присоединением Московской архитектурной школы она стала называться Училищем живописи, ваяния и зодчества, а в 1905 году последовало высочайшее распоряжение за подписью Николая II о предоставлении Училищу прав высшего учебного заведения с полной самостоятельностью по учебной части.

Училище отличалось от других учебных заведений демократическими условиями приёма и подлинно творческой обстановкой. Оно объединяло творческую молодёжь, для которой главным принципом творчества в искусстве был реализм. Многие из преподавателей Училища стали членами Товарищества передвижных художественных выставок.

Ведущим классом Училища был натурный класс. Его возглавляли В.Г. Перов, А.П. Рябушкин, С.А. Коровин и многие другие. Пейзажный класс вёл академик живописи А.К. Саврасов. Среди его учени-

ков были И.И. Левитан и К.А. Коровин — величайшие мастера русского пейзажа. После смерти А.К. Саврасова пейзажный класс вёл В.Д. Поленов, а потом А.М. Васнецов.

В помещении Училища проходили выставки знаменитых художников, концерты и благотворительные вечера. Старинный дом на Мясницкой улице стал центром притяжения всех ценителей русского искусства. В конце XIX века к зданию дома Юшкова по Боброву переулку был пристроен четырёхэтажный учебный корпус, а в начале XX века во дворе поднялись два восьмиэтажных жилых дома для профессорско-преподавательского состава и студентов. Однако в начале XX столетия вековые устои академической школы резко пошатнулись. Мировые войны, революции, ломка традиций, разгул вседозволенности, заносчивое самоутверждение индивидуума как меры всех вещей — всё это не могло не сказаться на состоянии культуры. На удивление единодушно художники передовых стран отказались от прежних академических принципов и забыли о своём прямом назначении — отображать красоту Божьего мира и человека как образа Божия, хранить и передавать своим ученикам основы бесценных знаний национальных школ, секреты мастерства. Угасло трепетное отношение к наследию великих предков, торжествовали новаторство и оригинальность в поиске собственного художественного языка, заигрывание с лукавой формой. Школа стала для значительной части талантливых людей чем-то формальным, далёким от «подлинной свободы творчества».

На фоне общего упадка реалистической школы в России произошла подлинная катастрофа — кого уничтожил вихрь революционных бурь, кто погиб в лагерях, кто пропал на войне, кто, спасаясь в эмиграции и оторвавшись от Родины, заболел ностальгией и утратил способность к творчеству, кто остался дома, но, придавленный догмами соцреализма, измельчал духом. Так мы практически утратили традиции нашей некогда великой школы русского реализма.

После революции 1917 года Училище живописи, ваяния и зодчества перестало существовать, а в помещениях на Мясницкой улице, 21 были открыты Первые государственные художественные мастерские (вторые были открыты на базе Строгановского училища). В качестве руководителей мастерских пришли такие художники, как Лентулов, Кончаловский, Машков, Родченко и другие, входившие в объединение художников «Бубновый валет», а также Малевич и Кандинский, которые являлись основоположниками абстрактного искусства. В конце 1920 года мастерские были объединены в Высшие художественно-технические мастерские — ВХУТЕМАС, декрет об

образовании которых был подписан В.И. Лениным. Эти мастерские заполнили люди, пренебрегавшие художественными традициями, настроенные против академической и старой живописи. Их лозунгом было разрушение старого мира «до основания».

Дальнейшая биография дома связана с ВХУТЕИНОм — Высшим художественно-техническим институтом, который был создан в 1926 году и просуществовал до 1930 года. После этого дом на Мясницкой улице, 21 занимало несколько учреждений. Часть помещений дома даже принадлежала Институту имени В.И. Сурикова, где после войны расположились мастерские театрального искусства и др.

Здание XVIII века полностью утратило «баженовские» интерьеры. Большие искажения претерпел и фасад его.

Новая эпоха в жизни дома Юшкова связана с именем великого русского художника и общественного деятеля — народного художника СССР, профессора Ильи Сергеевича Глазунова.

Художник-подвижник Илья Глазунов, один из немногих, кто понимал глубину этой культурной трагедии, решил возродить и сохранить традиции русской академической школы.

Вот уже почти 30 лет он посвятил педагогической деятельности, воспитанию нового поколения творческой молодёжи в духе классики, любви к Родине, её истории и культуре.

Надо сказать, что в русском народе существует устойчивая тенденция — мы бываем очень скупы на похвалу и щедры на критику. И такие события, как юбилей, остались теми редкими случаями, когда мы без оглядки можем говорить добрые слова. Давайте воспользуемся такой возможностью, поскольку в 2007 году исполняется 20 лет со дня основания Академии великим нашим современником Ильёй Сергеевичем Глазуновым, и скажем возвышенные и добрые слова в его адрес.

Илья Сергеевич остался бы в народной памяти как национальный герой, даже если бы он написал только одну картину «Вечная Россия», которая прозвучала, словно набатный колокол, в канун 1000-летия крещения Руси. Он возвратил нам историческую память или создал, с моей точки зрения, самое значительное в философском его понимании полотно «Христос и антихрист» — по своей философской насыщенности и духовному содержанию оно может быть поставлено рядом с таким шедевром, как «Троица» Андрея Рублёва. Работа Ильи Глазунова «Христос и антихрист» может стать той путеводной звездой, что позволит современному, убаюканному СМИ-пропагандой и утратившему нравственные ориентиры человечеству выбрать из нынешнего мрака разгула вседозволенности под видом борьбы за «свободу, равенство и братство».

И.С. Глазунов увековечил бы своё имя, даже если бы он только написал книгу «Россия распятая», где вернул нашим утратившим память соотечественникам забытые имена таких мыслителей, как Мавро Орбини, Александр Гильфердинг, Василий Флоринский, мыслителей, которые обогатили своими исследованиями наше историческое прошлое и приоткрыли завесу над тайной, скрывающей от нас чудо боготворения и духовно-генетическое родство древнейшей арийской и современной славяно-русской цивилизаций.

И всё же особенно значительна и неопенима заслуга И.С. Глазунова перед русским и мировым искусством. Получив мировую известность и будучи увенчанным лаврами, с энтузиазмом и энергией молодого художника он создавал Академию живописи, ваяния и зодчества, в которой сегодня творят, учатся и работают сотни юных дарований со всех уголков нашей Родины.

Илья Сергеевич Глазунов часто повторяет, что подлинное искусство всегда национально и потому совершенно. Действительно, искусство Древнего Египта, Китая и Индии, искусство античности и эпохи Возрождения каждое по-своему совершенно и не выводимо одно из другого, но являют собой самобытные стили и грани отображения Божьего мира, вечно молодого и прекрасного. Чтобы создать подлинное произведение искусства, нужен талант, но не всякий талантливый человек может выразить языком кисти потаённые чувства и мысли своих соотечественников.

Титул «великий» носили многие герои нашего Отечества. Так, были великие воины, великие подвижники благочестия, великие мыслители, великие поэты, великие писатели, великие художники. Илья Сергеевич Глазунов занимает в этом ряду особое место, потому что период его жизни и творчества пришёлся на самое трудное время в России, когда всё перевернулось с «ног на голову» — белое было названо чёрным, чёрное — белым; злодейство — освящено, геройство — осмеяно. Никогда правда, которую можно считать синонимом слова Русь, не попиралась так дерзко и вызывающе, как после революции 1917 года.

Ещё Тит Ливий, историк Древнего Рима, писал: «Правда часто гонима, но убить её невозможно: кто пренебрежёт ложной славой, обретёт истинную». Эта фраза древнего мыслителя раскрывает смысл служения и гражданского подвига Ильи Сергеевича Глазунова, который с ранней юности отверг призрачную славу служения лжи.

Всё творчество И.С. Глазунова с самого начала было направлено против этой великой лжи нашего времени. Он пренебрёг признанием и славой быть придворным художником партноменклатуры и весь

свой талант направил не просто против лжи соцреализма, а во имя утверждения своей Правды — подлинно русской, подлинно национальной, подлинно гражданской. Лживость большевизма была опасна ещё и тем, что всё лучшее в советском прошлом было взято от христианства и русских традиций, но направлено было на уничтожение как христианского, так и национального начала Святой Руси.

XX столетие, несмотря на свой трагизм, убедительно показало бесперспективность всех химер, основанных на богоборчестве и утрате национальных истоков, и в то же самое время стало веком торжества национальных и христианских идей, расцвета национальной культуры и её самого образного выражения — реалистической живописи. Поэтому можно только позавидовать Илье Сергеевичу, что он сам, будучи в расцвете своих творческих сил, стал свидетелем краха презренных им лживых ценностей и торжества своей Правды.

Каждый эпизод в жизни и творчестве И.С. Глазунова имеет свой глубокий смысл. Родился он в юбилейный год, и если бы советская Россия не пребывала в социальном бреде богоборческой пятилетки и национального беспамягства, то в 1930 году, в год его рождения, по всей стране широко праздновалась бы великая дата — 550-летие Куликовской битвы. Надо ли здесь говорить, что за стоном умирающих в русской деревне крестьян под гнётом социальной химеры коллективизации, за шумом насаждаемого воинственного пролеткульта в его стремлении уничтожить последние ростки затаившейся, почти погибающей русской культуры, за стоном умирающего в лагерях русского купечества, офицерства и духовенства никто в советской России не вспомнил о великой победе на Куликовом поле, но пройдёт 50 лет, и уже зрелый художник Илья Глазунов заставит своим циклом работ «Поле Куликово» пробудиться Россию от векового сна. Но ему предстоял ещё титанический труд, чтобы молва о Куликовом поле разошлась от его персональных выставок по всей Руси Великой.

Как удивительно связаны судьбы художников на Руси! Замечательный русский художник П.А. Федотов был очень близок семье прадеда И.С. Глазунова Карлу Карловичу Флуг. И как странно, что трагический конец жизни художника Федотова, по-своему, пережила и бабушка И.С. Глазунова, по материнской линии урождённая Флуг, которая первой из семьи умерла от голода во время блокады Ленинграда. А ведь их фамилия восходит ещё к славянской королеве Любуше, основательнице Праги.

Всем почитателям русской истории хорошо известно имя прадеда Ильи Сергеевича, также по материнской линии, действительного тайного советника Константина Ивановича Арсеньева, академика Петербургской Академии наук, историка, географа, воспитателя цесаревича Александра II. По отцовской линии дед Ильи Сергеевича был почётным гражданином Царского Села и имел свой дом неподалёку от художника и педагога Чистякова, офицера и поэта Николая Гумилёва и других известных людей Петербурга.

Жизнь и творчество И.С. Глазунова — яркий пример того, как человек может воплотить в себе всё то, что не смогли или не успели выразить его предки. Имея таких исключительных прародителей, Илья Сергеевич просто не мог прожить другую, менее яркую или менее плодотворную жизнь. И сегодня, когда он — в расцвете своего творческого горения, мы вправе надеяться стать свидетелями ещё новых его значительных достижений и в искусстве, и на поприще гражданского служения.

Илья Сергеевич Глазунов родился и воспитывался в то тяжкое время, когда, словно от страшного землетрясения, раскалывающего землю, через всю Россию, через каждую русскую семью прошёл кровавый рубеж, вынудивший родных сделаться непримиримыми врагами. Семью Глазунова не миновала эта чаша, но братья Глазуновы нашли в себе достаточно мудрости и здравомыслия, чтобы не опуститься до греха братоненавистничества и тем более братоубийства. Три брата — и три разных судьбы. Сергей Фёдорович Глазунов был крупным учёным, автором трудов по экономической социологии, соратником П.А. Сорокина и вполне мог бы вместе с ним покинуть на известном пароходе пределы своего гибнущего Отечества и отбыть в более благополучные страны. Но он не сделал этого шага и разделил свою судьбу с судьбой своей Родины. В итоге — голодная смерть в блокадном Ленинграде. Его брат, Михаил Фёдорович Глазунов, известный военный врач, не только соединил в себе судьбу солдата и доктора, но благодаря своему положению в Красной Армии фактически спас своего племянника Илюшу от неминуемой смерти, заменил ему отца и смог дать хорошее образование, привить хороший художественный вкус и научил ценить и любить подлинно русскую живопись. Михаил Фёдорович собрал значительную коллекцию работ великих русских художников: Сомова, Кустодиева, Колесникова, Горбатова, Рериха, Бенуа и после своей смерти всё своё собрание завещал музею в городе Саратове. Третий брат, Борис Фёдорович Глазунов, оказался в оккупации, семья была угнана в Германию, и он вынужден был там искать свою правду и свой путь борьбы за нацио-

нальную Россию. Он был одним из создателей НТС и одним из активных деятелей русской эмиграции.

Завершение И.С. Глазуновым высшего художественного образования совпало с первыми проявлениями краха социальной химеры коммунизма, так называемой «хрущёвской оттепелью». Обстановка того времени способствовала появлению новых идей. Разоблачение культа личности, письмо XX съезду партии вызвали в обществе признаки растерянности и дали повод для проявления тех элементов свободы, которые были прежде запрещены. И вот в этот момент Глазунов смог явить всем яркий и смелый пример того, как может быть востребована искренняя попытка возвращения к своим истокам, своему народу, своей вере. Если кратко выразить смысл его гражданского порыва — это служить исторической России и возродить всенародный интерес к героическим страницам её прошлого. Художник через своё произведение ведёт смелый и страстный разговор со зрителем. Здесь важно было и правильно выбрать тему, которая была бы востребована и долгожданна для народа, и в то же время взять нужную тональность разговора, которая и называется мастерством художника, впитавшего благодаря своему труду все лучшие достижения отечественной и мировой школы живописи.

Одна из важнейших граней деятельности Глазунова как гражданина — это встать на защиту древнейших памятников истории и культуры России. В борьбе против «советского» варварства тогда ещё молодой человек Илья Глазунов глубоко прочувствовал меру своей ответственности как художника и гражданина за судьбу России, её культурного наследия. Вначале был создан клуб, затем объединение «Родина», из которых в дальнейшем выросло широкое общественное движение, окончательно оформившееся в середине 60-х годов во Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК). У истоков этой организации, сыгравшей огромную роль в объединении национально мыслящей интеллигенции, собрались лучшие представители национальной элиты того времени: писатели Леонид Леонов, Владимир Солоухин, историк Б.А. Рыбаков, архитекторы и реставраторы А.В. Ополонников и С.Л. Агафонов, скульптор С.Т. Конёнков. Активная гражданская позиция И.С. Глазунова проявилась в его борьбе против разрушения старой Москвы и в острой дискуссии в процессе подготовки и принятия в 1976 году первого в советской истории государственного закона об охране памятников истории и культуры.

Важным этапом в возрождении русской школы реалистического искусства явилось создание мастерской портрета в Суриковском институте, которая родилась в 1978 году и за время своего существования фактически сформировала будущий педагогический состав нынешней Академии. За все 15 лет существования мастерской Глазунова её окончил 41 художник. Это был первый вызов Ильи Сергеевича советскому диктату идеологического царства: создать творческий коллектив, который был организован не по законам господствующей идеологии, а вопреки ей. И несмотря на недоброжелательство и даже противодействие педагогического коллектива Суриковского института, мастерская всё-таки стала развиваться. Конечно, это было возможно только благодаря масштабу личности уже тогда всемирно известного художника, которого любил народ, но к которому очень ревностно относились свои собратья по кисти и, разумеется, власть. Его обвиняли как в неумении рисовать, так и в попытке использовать популистские приёмы, воздействующие на народную массу. И вот в такой атмосфере непонимания и противодействия Глазунов начинал торить свой путь к созданию русской школы высокого реализма. Сегодня, гуляя по роскошным залам и коридорам Академии, невозможно себе представить, сколь труден был путь к созданию всего того, что ныне является уникальным достоянием русской культуры.

В 1986 году, когда в стране только начиналась перестройка, уже была очевидна трагическая картина разрушения академий мира, включая и многие наши некогда авторитетные учебные заведения, которые не устояли под натиском абстрактного формотворчества, что привело к краху реалистической «школы», И.С. Глазунов обострённым видением художника и чутьём гражданина и патриота понял, что настал долгожданный момент во всеуслышанье заявить о необходимости создания в Москве нового художественного высшего учебного заведения, в котором будут возрождены реалистические традиции русской художественной школы — Петербургской Академии художеств и Московского училища живописи, ваяния и зодчества. Им был поставлен вопрос о возвращении художникам России здания Московского училища живописи, ваяния и зодчества по Мясницкой улице, 21 и размещении в нём вновь создаваемой Всероссийской академии живописи, ваяния и зодчества.

После долгих обсуждений в 1986 году вышли правительственные постановления, определяющие создание нового высшего учебного заведения изобразительного искусства и передающие ему комплекс

зданий по Мясницкой улице, 21. И.С. Глазунов взялся за этот проект со всей гражданской страстью и силой своей масштабной личности, пытался убедить руководство страны решить эти вопросы. Надо сказать, что решение было принято не сразу. Однако умение убедить в правоте своих доводов и авторитет художника сыграли свою роль. Академия была создана, и Илья Сергеевич Глазунов был назначен в 1987 году первым её ректором.

Занятия студентов пришлось начинать в полуразрушенных помещениях на Мясницкой улице, а затем (после начала реконструкции и реставрации) в различных арендуемых Академией помещениях Москвы. Одновременно формировался профессорско-преподавательский состав. Основу преподавателей живописного факультета составили ученики мастерской портрета, которой руководил народный художник СССР, профессор И.С. Глазунов в Художественном институте им. В.И. Сурикова.

Надо отдать должное Правительству города Москвы и лично Ю.М. Лужкову, которые помогли Академии в трудную пору её существования, выделив в аренду необходимые учебные помещения. Благодаря этой помощи Академия смогла продолжать учебный процесс и проводить ежегодные наборы студентов.

В 1994 году по инициативе Правительства Москвы в московском Манеже были проведены выставки работ народного художника СССР И.С. Глазунова и преподавателей и студентов Академии. Выставки имели огромный успех и показали, что заложенные в основу работы Академии принципы опоры на классическую школу русского и западноевропейского реалистического искусства, создание крупномасштабных исторических полотен находят широкий отклик у большинства зрителей и являются весомым вкладом в возрождение духовных сил нашего народа. Первый президент России Б.Н. Ельцин, посетивший выставку и давший высокую оценку выставленным работам, своим указом от 10 июня 1995 года, учитывая значение Всероссийской академии живописи, ваяния и зодчества в возрождении духовности российского общества, преобразовал ее в Российскую академию живописи, ваяния и зодчества, определив, что устав Академии утверждается Правительством Российской Федерации, а ректор назначается на должность президентом страны бессрочно. Первым пожизненным ректором был назначен Илья Сергеевич Глазунов.

Замечательный русский художник В.М. Васнецов справедливо утверждал, что всё подлинно великое в искусстве выросло на национальной почве. В связи с этим постижение традиционной культуры своего народа — задача не менее важная для молодого художника,

чем освоение профессионального мастерства. А потому, когда среди торжественных парадных интерьеров Академии, оформление которых было выполнено по эскизам ректора Академии И.С. Глазунова и в которых оживает образ имперского стиля, вдруг возникает «русская комната», она воспринимается очень неожиданно, но совершенно не чуждой общему духу. Здесь разместились коллекция икон и предметов русской старины из собрания семьи ректора и академического музея. Это с любовью воссозданный уголок патриархального быта, где царит рукотворный мир вещей. В орнаменте народной вышивки, в узоре расписных прялок живёт древнее предание. В образах и красках древнерусской иконописи открывается мир, близкий душе каждого православного человека. Большая часть этих икон, народных костюмов, утвари привезена Иваном Ильичом Глазуновым из его путешествий с друзьями по северным окраинам России.

Интерес к русскому Северу, возникший в отечественном искусстве во второй половине XIX века, передавался по наследству следующим поколениям русских художников. Ныне это последний островок древней культуры, со всех сторон омыаемый разрушительными потоками современной, обезличивающей человека цивилизацией, и пространство его стремительно сокращается. С изменением старого уклада жизни уходит безвозвратно целый пласт нашей культуры — и художники ощущают это, может быть, острее других. И одна из главных целей созданной ими экспозиции Русского зала (вкупе со всем построением учебного процесса в Академии) — пробуждать в будущих живописцах, скульпторах, архитекторах живой интерес к истории и действенную любовь к Отечеству.

«Это совершенно особенный мир, — говорит многолетний директор музея, выпускница Академии Наталья Бартельс. — Здесь отсутствует привычный музейный уклад со сложившейся экспозицией и недоступностью загадочных запасников. Это живой и меняющийся мир, где нет священной неприкосновенности музейных экспонатов. Картину можно взять в руки, поднес ти поближе к глазам и к свету, рассмотреть её оборотную сторону — что чрезвычайно важно при подготовке холста и грунта для будущей копии.

Старинные книги, гравюры, костюмы, мебель, утварь — всё это, начиная с натюрмортов первого курса и далее, до костюмированных постановок, становится ежедневным объектом изображения. И дело не только в воспроизведении в работах картин исторического прошлого: пребывая в окружении нынешних реалий, имея на вооружении сегодняшний предметный ряд, студенту нелегко научиться применять на практике классические композиционные схемы — ведь со-

временный костюм диктует свою пластику, современные ткани ложатся иными складками, а мебель диктует другую осанку».

Историческая тема в живописи во всех академиях мира считалась самой ответственной и высокой по своему назначению. Мастерская исторической живописи создана в первые дни существования Российской академии живописи, ваяния и зодчества. Создатель её — ректор Академии И.С. Глазунов. Ныне её руководителем является заслуженный художник РФ, профессор Иван Ильич Глазунов. Мастерская ставит перед собой задачу — возрождение традиции создания картины, отражающей историю нашего великого Отечества. Создание такой картины требует особого мастерства художника и может быть сравнимо лишь с созданием романа в литературе.

Как известно, историческая картина практически исчезла как жанр с выставок современного искусства, а значит, умирает и традиция её создания. Из искусства ушёл самый духовно наполненный жанр. А ведь именно поэтому в старых академиях мира на первом месте стояло обучение умению создавать произведения на исторические и религиозные темы во всём многообразии нравственного, художественного, религиозного опыта человечества.

Исторический живописец должен знать историю, в совершенстве владеть рисунком, колоритом и способностью объединять фигуры в одно целое. Понятие исторической картины неразрывно связано с умением передать психологическую связь персонажей, способностью организовать пространство, планы, обязывает знать архитектуру, владеть мастерством пленэра.

«Будить современников величавыми образами духа», — призывал нас Врубель. Великие русские художники — Иванов, Брюллов, Суриков, Рябушкин, Кустодиев, Нестеров — познавали законы искусства исторической картины у мастеров высокого Возрождения Италии — Тинторетто, Тициана, Веронезе... Их искусство свидетельствует не только о самобытности великого русского национального искусства, но и творческом осмыслении опыта старых мастеров.

О характере работы мастерской свидетельствуют такие, например, темы дипломных работ, как «Битва на Калке», «Призвание на царство Михаила Романова», «Утро Воскресения Господня», «Поцелуй Иуды», «Изгнание торгующих из храма», «Великомученица Елизавета Фёдоровна», «Положение во гроб», «Смутное время». Каждый художник, создающий историческую картину, должен помнить слова А.С. Пушкина: «Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал».

Россия обладает разнообразным по видам и историко-культурной значимости недвижимым культурным наследием. Древнейшая, античная и средневековая археология; исторические города X — XX веков, например Великий Устюг в Вологодской области или Городец Нижегородской области; исторические центры городов (Тверь, Калуга, Кострома); созданные в XVIII — начале XIX веков архитектурные ансамбли Санкт-Петербурга; древнейшие Кремли (в Москве, Великом Новгороде, Рязани, Пскове, Тобольске); крепости, монастыри, соборы и приходские храмы XI — XIX веков; общественные постройки и другие — перечисление всех объектов заняло бы несколько страниц.

Обеспечение сохранности и правильного использования богатейшего недвижимого наследия, его популяризация требуют участия высококвалифицированных специалистов, обладающих знаниями в области истории, археологии, архитектуры, истории искусства, права, строительства и строительных материалов, архивоведения, имеющих навыки в области историко-культурных исследований и архитектурного проектирования.

Такой спектр дисциплин отсутствует в программах подготовки архитекторов, строителей, историков, искусствоведов. Даже в учебных планах реставраторов и музееведов, выпуск которых ведётся в нашей стране не один год, отсутствуют многие дисциплины, необходимые в работе с объектами недвижимого культурного наследия.

Вопрос о подготовке специалистов в области охраны культурного наследия поднимался в 1970-х — 1980-х годах, однако реализовалась эта идея лишь в начале 1990-х. Поэтому совершенно естественно выглядит появление в Академии такого направления, как подготовка подобных специалистов. Это была первая не только в России, но и в Европе попытка создать в системе высшего образования специальность для охраны культурных памятников. За прошедшие годы уже подготовлены десятки специалистов, которые в своей практике продолжают реализовывать планы своих великих учителей по защите культурного и исторического наследия нашей страны. То, что подобная специальность появилась именно здесь, весьма закономерно, так как создатель Академии, выдающийся русский живописец и общественный деятель Илья Сергеевич Глазунов ещё в молодые годы вошёл в число не просто любителей старины, но борцов за сохранение её исторического и культурного наследия, выступая и против сноса древних построек Китай-города ради строительства гостиницы «Россия», и за сохранение арбатских улиц, исчезавших под безликим Новым Арбатом, и, наконец, реально возродив дом Юшкова

— один из лучших памятников допожарной Москвы и русской художественной культуры.

На протяжении всей своей творческой деятельности И.С. Глазунов не только спасал и сохранял памятники русской культуры, но и развивал традиции национальной архитектуры, проектируя и строя новые здания и сооружения.

В 70-х годах Илья Сергеевич участвует в конкурсе на сооружение музея в селе Палех.

В 1988 г. — строительство здания Советского посольства в Мадриде.

В 1994 г. — проект приёмных помещений, залов, кабинетов президента России в Кремле, а также строительство Академии с великолепными интерьерами библиотеки, парадной лестницы, музея и конференц-зала.

На Новинском бульваре выполнен проект Московской городской усадьбы.

В 1997 г. началась реконструкция Большого Кремлёвского дворца. Художественным руководителем был назначен Илья Сергеевич Глазунов. По утверждённому проекту восстанавливали два зала — Андреевский и Александровский. Появилась необходимость решить прилегающие помещения так называемой Гостевой пристройки в духе дворцовых интерьеров.

В Академии была создана в 1988 году кафедра истории искусства. У неё была двуединая задача: с одной стороны, закладывать основы фундаментального образования художников и других творческих профессий всех специальностей, а с другой — готовить специалистов в области отечественного искусствоведения, которое ещё недавно дало блестящих учёных, искусствоведов с мировым именем, таких как Н. Кондаков, С. Дягилев, С. Маковский, А. Бенуа, И. Грабарь, В. Лазарев и другие. С этой целью учебные планы кафедры включают в себя преподавание целого спектра теоретических и специальных дисциплин, необходимых для подготовки как искусствоведов, так и студентов других специальностей. Однако учебная практика показала, что объединение в рамках одной кафедры этих задач затруднительно, и поэтому в 2000 году был сформирован факультет искусствоведения. Сегодня в составе факультета две кафедры: всеобщей истории искусств и основ гражданственности.

В стенах Академии бережно сохраняются лучшие традиции классического гуманитарного образования, ведь, как считал 100 лет назад известный знаток искусства барон Н.Н. Врангель: «Нет ничего хуже культуры в зачаточном состоянии, «полуобразованности», ко-

торая мнит себя наукой, начала, которое считает себя концом». Студенты готовятся к лекциям и семинарам в богатейшей библиотеке Академии, а также в центральных библиотеках и архивах Москвы. Занятия, посвящённые культуре Древнего мира, Византии, европейского Средневековья, Нового и Новейшего времени, проводятся в аудиториях Академии, оснащённых современным оборудованием. Студенты-искусствоведы старших курсов в своих итоговых дипломных работах нередко вводят в научный обиход новые и малоизвестные данные, способствующие атрибуции произведений искусства, открытию новых имен, ранее неизвестных мастеров. Многие дипломные работы, представленные к защите и успешно защищённые на кафедре теории и истории искусства, представляют собой зрелые научные труды. Их авторы — выпускники, склонные к научно-исследовательской работе, — продолжают образование в аспирантуре Академии, НИИ Российской академии художеств и других учебных заведениях.

Учебно-творческая и музейная практика проходит в крупнейших музеях Санкт-Петербурга, Москвы и Подмосковья, городов Золотого кольца России. В ходе летней учебной практики студенты получают опыт исследования памятников русского зодчества, изучают особенности жилой, дворцовой и храмовой архитектуры, осваивают основы редакционно-издательской работы, участвуют в археологических экспедициях.

Задачей кафедры «Основы гражданственности» является организация научной и учебно-педагогической работы профессорско-преподавательского состава кафедры и студентов Академии с целью освоения и дальнейшего изучения граней российской истории и воспитания у студентов Академии чувства высокой гражданственности на живых образах героев Отечества. Проблема в том, что всякий, кто попытается уяснить для себя, кем были наши предки до «новой эры Октября», непременно с первых же шагов своего поиска обнаружит, что наша историческая наука покоится на так называемых «общеизвестных» истинах, которые имеют привилегию не оспариваться. Между тем многие из этих общепризнанных аксиом, которыми пронизана вся наша гуманитарная наука, порой не согласуются не только с реальными фактами, но иногда противоречат даже здравому смыслу. И это не случайно: исторические сочинения, прославляющие героический путь своего народа, являются той основой, на которой, по существу, формируется национальное самосознание.

Сегодня становится очевидной уже официально провозглашённая государством необходимость возрождения добрых семейных, на-

циональных, религиозно-этических традиций, основ человеческой нравственности, начиная от почтения к родителям и кончая сознанием глубокой ответственности перед Родиной и её героической историей. Однако, изучив древность греков и римлян, египтян и ассирийцев, мы почти не знаем глубин собственной истории: каковы были верования, система ценностей, отличительные черты наших прародителей, как и когда они формировали начала своей государственности? А между тем грядущей России нужен человек — подлинный гражданин своего Отечества, одухотворённый идеалами добра, тонко чувствующий пагубное влияние зла, впитавший в себя весь героический путь наших предков по дороге истории, начиная с момента зарождения славянской цивилизации. Там, в глубине веков можно увидеть победы и поражения, но никогда и никому не удавалось сломить волю наших отцов в борьбе за свою свободу, за правду, за идеалы святости, за сохранение своих традиций, языка и культуры. И эту волю к сохранению своего духовного и культурного наследия мы должны воспитать у своих студентов.

Как искусствоведам, так и художникам, скульпторам, реставраторам необходимо изучение таких дисциплин, как история Отечества, всеобщая история, история философии, психология и педагогика, история отечественной и зарубежной литературы, основы гражданственности, экономика, церковнославянский язык, русский язык и культура речи, основы православия, национальное самосознание, грани русской цивилизации. Высокий уровень практической этики должен войти в сферу педагогического образования наряду с требованиями профессионального мастерства, умением владеть собой, овладением основами человеческой нравственности и воспитанности.

Ориентация на творчество требует глубокого профессионального знания и предполагает отсутствие строгой регламентации, что заставляет решительно отвергнуть догматику как советской, так и перестроечной эпохи в преподавании гуманитарных дисциплин. Концепция подготовки специалистов по дисциплинам кафедры «Основы гражданственности» заключается в том, чтобы вывести студентов на современный уровень знаний и творческого изучения гуманитарных предметов, обеспечивающих как широкий кругозор по основным направлениям духовно-просветительской деятельности, так и способность самостоятельного творческого освоения знаний.

Главные отличия учебно-методического процесса кафедры состоят в том, что, во-первых, применяются новые или существенно обновлённые программы по основным предметам, во-вторых, имеет-

ся целый ряд авторских оригинальных курсов, созданных преподавателями кафедры, в-третьих, есть уникальная библиотека, собранная её ректором профессором И.С. Глазуновым.

Во время лекций, на производственной практике в древних городах Руси студенты посещают картинные галереи, знакомятся с произведениями великих русских художников, писателей, историков и религиозных мыслителей, совершают поездки за рубеж для знакомства с творчеством европейских живописцев и мыслителей русской эмиграции.

Русские художники, мыслители, писатели всегда стремились выразить свой духовный мир, своё понимание добра и зла, своё видение идеи Нравственного абсолюта, выраженной Спасителем в Нагорной проповеди. Соединяя образ картины с образом слова, они духовно воздействуют на зрителя и читателя.

Научные публикации сотрудников кафедры, тематика проводимых научных исследований показывают, что все преподаватели кафедры имеют собственное направления, в рамках которых ведётся их научная работа, и научные результаты её используются в учебном процессе.

Развиваются связи кафедры «Основы гражданственности» с институтами Академии наук, другими научными и учебно-образовательными учреждениями, творческими союзами, музеями, галереями. Один из способов укрепления таких связей — привлечение к преподавательской деятельности на кафедре сотрудников и профессоров ведущих научных и образовательных учреждений России.

Коллектив кафедры «Основы гражданственности», его профессора, доценты, преподаватели — это учёные и педагоги, сотрудники научно-исследовательских институтов, писатели и общественные деятели. Они известны своими научными работами, а также глубоким патриотическим и гражданским служением идеалам великой русской культуры.

Вот уже почти 20 лет как наша Академия, созданная волей и энергией талантливейшего художника и гражданина Ильи Глазунова, имя которого широко знают и чтят во всём мире, даёт блестящее образование и виртуозное мастерство молодым художникам, скульпторам, архитекторам, искусствоведам и реставраторам. Свидетельство этому — выпускники Академии, многие имена которых сегодня стяжали заслуженную известность.

Справедливо утверждают, что коллектив Академии, её преподаватели представляют собой удивительный сплав творцов, отличающихся не только блеском своего таланта и мастерства, но и глубокой

патриотической жертвенностью гражданского служения идеалам великой русской культуры.

Наша Академия живописи, ваяния и зодчества, самая молодая из академий, сохраняет верность традициям, уходящим корнями в истинную духовность, которой отмечена вся древняя русская цивилизация. Преподаватели Академии, в большинстве своём художники, являются учениками профессора И.С. Глазунова, окончившими в разное время мастерскую портрета Суриковского института, которую он возглавлял долгие годы, а также Российскую академию живописи, ваяния и зодчества.

Имена преподавателей, которые сегодня с полной отдачей, самоотверженно трудятся в стенах Академии, широко известны по их работам, представленным на различных выставках как у нас, так и за рубежом, — И.И. Глазунов, И.В.Лапин, А.П. Афонин, С.Г. Москвитин, Ю.А. Сергеев, Ю.М. Арсенюк, Д.А. Слепушкин, П.В. Рыженко, А.Н. Устинович, Л.С. Хасьянова, В.А. Штейн, О.Ф. Штырно, В.А. Чёрный, Н.П. Сидоров и другие. Многие из них молоды — некоторым только за 30, но ещё во время учебы они впитали в себя то, что отличало их от других студентов. Долгие месяцы, проведённые над изучением и копированием старых художников в Третьяковской галерее, Русском музее и Эрмитаже, дали им возможность постигнуть секреты мастерства, которые они сегодня передают своим студентам.

В Академии работают известные своим высоким профессиональным мастерством такие деятели нашей культуры и искусства, как заслуженный работник культуры РФ Г.Г. Стрельников, старейший и многоопытный реставратор древнерусской живописи, профессор, заслуженный деятель искусств РФ В.В. Филатов, профессор, заслуженный деятель искусств РФ Б.Г. Лукьянов, профессор Л.А. Маркина и другие.

Многие русские художники, выпускники Академии и ученики И.С. Глазунова, достойно представляют русскую реалистическую живопись — это М. Шаньков, О.И. Молчанов, Д.А. Белюкин и многие другие.

К сегодняшнему дню Академия осуществила несколько выпусков высококлассных специалистов. В настоящее время в ней обучаются около 300 студентов. Действует ассистентура-стажировка для особо одарённых выпускников. Ныне в Академии существуют: кафедра живописи, включающая три мастерские — историческую, портретную и пейзажную; кафедра академического и анатомического рисунка; кафедра композиции и копийной живописи; факультет скульптуры, ар-

хитектуры с кафедрой интерьера и охраны памятников истории и культуры; факультет реставрации; и факультет искусствознания.

Сегодня очень часто задают себе вопрос: почему Глазунову удалось всё то, что не удалось другим художникам? Ведь среди них были и сейчас есть немало очень талантливых мастеров. Вероятно, ответ на этот вопрос следует искать в том, что, помимо таланта и трудолюбия, надо было ещё иметь мужество и ясную гражданскую позицию, чтобы прежде всего противостоять господствовавшей тогда системе власти, подавляющей всякое проявление русской идеи. Но не только власть не поддержала Глазунова, некоторая часть русской интеллигенции того времени, да и современной тоже, была и остаётся чуждой русской культуре. Она не готова искать корни своего творчества в глубинах истории, а стремится поскорее слиться с милым её сердцу сообществом «цивилизованных» стран. Она так и продолжает пребывать в либерально-национальном духе. Но, с другой стороны, столь «ревностное» отношение со стороны собратьев по цеху, сформировавшее ту атмосферу оппозиции и недоброжелательства, в конечном счёте выковали бойцовский характер и творческую дерзость великого художника и гражданина Ильи Сергеевича Глазунова, создателя и бессменного руководителя Российской академии живописи, ваяния и зодчества, народного художника СССР, академика, члена Мадридской и Барселонской королевских академий, профессора, лауреата премии ЮНЕСКО.

21 декабря 2006 года Академию посетил президент России В.В. Путин и оставил в Книге отзывов такую запись: «Поздравляю преподавательский, творческий коллектив с высокой планкой, которую вы держите при подготовке студентов, воспитывая их на лучших традициях отечественной художественной школы. Гордимся вами! В.В. Путин».

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Андреев Э.М.** Главный научный сотрудник ИСПИ РАН, профессор кафедры социологии и политологии ИППК МГУ им. М.В. Ломоносова, действительный член Академии педагогических и социальных наук, Международной педагогической академии, Академии политической науки
- Васильева Т. А.** Председатель Комитета общественных связей города Москвы, кандидат исторических наук
- Засурский Я. Н.** Декан факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор филологических наук, профессор
- Иванов В. Н.** Член-корреспондент Российской Академии наук, советник РАН, вице-президент Российской академии социальных наук, главный редактор журнала «Наука. Культура. Общество», доктор философских наук, профессор, сопредседатель Редакционного совета
- Красногорский В.И.** Военный комиссар города Москвы, генерал-майор
- Маршак А. Л.** Заведующий кафедрой социологии и гуманитарных дисциплин Российской академии предпринимательства, доктор философских наук, профессор
- Миронов А.В.** Главный редактор журнала «Социально-гуманитарные знания», доктор социологических наук, профессор
- Сергеев В. К.** Директор Московского института социально-культурных программ, действительный член Российской академии социальных наук, Академии безопасности, обороны и правопорядка, доктор социологических наук, заслуженный работник культуры Российской Федерации, сопредседатель Редакционного совета
- Сосунова И. А.** Руководитель Центра прикладной социологии РЭФИА МПР России, действительный член Международной академии экологии, Академии политической науки, доктор социологических наук, профессор
- Худяков С. И.** Председатель Комитета по культуре города Москвы, кандидат философских наук
- Швецова Л.И.** Первый заместитель мэра Москвы в Правительстве Москвы, руководитель Комплекса социальной сферы, кандидат политических наук
- Шкондин М.В.** Заведующий кафедрой теории и практики печати факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор филологических наук, профессор
- Яновский Р. Г.** Член-корреспондент Российской Академии наук, руководитель Центра социальной безопасности ИСПИ РАН, доктор философских наук, профессор

СОДЕРЖАНИЕ

КРЫЛОВА И.А.	Глобализация и её возможные негативные последствия	3
РЕМИЗОВ В.А.	Духовные риски личности в современном культурном пространстве	14
АФНАСЬЕВА О.В.	Преступность как антитворчество и духовное неблагополучие	22
ГУЛЯЕВ М.Е.	Место гражданской инициативы в социально-культурной и гуманитарной политике	45
СИЛАНТЬЕВА М.В.	Самоопределение современной России: между обществом потребления и национальной самобытностью	50
ГЛАГОЛЕВ В.С.	Реалии духовной культуры России начала XXI века в условиях глобализации	58
ЧЕРНАВИН Ю.А.	Социально-политический статус личности россиянина	64
КСЕНОФОНТОВ В.В.	Политическая стабильность российского общества: состояние, специфика, управление	74
МАРШАК А.Л. СЕРГЕЕВ В.В.	О некоторых новых тенденциях в молодёжной субкультуре современной России	90
ТОРУКАЛО В.П.	Культура в многонациональном российском обществе	95
ДИЕНКО Н.П. КУВАКОВА И.М.	Актуальные проблемы развития библиотек Москвы	103
БОКОВ В.Н.	Патриотическая идеология: содержание и социальная роль	122
БОЛЬШАКОВ В.И.	К юбилею Российской академии живописи, ваяния и зодчества, созданной народным художником Ильёй Глазуновым	132

«ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология.
Культура». Выпуск № 1 (14), 2007 г.
Научное издание

Главный редактор — доктор социологических наук В.К.Сергеев
Ответственный за выпуск — В.Г.Донской

Учредитель

Государственное научно-исследовательское учреждение города Москвы
«Московский институт социально-культурных программ»
109012, г. Москва, Старопанский пер., 1/5, стр.1

Издатель

Государственное научно-исследовательское учреждение города Москвы
«Московский институт социально-культурных программ»
109012, г. Москва, Старопанский пер., 1/5, стр.1

Издание зарегистрировано

Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых информационных и охране культурного
наследия Центрального федерального округа. Свидетельство о
регистрации ПИ № ФС1 — 01933 от 6 октября 2005 года.
Индекс по каталогу агентства «Роспечать» — 36938.

Адрес редакции

109012, г. Москва, Старопанский пер., 1/5, стр.1

Телефон редакции: (8-495)-623-46-49

Факс: (8-495)-628-65-27 **E-mail:** miskp@mail.ru **http://www.miskp.ru**

Распространение

Журнал «ПОИСК» направляется членам Правительства Москвы,
депутатам Государственной Думы от Москвы, депутатам Московской
городской Думы, центральным органам власти Российской Федерации,
представительствам субъектов Федерации в Москве, департаментам,
комитетам и управлениям Правительства Москвы, руководителям 125
районов Москвы, учреждениям культурно-досуговой сферы Москвы.

Сдано в набор 30.03.07 Подписано в печать 23.04.07
Формат 60x84/16. Гарнитура «Таймс». Цена договорная
Тираж 550 экз. Заказ №
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,5
Издательство «Серебряные нити»
129224, Москва, Варсонофьевский пер., 8

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП МО «Коломенская типография»
140400, Московская обл., Коломна, ул. III Интернационала, 2а